

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

На правах рукописи

Шешкина Татьяна Фоминична

СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Корнилов Геннадий Емельянович

Чебоксары – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ЕГО ПРОДУКТЫ, ИХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	10
§ 1.1. Основные исторические грамматики германских и славянских языков.....	10
§ 1.2 Основные этимологические словари германских языков.....	16
§ 1.3 Основные этимологические словари славянских языков	22
ГЛАВА 2. НЕМЕЦКИЕ ЭТИМОЛОГИИ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ИХ СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ	32
§ 2.1 Лексико-семантическое поле «Человек и его внешность».....	33
§ 2.1.1 Лексико-семантическая группа	33
«Человек, как представитель вида Homo sapiens».....	33
§ 2.1.2 Лексико-семантическая группа «Части тела человека».....	43
§ 2.1.3 Лексико-семантическая группа «Волосистой покров человека»	70
§ 2.2 Лексико-семантическое поле «Общественная и трудовая деятельность человека»	79
§ 2.2.1 Лексико-семантическая группа «Сословия»	79
§ 2.2.2 Лексико-семантическая группа «Правовые отношения»	86
§ 2.2.3 Лексико-семантическая группа «Денежно-имущественные отношения» ..	97
§ 2.2.4 Лексико-семантическая группа «Профессия, ремесло».....	105
§ 2.2.5 Лексико-семантическая группа «Женское рукоделие».....	110
§ 2.3 Лексико-семантическое поле «Чувства, эмоции».....	118

§ 2.3.1 Лексико-семантическая группа «Недоброжелательность»	118
§ 2.3.2 Лексико-семантическая группа «Любовь, привязанность»	128
§ 2.4. Лексико-семантическое поле «Биосфера»	137
§ 2.4.1 Лексико-семантическая группа «Животный мир»	137
§ 2.4.2 Лексико-семантическая группа «Растительный мир»	154
ГЛАВА 3. СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ НЕМЕЦКИХ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ И АФФИКСОВ В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСЕ	163
§ 3.1 Славянские лексические параллели этимологий немецких служебных слов в сравнительно-историческом освещении	164
§ 3.1.1 Славянские лексические параллели немецких предлогов в сравнительно- историческом ракурсе	164
§ 3.1.2 Славянские лексические параллели немецких союзов в сравнительно- историческом ракурсе	172
§ 3.2 Славянские лексические параллели этимологий немецких аффиксов в сравнительно-историческом ракурсе	176
§ 3.2.1 Славянские лексические параллели немецких префиксов в сравнительно- историческом ракурсе	176
§ 3.2.2 Славянские лексические параллели немецких суффиксов в сравнительно- историческом ракурсе	183
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	190
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	193
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	200

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В лингвистике до сих пор не ставилась и не решалась глобальная проблема исчерпывающего определения объема и полиаспектного характера межъязыковых лексических параллелей между близкородственными, дальнеродственными и неродственными языками, возникшими в результате, как праязыкового наследия, так и конкретных моментов этнических контактов. Решение этой проблемы способствовало бы более или менее точному определению места каждого языка, каждой группы или даже семьи языков в общем языковом континууме.

Исследование славянских лексических параллелей немецких этимологий в соответствии с их фонетическими и морфологическими характеристиками, с уровнем глубины возможной реконструкции (праславянское, прагерманское, праиндоевропейское состояние), с характером имеющих место заимствований (с указанием источника заимствования, путей проникновения, хронологии) позволяет определить роль каждого конкретного славянского языка в реконструкции архетипов немецких этимологий, выявить культурно-историческую, территориальную и этническую картину германо-славянского языкового и неязыкового взаимодействия.

Использованный в определении темы диссертационной работы термин «этимологический словарь» имеет собирательный характер.

Степень научной разработанности темы. Первые попытки создания словников, содержащих этимологические пометы и отражающих накопленные исследовательские данные по истории лексического запаса славянских и германских языков, датируются 16–17 в. и принадлежат К. Килиану, Т. Блаунту, П. Берынде. Трансформация вектора лингвистических исследований, от указаний возможных заимствований к определению архетипов слов, а также создание этимологических лексикографических трудов в их современном понимании связано с именами У. Скита, Я. Гримма и В. Гримма, Й. Добровского,

Ю. Покорного, Ф. Клуге, М. Фасмера, В. Пфайфера, О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, А.Е. Аникина.

Отметим, что представление о функции и значимости славянских лексических параллелей, представленных в немецких этимологических словарях, до сих пор не было предметом специального научного исследования.

Объектом исследования данной диссертационной работы являются славяно-германские лексические параллели.

В качестве **предмета исследования** выступают славянские лексические параллели немецких знаменательных и служебных слов, а также аффиксов в сравнительно-историческом освещении.

Целью исследования является определение объема и характера славяно-германских лексических параллелей в аспекте диахронии с привлечением данных фонетики, морфологии, семантики, фразеологии. Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- рассмотреть основные исторические грамматики и этимологические словари славянских и германских языков, их место и роль в развитии сравнительно-исторического языкознания;
- собрать, систематизировать и описать славянские лексические параллели, представленные в наиболее полных этимологических словарях немецкого языка
- проанализировать славянские лексические параллели немецких знаменательных слов в сравнительно-историческом освещении с учетом фонетических переходов, морфологических изменений и семантических трансформаций;
- проанализировать славянские лексические параллели немецких служебных слов и аффиксов в сравнительно-историческом освещении с учетом фонетических переходов, морфологических изменений и семантических трансформаций;
- рассмотреть реализацию исследуемых славяно-германских лексических параллелей в поле фразеологии и ономастики, с точки зрения их количественности, особенностей структуры денотативного и коннотативного макрокомпонентов.

Научная новизна. На русском языке, в России, за всю ее историю не было издано, хотя бы в переводе, ни одного этимологического словаря западноевропейского языка, совершенно необходимого для углубленного изучения и преподавания иностранных языков (за исключением «Этимологического словаря современного немецкого языка» М.М. Маковского, который существует за рамками классических этимологических словарей и, по существу, им не является). Соответствующая задача в отечественной лингвистике давно поставлена, для ее решения, среди прочего, необходимо осмысление трудов флагманов мировой этимологии. Данная диссертация призвана положить начало решению сформулированной выше проблемы.

Теоретическая значимость данной исследовательской работы заключается в выяснении и уточнении вклада конкретных этимологических решений в компаративистику, создание четкого представления об объеме и характере славянского вклада в решение конкретных проблем германистики.

Практическая значимость. Материалы и результаты исследования могут быть использованы при восполнении неизбежных лакун, возникающих в процессе дальнейшей работы над этимологическими словарями конкретных славянских языков и их праславянской основы. Также полученные данные позволяют уточнить и расширить существующие представления о значении и месте славянских лексических параллелей в практике работы над созданием этимологических словарей вообще и этимологических словарей конкретных германских языков в частности.

Материалом исследования послужили данные, извлеченные из этимологических лексикографических источников: «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера; «Этимологического словаря славянских языков. Праславянского лексического фонда» О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот; «Историко-этимологического словаря русского языка» П.Я. Черных; «Этимологического словаря русского языка» Н.М. Шанского; «Русского этимологического словаря» А.Е. Аникина; «Этимологического словаря русского языка» А.Г. Преображенского; «Slavisches etymologisches Wörterbuch»

Э. Бернекера; «Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon» Р. Дерксена; «Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache» Ф. Клуге; «Etymologisches Wörterbuch des Deutschen» В. Пфайфера и возглавляемого им авторского коллектива (далее – АК); «Etymological Dictionary of Proto-Germanic» Г. Кроонена; «Indogermanisches etymologisches Wörterbuch» Ю. Покорного и др.

Активно привлекались данные исторических словарей – «Словаря церковно-славянского и русского языка» (далее – СлЦСРЯ), «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)» (далее – СлДРЯ XI–XIV вв.); данные диалектологии – «Словаря русских народных говоров» (далее – СлРНГ). Включен материал толковых словарей русского и немецкого языков, двуязычных словарей в области ботаники, топонимики, фразеологии, пятиязычных словарей в области зоологии. В исследовании приведены результаты изысканий ведущих отечественных и зарубежных языковедов, специалистов в сфере этимологии: О.Н. Трубачева, В.Н. Топорова, А.Ф. Журавлева, Г.Е. Корнилова, А.С. Львова, О. Семереньи, В. Махека, А. Мейе, В. Пизани. Перевод на русский язык включенных в исследование иноязычных материалов и данных выполнен диссертантом.

В соответствии с целью данной диссертации и постановкой вышеуказанных задач, нами были применены следующие лингвистические **методы исследования**: сравнительно-исторический, сопоставительный, интерпретационный методы, метод сплошной выборки. Использовались также описательный и статистический методы, а также метод этимологического анализа.

В положениях, выносимых на защиту, отражены ключевые результаты проведенного исследования:

1. Славянские лексические параллели обнаруживают высокую степень участия в реконструкции немецких этимонов.
2. Славянские лексические параллели большинства немецких этимологий знаменательных слов реконструируются до уровня индоевропейских основ, при этом присутствуют заимствования и размытость некоторых этимологий.

3. Славянские лексические параллели немецких синкатегорематических языковых единиц и аффиксов демонстрируют принадлежность к индоевропейскому генетическому пласту и имеют ясную этимологию.

4. Различия структурно-языкового значения славяно-германских лексических параллелей проявляются в грамматическом макрокомпоненте: в аспекте частеречности и родовой принадлежности.

5. Различия в функциональном компоненте славяно-германских лексических соответствий обнаруживаются в функционально-темпоральном ракурсе.

6. Единая точка зрения на проблему определения и дальнейшей этимологизации славянских лексических параллелей немецких лексем и морфем в исследовательской среде языковедов не выработана.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены на VII Международной научно-практической конференции «Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам» (г. Брянск, 2019 г.); на IX Международной научной конференции молодых ученых, посвященной 90-летию юбилею кафедры иностранных языков Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина «Актуальные вопросы филологической науки XXI века» (г. Екатеринбург, 2020 г.); на Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Заслуженного деятеля науки республики Дагестан, Заслуженного работника высшей школы РФ, доктора филологических наук профессора В.М. Загирова «Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики» (г. Махачкала, 2020 г.); на Национальной научно-практической конференции «Общество, образование, наука в современных парадигмах развития» (г. Керчь, 2020 г.); на Всероссийской научно-практической конференции «Диалог культур в контексте образовательной деятельности» (г. Набережные Челны, 2020 г.); на II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам»

(г. Орел, 2020 г.); на I Всероссийской научно-практической онлайн-конференции «Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации» (г. Орел 2021 г.); на Национальной научно-практической конференции «Наука и общество: актуальные проблемы и решения» (г. Керчь 2021 г.).

Также основные результаты данного исследования изложены в пяти публикациях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Структура работы: Диссертация включает в себя введение, три главы, заключение, список условных сокращений и список литературы.

ГЛАВА 1. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ, ЕГО ПРОДУКТЫ, ИХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

§ 1.1. Основные исторические грамматики германских и славянских языков

Сравнительно-историческое языкознание определяет своим объектом исследование родственных, генетически связанных языков и определение эволюционных изменений в них произошедших. Базисным функционалом проведения исследований в этой области языкознания является сравнительно-исторический метод, включающий в себя приёмы лингвистической реконструкции, как внутренней, так и внешней, анализ лексических заимствований и данных топонимики. В качестве системообразующей формы проводимых исследований обозначены сравнительно-исторические грамматики и этимологические словари [43, с. 48].

Санскрит и его введение в европейскую научную лингвистическую среду в 18 в. могут быть рассмотрены в качестве основополагающих отправных точек возникновения сравнительно-исторического языкознания, однако дифференцировать науку о языке вне ее связи с культурно-историческими, мировоззренческими, философскими, научными и социальными явлениями того времени не представляется возможным. В исследовательских кругах, не только и не столько лингвистических, становится очевидной необходимость поиска некой общей основы, породившей с течением времени и посредством различных эволюционных изменений многообразие форм изучаемых явлений. Наука о языке также приняла этот вектор развития, что послужило импульсом к исследовательской работе по поиску праязыка, выявлению путей его развития и способам трансформации его формы в историческом аспекте и актуализировало постановку вопроса о языковом родстве.

Одну из первых попыток сравнения грамматических единиц и конструкций предпринял немецкий филолог И.К. Аделунг. В своем четырехтомном труде «Митридат, или Всеобщее языкознание, имеющее в качестве языкового примера Отче Наш почти на пятистах языках и диалектах» (нем. «Mithridates, oder Allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater Unser als Sprachprobe in bey nahe fünfhundert Sprachen und Mundarten») исследователь приходит к выводу, что все рассмотренные им языки и диалекты имеют общие структурные элементы – корни [99].

В качестве базы исследования используется перевод молитвы «Отче наш» на каждом из рассматриваемых языков и диалектов, иногда с грамматическими комментариями. Автор убежден, что в процессе своего развития одни корни приобретают те или иные изменения, как семантические, так и фонетические, другие напротив, сохраняют вполне узнаваемую архаичную форму, вследствие чего напрашивается вывод, о нецелесообразности проведения исследования по поиску корней-основ, корней-праисточников на материале одного конкретного языка [18].

Таким образом, в работе И.К. Аделунга сравниваются не только лексические единицы языка, но и его грамматический строй. Исследователь рассматривает языки, основываясь, прежде всего на географическом принципе, с точки зрения их использования на определенной территории, что не соответствует нормам современного языкознания, принимающего в расчет генеалогическую классификацию языков. Однако уже сама попытка сопоставления языков побудила лингвистическое научное сообщество к выработке основных постулатов таксономии при изучении структуры языка, что в дальнейшем послужило базой становления типологии и компаративистики.

Значительный вклад в определении роли исторической грамматики в качестве формы языковых исследований принадлежит Ф. Шлегелю. В своей работе «О языке и мудрости индийцев» (нем. «Über die Sprache und Weisheit der Indier») исследователь впервые вводит сам термин «сравнительная грамматика» (нем. «die vergleichende Grammatik») и обозначает ее роль в деле установления

языкового родства. Языковед подчеркивает, что схожесть сравниваемых языков – санскрита, греческого, латинского, персидского, немецкого и др. – лежит в плоскости их внутренней структуры и грамматики [147, с. 3]. По его мнению, «тем решающим моментом, проясняющим все, является внутренняя структура языка, или сравнительная грамматика, которая даст нам совершенно новое разъяснение о генеалогии языка, таким же образом, как и сравнительная анатомия пролила свет на естественную историю» [там же, с. 28].

Фундаментальные труды Ф. Боппа, Р.К. Раска, Я. Гримма послужили основой становления исторической грамматики в качестве одного из ведущих направлений исследований в сравнительно-историческом языкознании.

Так, Ф. Бопп в своей работе «О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковою в греческом, латинском, персидском и германских языках» (нем. «Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechisch-lateinischen, persischen und germanischen Sprache») впервые указывает на присоединение аффиксов к корню, как на дополнительную возможность словообразования, не ограничиваясь в качестве основного направления рамками апофонического чередования [105]. Развивая эту мысль в своем основном труде, первой сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков «Сравнительной грамматике санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков» (нем. «Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gotischen und Deutschen»), Ф. Бопп, как и Ф. Шлегель, обращается к вопросу словообразования в санскрите и индоевропейских языках, выдвигая собственную теорию агглютинации [106].

В статье О.А. Волошиной подробно освещается инновационная исследовательская работа этих двух языковедов. Автор указывает, что Ф. Бопп, впервые применяя метод морфемного членения словоформы, приходит к выводу об образовании спрягаемых и склоняемых форм основ глагольных и именных в процессе агглютинации односложных корней [19, с. 46].

В 1818г. в свет выходит фундаментальный труд Р. Раска «Исследование в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка» (дат. «Undersøgelse om det gamle Nordiske eller Islandske Sprogs Oprindelse») [142]. Исследователь призывает в ходе сравнения нескольких языков с целью выявления степени их родства, опираться главным образом на грамматический строй языка, который, по его мнению, является более надежным фундаментом исследований по сравнению с лексическими соответствиями. В этой же работе Р. Раск говорит и о регулярных звуковых соответствиях, как о важном маркере определения языкового родства.

Эту идею развивает и систематизирует Я. Grimm в своем фундаментальном труде «Немецкая грамматика» (нем. «Deutsche Grammatik») [120]. Следует отметить, что название труда намного уже его содержимого: Я. Гримм можно с уверенностью назвать создателем первой исторической грамматики германских языков.

В первом томе «Немецкой грамматики» автор оформляет обнаруженное ранее Р. Раском германское передвижение согласных в виде фонетического закона. Большое внимание в работе уделяется анализу способов словообразования и словоизменения в германских языках с учетом внешней и внутренней флексии. На основе вышеперечисленных факторов Я. Гримм исследует степень родства языков, их происхождение и место в индоевропейской языковой семье.

Ценные обобщения и замечания о становлении сравнительно-исторического языкознания в германском языковом поле, и о роли исторических грамматик Ф. Боппа, Ф. Шлегеля, Я. Гримма в этом процессе приведены в исследовании С.А. Ромашко [68].

В славистике появление исторических грамматик также явилось следствием возросшего интереса к идеям сравнительно-исторического языкознания. При этом на передний план исследований лингвистов-славистов выходила оппозиция «современный литературный язык – церковнославянский язык», что и привело в начале 19 в. к превалированию в лингвистических исследованиях сравнительного метода.

Научная грамматическая мысль в славистике шла в фарватере интереса к письменной речи, к церковнославянской грамматике. Доказательство языкового родства славянских языков не обозначалось в качестве цели исторических грамматик в силу своей очевидности. Основной единицей языка признавалось слово [38].

Большой вклад в изучение славянских языков в сравнительно-историческом ракурсе внес Й. Добровский, автор базовой чешской грамматики «Подробной грамматики чешского языка» (нем. «Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntnis für Böhmen») [109]. В своей работе исследователь опирается, прежде всего, на чешские литературные тексты 16–17вв., в результате чего из его поля зрения выходят фонетические, морфологические и синтаксические изменения, которые произошли в чешском языке к моменту написания работы. Однако к несомненным заслугам автора можно отнести инициацию интереса к чешскому языку и культуре.

В своей более поздней работе «Грамматика языка славянского по древнему наречию, на коем россияне, сербы и другие славяне греческого исповедания, и далматы-глаголиты римского исповедания имеют церковные книги» (лат. «Institutiones linguae slavicae dialecti veteris») Й. Дубровский применяет сравнительно-исторический метод при исследовании старославянской грамматики [31].

А.Х. Востоков, стоящий у истоков сравнительно-исторического языкознания в России, в 1820 г. закончил свое монументальное творение «Рассуждение о славянском языке, служащее введением к Грамматике сего языка, составляемой по древнейшим оного письменным памятникам». Полностью работа была опубликована И. Срезневским под названием «Рассуждение о славянском языке» в труде «Филологические наблюдения А.Х. Востокова» [21].

В своем исследовании А.Х. Востоков выделяет этапы исторического развития славянских языков, вводит термин «старославянский язык» и тщательно

анализирует его систему вокализма. Системообразующей работой лингвиста в области исторической грамматики является «Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам» [20]. В исследовании большое внимание уделяется морфологии, с многосложным дроблением некоторых разделов, при этом раздел фонетики в работе отсутствует.

Значительный вклад в распространение идей сравнительно-исторического языкознания в России внес Ф.И. Буслаев. В своей работе «Историческая грамматика русского языка» исследователь описывает изменения формы слов, имевшие место в исторической перспективе [16]. Две части «Грамматики» посвящены этимологии и синтаксису соответственно. Повышенное внимание к лексической составляющей языка, изучение грамматики через призму лексики является характерной особенностью языкознания в России 19 в. Ф.И. Буслаев также сосредотачивает свое внимание, прежде всего на лексике, представляя отдельную грамматическую категорию, ее историческое развитие, как развитие лексических единиц. При этом исследователь рассматривает слова в их естественной среде существования – в конкретном предложении, а затем и в тексте. Не случайно вторая часть «Грамматики» полностью посвящена вопросам синтаксиса.

Магистерская диссертация П.А. Лавровского «О языке северных русских летописей» положила начало существованию исторической грамматики в том виде, в котором мы привыкли ее понимать [42]. В работе критически осмысливается господствовавшая идея исторической периодизации языка в рамках культурно-социального поля. Предлагается фиксировать периоды развития языка на основе произошедших языковых изменений, рассматриваемых в ракурсе определенного языкового уровня – фонетического, морфологического, синтаксического, а не в рамках определенного текста. Автор принимает в расчет и фонетические изменения, произошедшие в праязыке, как в системе вокализма, так и консонантизма. Отмечены функциональные отличия церковнославянского и древнерусского языков, с описанием диалектов последнего.

§ 1.2 Основные этимологические словари германских языков

Обращение к истории языка неизбежно привело исследователей-лингвистов к постановке вопроса о происхождении слов, что придало новый импульс развитию этимологии как отрасли языкознания. Важным этапом в развитии этой науки явилось создание этимологических словарей, представляющих результаты работы авторов по этимологизации и реконструкции архетипов исследуемых лексических единиц. Вторая половина 20 в. ознаменовалась бурным ростом количества издаваемых этимологических словарей, однако первые предпосылки к появлению лексикографических трудов в этой области возникли гораздо раньше.

Первые предвестники этимологических словарей германских языков в том виде и смысле, в котором мы их имеем и понимаем сейчас, появились в 16–17 вв. Так в 1599 г. вышел в свет труд К. Киля «Этимологикум нидерландского языка» (лат. *Etymologicum Teutonicae Linguae: Sive Dictionarium Teutonico-Latinum*) [126]. В своей работе, написанной на латинском языке, автор на практике применяет методы лингвистического сравнения, проводя параллели присутствия нидерландских слов и словоформ в других родственных языках. Ценными являются его замечания по географическому ареалу употребления представленной в работе лексики и указания на истинные этимологии.

Представляет интерес работа Т. Блаунта «Глоссография» (англ. «*Glossographia; or, a Dictionary interpreting such hard Words, whether Hebrew, Greek, Latin, Italian, that are now used in our refined English Tongue*»), опубликованная в 1656 г. [104]. Исследователь дает объяснение трудным для понимания обывателя словам, попутно сопровождая их, хотя и не все, этимологическими сведениями, точность которых не всегда высока.

Более пристальное внимание этимологическому аспекту уделяет английский лексикограф Э. Филлипс. Его работа «Новый мир английских слов» (англ. «*The New World of English Words, or, a General Dictionary*») [140], увидела свет в 1658 г. и выдержала несколько переизданий. Несмотря на наличие

большого числа заимствований дефиниций слов из трудов других лексикографов, особенно работ Т. Блаунта, очевиден тот факт, что автор использует этимологические пометы в качестве обязательного атрибута большинства приведенных словарных статей, включающих, как общеупотребительную лексику, так и имена собственные и иностранные термины. Также Э. Филлипс проводит маркировку устаревших слов, предостерегая своего читателя от их употребления в современной речи [125].

Значительным вкладом в развитие этимологической лексикографии германских языков стала работа С. Скиннера «Этимологикон английского языка» (лат. «*Etymologicon Linguae Anglicanae, Seu Explicatio vocum Anglicarum Etymologica ex Propriis fontibus, scil. ex Linguis duodecim*»), опубликованная в 1671 г. [150]. Словарь был также издан на латинском языке, что указывает на круг его предполагаемых читателей: людей образованных, ученых. В своей работе автор приводит ряд категорий слов, не относящихся к основному содержанию словаря (ботанические термины, иностранные слова, имена собственные), сведенных воедино в обособленных приложениях с соответствующими названиями: «*Etymologicon Botanicum*», «*Etymologicon Onomasticum*» и т.д. В такое же приложение вынесены и устаревшие слова, восходящие к 11 в., временам Вильгельма Завоевателя. Предметом исследования стали около 3200 слов с указанием их значения, этимологии и источника, где они были найдены, что демонстрирует научный подход автора к исследуемому материалу [125, р. 135–138]. Среди прочих, С. Скиннер в своем труде ссылается и на лексикографические работы К. Киля.

Языковой материал осмысливается в этимологическом ракурсе и в работе Н. Бейли «Универсальный этимологический словарь английского языка» (англ. «*An universal etymological English dictionary; comprehending the derivations of the generality of words in the English tongue, either ancient or modern and also a brief and clear explication of all difficult Words ...: To which is added, a collection of our most common proverbs*») [100]. Словарь был издан в 1721 г. и давал краткое толкование примерно 40 тыс. слов. Автор включил в свою работу общеупотребительные

слова, показал их послоговое членение, осуществив попытку нормирования произношения, и выдал этимологию, хотя и сомнительную, многих слов.

В 1741 г. публикуется работа И.Л. Фриша «Немецко-латинский словарь» (нем. «*Deutsch-Lateinisches Wörterbuch*») [116]. Словарь издан в двух томах и сопровождается обширными авторскими комментариями в аспекте этимологии.

И.К. Аделунг в своем труде «Грамматико-критический словарь верхненемецкого диалекта» (нем. «*Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen*»), помимо грамматических и орфографических форм слов, их семантических особенностей, затрагивает и этимологические вопросы, рассуждая о происхождении приведенных в словаре лексем [98]. Тираж первого издания словаря увидел свет в 1774–1786 гг., второе, переработанное издание было опубликовано в 1793–1801 гг.

В 1755 г. вышел в свет двухтомный словарь английского языка С. Джонсона (англ. «*The Dictionary of the English Language in which the words are deduced from their originals and illustrated in their different signification by examples from the best writers. To which are prefixed, a history of the language, and an English grammar*») [124]. Автор включил в свою работу более 42 тыс. слов, что делало словарь наиболее полным опубликованным лексикографическим исследованием того времени. С. Джонсон выделяет основное, переносное и метафорическое значение представленных слов, делает многочисленные стилистические пометы. Словарь английского языка содержит обширные сведения этимологического характера, указывающие на то, является ли слово заимствованным или нет. В тех случаях, когда этимология слова не ясна для автора, он выдвигает свои предположения о его происхождении.

Значительный вклад в становление этимологической лексикографии германских языков внес Н. Вебстер. Его труд «Американский словарь английского языка» (англ. «*An American Dictionary of the English Language*») был впервые издан в 1828 г. [161]. В своем двухтомнике Н. Вебстер фиксирует

стандарты американского варианта английского языка и делает этимологические пометы.

Вторая половина 19 в. ознаменовалась появлением словарей, воплощавших в себе исторический подход авторов к их составлению. Этимологические данные рассматриваются в них не как дополнительный материал, а как основа и цель словника. Ч. Ричардсон в своей работе «Новый словарь английского языка» (англ. «A New Dictionary of the English Language») большое значение уделяет этимологическим изысканиям, полагая, что одной из задач лексикографии является поиск первоначального значения слова [144]. Словарь вышел в свет в 1837 г.

Значительный вклад в развитие этимологической лексикографии внес У. Скит. В своем этимологическом словаре (англ. «An Etymological Dictionary of the English Language»), первая редакция которого издавалась с 1879 г. по 1882 г., он делает краткие заметки о языках, на которые ссылается в работе, уделяя особое внимание их фонетической составляющей [149]. Автор, рассматривая английский язык в ракурсе диахронии, подчеркивает особую роль фонетики в этимологизации слов, отмечая, что «древнеанглийский язык невозможно правильно понять без знания его фонологии, а английская этимология не может быть понята без некоторого представления о градации англо-саксонской системы гласных» [там же, с. xv]. В конце словаря У. Скит делает краткие заметки с пояснениями о встречающихся в словаре префиксах, суффиксах, арийских корнях, производит распределение слов по источнику их происхождения, приводит список избранных слов с перегласовкой, вставляет в словарь список омонимов и лингвистических дублетов.

В 1852 г. вышел в свет первый выпуск первого тома «Немецкого словаря» (нем. «Das Deutsche Wörterbuch») [121]. Составители словаря, братья Я. Гримм и В. Гримм, применили сравнительно-исторический метод в качестве основополагающего метода своего исследования и дали объяснение происхождению и употреблению цитируемых слов. Словарь не был закончен при жизни авторов. Работа над ним завершилась во второй половине 20 в.

Одной из основополагающих работ в области германской этимологической лексикографии является «Этимологический словарь немецкого языка» (нем. «Etymologisches Wörterbuch der Deutschen Sprache») Ф. Клуге [127]. Словарь авторства немецкого филолога, представителя Лейпцигской школы младограмматизма, увидел свет в 1883 г. и с тех пор неоднократно переиздавался и редактировался. Исследователь рассматривает не только стандартную лексику, но и периферийную, в частности диалектизмы. Ф. Клуге включил в словарь и словообразовательные элементы: префиксы и суффиксы, как немецкие, так и основные иноязычные. Последнее, 25-е, издание под редакцией Э. Зебольда, вышло в свет в 2011 г. и содержит более 12 тыс. слов.

Особое место в этимологической лексикографии немецкого языка занимает «Этимологический словарь немецкого языка» (нем. «Etymologisches Wörterbuch des Deutschen») [113]. Трехтомный труд, созданный группой лингвистов Академии Наук ГДР под руководством В. Пфайфера, содержит этимологию более 23 тыс. лексем и по праву может называться самым современным и полным (по охвату лексического материала) этимологическим словарем немецкого языка, существующим на данный момент. Словарь рассчитан на широкий круг читателей и впервые увидел свет в 1989 г. Сегодня доступна и цифровая версия работы [166].

Также следует отметить «Оксфордский словарь английского языка» (англ. «Oxford English Dictionary») [155]. История создания словаря берет начало в 1857 г., когда Лондонское филологическое общество поставило своей целью создать лексикографический проект, рассматривающий историческое развитие лексического состава английского языка в аспекте орфографии, семантики, фонетики. Словарь, издававшийся первоначально под названием «Нового английского словаря, основанного на исторических принципах» (англ. «New English Dictionary on Historical Principles»), не является этимологическим словарем в академическом понимании, однако, происхождению слов и их изменению в диахроническом аспекте уделяется большое внимание. На это указывает факт создания «Этимологического комитета» для работы над словарем.

Исследователи, принявшие участие в проекте, ставили своей задачей выявить этимологию слов, включенных в словарь, проследить их развитие, указать на фонетические особенности и привести примеры-цитаты из различных текстов, в том числе и художественной литературы. На сегодняшний день последним полным печатным изданием можно считать издание 1989 г., а цифровая версия словаря доступна по платной подписке на официальном сайте издательства Оксфордского университета [171].

Развитие английской этимологической лексикографии рассмотрено в диссертационном исследовании А.В. Горошук [24].

Конец 19 в. отмечен бурным развитием этимологической лексикографии скандинавских языков. В частности, значительным вкладом в этой области языкознания является этимологический словарь нидерландского языка (нидерл. «Etymologisch woordenboek der Nederlandsche taal») [115] Й. Франка, изданный в 1884 г.

Норвежские лингвисты А. Торп и Я. Фальк в 1903–1906 гг. опубликовали «Этимологический словарь норвежского и датского языков» (дат. «Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog») [114], остававшийся почти в течение века единственным этимологическим словарем норвежского языка.

На рубеже 19–20 вв. выходит в свет труд шведских языковедов Ф.А. Тамма и А.Г. Нурена «Этимологический словарь шведского языка» (швед. «Etymologisk svensk ordbok») [154]. Г.Э. Хеллквист публикует свою работу «Шведский этимологический словарь» (швед. «Svensk etymologisk ordbok») в 1922 г. [122]. На сегодняшний день словарь является единственной столь комплексной работой в области этимологии шведского языка. В труде автор изложил свои предположения по вопросу изменения слов в аспекте диахронии и обосновал свой выбор этимологий, при наличии нескольких интерпретаций.

Представляет интерес и «Этимологический словарь нидерландского языка» (нидерл. «Etymologisch Woordenboek: Waar komen onze woorden en plaatsnamen vandaan?») [158], опубликованный в 1958 г. Я. Де Фризом. Значительный вклад в современную скандинавскую этимологическую лексикографию внес

Н.А.А. Нилсен, автор «Датского этимологического словаря» (дат. «Dansk etymologisk ordbok»), впервые опубликованного в 1966 г. и выдержавшего несколько переизданий [137]. В работе критически осмысливаются заимствования из латинского, греческого, английского, французского и, главным образом, немецкого языков. Словарь по сей день является одним из самых авторитетных лексикографических источников этимологии датского языка.

На материале исландского языка А.Б. Магнуссон создал «Этимологический словарь исландского языка» (исл. «Íslensk orðsifjabók»), впервые опубликованный в 1989г. [134]. Словарь содержит около 25 тыс. слов.

§ 1.3 Основные этимологические словари славянских языков

Первые лексикографические попытки проследить историю слов в славянском языковом поле относятся к 17 в. В этот период просветительскими центрами на Руси, центрами культуры и книгопечатания являлись монастыри. Не удивительно, что в области славянских языков одной из первых лексикографических работ с привлечением этимологических данных стал «Лексикон славенороссийский и имен толкование» инок и архитипографа Памвы Беренды [10]. Словарь был издан в 1627 г. в типографии Киево-Печерского монастыря и содержал порядка 7 тыс. словарных статей. Первая часть работы представляет собой собственно словарь, а вторая дает перевод топонимам и антропонимам. Автор рассматривает как церковно-славянские, так и общеславянские слова, сопровождая приведенную в словаре лексику этимологическими пометами. П. Берында указывает на неславянское (чаще греческое и латинское) происхождение некоторых приведенных в его словаре лексем, помечая их как заимствования и снабжая западнорусскими соответствиями.

В 1771 г. Ф. Гельтергоф издает «Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон, купно с прибавлением иностранных в

русском языке во употребление принятых слов, также с сокращенною русскою этимологию» [23]. Работа представляет собой русско-немецкий словарь, с расположенной в алфавитном порядке лексикой. Языковой материал осмысливается автором в первую очередь в свете коммуникативной значимости, что и определяет основную задачу словаря – помощь читателю в поиске слов, подходящих для определенной речевой ситуации. Этимологическая составляющая работы Ф. Гельтергофа выражается в группировании родственной, с точки зрения происхождения, лексики по словообразовательным гнездам.

Ценные замечания в области славянской этимологии содержит шеститомный «Словарь Академии Российской» [69]. Первое издание словаря вышло в свет в период с 1789 г. по 1794 г. и содержало 43357 слов, расположенных по принципу алфавитного порядка корневых лексем. Такой способ организации привнес в словарь определенные элементы этимологизации, помогая определять происхождение рассматриваемых слов. В работе над словарем приняли участие Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, И.Н. Болтин и другие известные ученые того времени.

С.Б. Линде публикует в 1807–1814 гг. «Словарь польского языка» (польск. «Słownik języka polskiego») [130]. Труд в шести томах содержит 60 тыс. словарных статей, с указанием иноязычных лексических эквивалентов и цитированием текстов как современных для исследователя авторов, так и более ранних. Словарь снабжен этимологическими комментариями.

В 1813 в свет выходит книга Й. Добровского «Проект всеобщего этимологического словаря славянских языков» (нем. «Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der slawischen Sprachen») [110]. Отметим, что эта работа не является лексикографической в прямом понимании слова, однако она содержит в себе примеры этимологизации славянских корней. Автор также разрабатывает универсальные принципы составления этимологических словарей славянских языков, призывая использовать фonomорфологическую транскрипцию, включать в словарь исконную лексику и ранние заимствования, посвящать супплетивным формам отдельные словарные статьи.

Еще одним предвестником современной славянской этимологической лексикографии является работа К.Ф. Рейфа «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон Русского языка» [66]. Два тома словаря были опубликованы в 1835–1836 гг. Автор делает многочисленные этимологические пометы русских лексем и приводит санскритские, персидские, греческие, латинские, немецкие, арабские и еврейские соответствия славянских корней.

В 19 в. возрастает научный интерес к этимологическим исследованиям славянских языков, что придает новый импульс развитию славянской этимологической лексикографии. В 1842 г. Ф.С. Шимкевич публикует «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками» [95]. Автор проводит этимологическую обработку лексического фонда русского языка, прослеживает историю возникновения слов, ставя перед собой задачу, отделить исконно славянские лексемы от иноязычных. Ф.С. Шимкевич приводит 1387 русских корневых лексем, попутно сравнивая их с соответствующими лексемами двадцати четырех иностранных языков.

Представляет интерес «Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими», изданный М.М. Изюмовым в 1880 г. [36]. Первоначально целевой аудиторией словаря предполагались учащиеся гимназий, соответственно в издание не были включены «во первых слова малоупотребительные, технические, в школе почти вовсе не произносимые, и во вторых все слова, не употребляющиеся в печати» [там же, с. iv-v]. Автор приводит около 2 тыс. слов русского языка, сравнивая их с соответствующими лексемами других славянских языков, санскрита, греческого языка и латинского.

М.М. Изюмов обозначил четыре отдела в своей работе. В первом отделе сравниваются корневые лексемы русского и индоевропейских языков. Вторым отдел посвящен заимствованиям, вошедшим в русский язык с корнем, приставками, окончаниями. В третьем отделе автор проводит сравнительный анализ русских и иноязычных местоимений, наречий, союзов, междометий,

числительных по принципу первого отдела. По тому же принципу сравниваются в четвертом отделе сложные слова, двухкоренные, а также латинские и греческие, соответствующие русским сложным.

Значительным вкладом в славянскую этимологическую лексикографию является «Этимологический словарь славянских языков» Ф. Миклошича (нем. «Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen») [135], изданный в 1886 г. на немецком языке. Автор в своем труде приводит реконструированные архетипы, указывает на их рефлексy, отмечает родственные формы (выраженные различными частями речи) исследуемых лексем. В некоторых случаях реконструируется только корень слова.

Также следует отметить и работу В.А. Зелинского «Корнеслов русского языка» [34]. Изданный в 1891 г., словарь предназначался, прежде всего, для школьников и состоял из двух частей. В первой части автор указывает слова с корнями «первообразными» (без фонетических изменений) и «видоизмененными» (со звуковыми чередованиями) в алфавитном порядке. Вторая часть содержит только «первообразные» корни с указаниями на слова из первой части, где они встречаются. Корни также расположены в соответствии с алфавитом.

Н.В. Горяев в 1892 г. издает «Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка» [25]. Этимологизируя, автор активно проводит параллели между лексемами русского языка, санскрита, латинского, романских, германских и тюркских языков, прилагая к словарю таблицы звуковых соответствий в сравниваемых языках, краткое описание их взаимосвязи и развития. В 1896 г. Н.В. Горяев корректирует свою работу исправлениями и дополнениями и издает «Сравнительный этимологический словарь русского языка» [26].

В период 1908–1914 гг. немецкий славист Э. Бернекер выпускает «Этимологический словарь славянских языков» (нем. «Slavisches etymologisches Wörterbuch») [101]. В словаре этимологизируется исконная лексика славянских языков с индоевропейскими соответствиями, рассматриваются и заимствованные слова. К сожалению, работа Э. Бернекера не была завершена – автор остановился

на лексеме «*morъ*». Важной заслугой исследователя, как и его предшественника Ф. Миклошича, стало его обращение к этимологии праславянского лексического поля.

Ценные исследования в области славянской этимологии представлены в «Этимологическом словаре русского языка» А.Г. Преображенского [64]. Словарь издавался отдельными выпусками в период с 1910–1916 гг., последний выпуск «*тело-ящур*» был опубликован в 1949 г. в первом томе «Трудов Института русского языка Академии наук СССР» под заглавием «Этимологический словарь русского языка, составил А. Преображенский, выпуск последний» [85]. Автор предлагает гнездовое расположение исследуемых лексических единиц, что с одной стороны требует от пользователя определенных этимологических познаний при поиске слов, а с другой – наглядно показывает частоту употребления исследуемого корня в русском языке, обрисовывает его семантический контур, предъявляет парадигму способов словообразования.

Большой вклад в польскую этимологию внес А. Брюкнер. В 1927 г. он публикует «Этимологический словарь польского языка» (польск. «*Słownik etymologiczny języka polskiego*») [107], выдержавший впоследствии несколько переизданий. Словарь охватывает обширный лексический пласт польского языка и характеризуется метаязыковой простотой и краткостью изложения материала.

В 1941 г. С. Младенов издает «Этимологический и орфографический словарь болгарского литературного языка» (болг. «*Етимологически и правописен речник на българския книжовен език*») [136], в котором проводит параллели с теорией арио-алтайского родства. На сегодняшний день болгарская этимологическая лексикография располагает также «Болгарским этимологическим словарем» (болг. «*Български етимологичен речник*») [164], работа над которым продолжается до сих пор. С 1971 г. Институт болгарского языка подготовил и выпустил в печать 8 томов словаря (7 из них оцифрованы), девятый находится в стадии подготовки. Разработчики охватили широкий пласт лексики болгарского языкового поля, исключив заимствования и узкую терминологию.

Представляет интерес «Этимологический словарь польского языка» Ф. Славского (польск. «Słownik etymologiczny języka polskiego») [152], начавший издаваться в 1952 г. Автор проделал большую работу по систематизации диалектной лексики польского языка, однако, к сожалению, в свет вышли только первые пять томов словаря – «A-Ł».

В области этимологии чешской лексики отметим совместную работу двух славистов Й. Голуба и Ф. Копечного «Этимологический словарь чешского языка» [123]. Введение словаря содержит данные по фонетике славянских языков в аспекте диахронии и указания на некоторые способы словообразования. В общих чертах раскрывается и структура славянских слов. Авторы включили в состав словарных статей апофонические варианты лексем с указанием чередования корневых гласных. «Этимологический словарь чешского языка» вышел в свет в 1952 г.

Представляет интерес «Этимологический словарь чешского и словацкого языков» (чеш. «Etymologický slovník jazyka českého a slovenského») [132], принадлежащий перу В. Махека. В словаре, вышедшем в свет в 1957 г., автор этимологизирует словарный состав близкородственных языков, указывая, при этом, на их различия в области диалектной лексики.

Знаковым событием в славянской этимологической лексикографии является «Этимологический словарь русского языка» (нем. «Russisches etymologisches Wörterbuch») [157], составленный немецким славистом М. Фасмером. Трехтомный словарь содержит более 18 тыс. словарных статей и впервые был издан в 1950–1958 гг. на немецком языке. В своей работе М. Фасмер обобщил предыдущий опыт славянской этимологической лексикографии, включил данные ономастики и диалектную лексику. Отметим, что исследователь выделяет антропонимы в отдельные словарные статьи. О.Н. Трубаев выполнил перевод словаря на русский язык и внес в него свои дополнения. Русскоязычная версия «Этимологического словаря русского языка» [88] содержит четыре тома и вышла в свет в 1964–1973 гг.

В 1963 г. начинается выпуск «Этимологического словаря русского языка» под редакцией Н.М. Шанского [96]. Автор критически осмысливает лексикографический результат этимологических исследований своих предшественников, в том числе и М. Фасмера. Большое внимание уделяется словообразованию представленной лексики в аспекте диахронии. Интересен подход автора к заимствованиям: указывается не только язык-источник заимствования, но и временной период, а также момент первой фиксации лексемы в письменных источниках. Анализу также подвергаются кальки, особенно старославянского происхождения. Начиная с 9 выпуска, словарь издается под редакцией А.Ф. Журавлева. На сегодняшний день опубликовано 11 выпусков.

Серьезным опытом в области славянской этимологической лексикографии является «Этимологический словарь хорватского или сербского языка» (сербохорв. «Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika») П. Скока [151]. Четырехтомный труд исследователя, оставленный им в рукописном варианте, был опубликован посмертно, в период с 1971–1974 гг. Словарь содержит более 10 тыс. статей и является наиболее полным примером этимологической обработки не только общеупотребительной, но и устаревшей, и диалектной хорватской лексики. Пристальное внимание автор уделяет онимам.

Новым этапом в развитии отечественной и мировой славистики является «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» [97], начавший издаваться в 1974 г. В словаре рассматривается автохтонная лексика в ракурсе генетического родства, указываются рефлексy в славянских языках, прослеживаются связи славянских лексем с лексемами индоевропейских языков, благодаря чему производится фиксация архаичных изоглосс. В качестве реестрового слова предлагается реконструированный, с оглядкой на Ю. Покорного [141] архетип. В разные годы ответственными редакторами издания становились О.Н. Трубачев, А.Ф. Журавлев, Ж.Ж. Варбот. Работа над словарем продолжается, и в настоящее время в свет вышел уже 41 выпуск, с охватом более 20 тыс. слов.

В 1993 г. публикуется «Хорватский этимологический словарь» (хорв. «Hrvatski etimologijski rječnik») А. Глухака [117]. В своей работе автор обращается к праславянским истокам хорватского лексического поля, принимая во внимание их принадлежность к индоевропейскому этимологическому гнезду. Словарные статьи содержат указания на славянские рефлексy и данные по типу словообразования исследуемых лексем. А. Глухак снабжает свою работу кратким очерком об индоевропейских языках, о фонетических переходах и морфологических изменениях, происходивших в лексике в процессе ее развития.

Ярким примером комплексной этимологической интерпретации лексики является «Историко-этимологический словарь русского языка» П.Я. Черных [93]. Автор исследует 13560 слов, разместив их в 4482 статьи. Помимо этимологического анализа, П.Я. Черных приводит краткую историческую справку о первых, письменно засвидетельствованных упоминаниях слова, указывает на сам источник фиксации лексемы. Статьи в словаре строятся по гнездовому принципу.

В 2007 г. выходит в свет первый выпуск «Русского этимологического словаря» А.Е. Аникина [5]. Автор рассматривает русский лексический корпус в ракурсе диахронии, с указанием праславянского архетипа, вектора языковых изменений и возможных лексических параллелей, как славянского, так и иного языковых полей. А.Е. Аникин активно привлекает данные ономастики и диалектологии. На сегодняшний день опубликовано 15 выпусков, работа над словарем продолжается.

Современная славянская этимологическая лексикография находится в состоянии непрерывного развития, вырабатывая новые принципы составления словарей, новые подходы к хронологической стратификации лексического корпуса. Ее развитие является актуальной темой кандидатских и докторских диссертационных исследований последних десятилетий – Т.В. Невской «История славянской этимологии в XIX в. (основные этапы развития)» [51], А.Е. Аникина «Проблемы русской диалектной этимологической лексикографии» [4].

Выводы по главе 1

Сравнительно-историческое языкознание, фокусируя свое внимание на исследовании генетически родственных языков, определяет исторические грамматики и этимологические словари в качестве основных общих форм своих исследований.

В начале 19 в. предпринимаются первые попытки создания сравнительно-исторической грамматики германских языков. И.К. Аделунг и Ф. Бопп приходят к выводу, что общим структурным элементов любого языка или диалекта является корень. Вопрос звуковых соответствий и переходов затрагивают Р. Раск и Я. Гримм.

Подробный анализ системы вокализма славянских языков предлагает А.Х. Востоков. Форма слова и ее трансформация в аспекте диахронии, изучение грамматики посредством обращения к лексическому уровню языка – все эти аспекты отражены в «Исторической грамматике русского языка» Ф.И.Буслаева.

Обращение к истории слова, к его истокам, остро ставит вопрос о необходимости письменной фиксации результатов этимологических исследований. Предвестники этимологических словарей появляются в 17 в.: К. Килиан, П. Берында снабжают свои словники этимологическими пометами, содержащими, в основном, указания на заимствования. Дальнейшее развитие этимологической лексикографии с обращением к архетипу исследуемых лексем связано с трудами У. Скита, Я. Гримма и В. Гримма, Й. Добровского.

Развитие современной этимологической лексикографии связано с трудами Ф. Клуге, М. Фасмера, П.Я. Черных, А.Е. Аникина. Результатом кропотливой плодотворной работы авторов Академии Наук ГДР под руководством В. Пфайфера является «Этимологический словарь немецкого языка». Совместный труд исследователей-славистов «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд», ответственными редакторами которого в свое время становились О.Н. Трубачев, А.Ф. Журавлев, Ж.Ж. Варбот является

примером наиболее полной этимологической обработки лексического корпуса языка.

Несмотря на наличие многочисленных полиаспектных этимологических исследований, зафиксированных в лексикографических источниках, представление о значении и месте славянских лексических параллелей в этимологических словарях немецкого языка в частности, довольно размыто.

ГЛАВА 2. НЕМЕЦКИЕ ЭТИМОЛОГИИ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ СЛОВ И ИХ СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Проблему установления места и роли каждого конкретного языка в языковом сообществе, на наш взгляд, невозможно решить без всестороннего исследования характера и объема лексических параллелей, несущих в себе как языковую – фонетическую, грамматическую, семантическую, стилистическую, так и культурно-историческую нагрузку, позволяя исследователю произвести ревизию того общего, чем когда-то языки обладали совместно, выявить, что из этого общего языкового наследия сохранилось, определить, что добавилось на современном этапе исторического развития языка, как неотъемлемой части человеческой цивилизации.

Привлечение славянских параллелей немецких этимологий помогает конкретизировать уровень славянского участия в деле реконструкции германских лексем, заполнить неизбежно возникающие лакуны и создать хронологическую, территориальную и этнографическую картину германо-славянского языкового фона. При этом представляется не требующей доказательств точка зрения Г.Е. Корнилова об облигаторном характере восприятия любого языка в объеме всей его истории и в контексте его языкового фона для получения высоких и достоверных результатов проводимых лингвистических изысканий [39, с. 9]. Г.Е. Корнилов справедливо отмечает, что материализация языкового фона возможна исключительно при наличии максимально полных этимологических словарей языков и диалектов [там же].

В нашем исследовании мы будем опираться на славянские параллели немецких этимологий, обнаруженные в «Этимологическом словаре немецкого языка» Ф. Клуге и «Этимологическом словаре немецкого языка», авторства группы лингвистов Академии Наук ГДР под руководством В. Пфайфера, с

дальнейшим их, параллелей, распределением по лексико-семантическим полям и лексико-семантическим группам.

§ 2.1 Лексико-семантическое поле «Человек и его внешность»

§ 2.1.1 Лексико-семантическая группа

«Человек, как представитель вида *Homo sapiens*»

Язык является универсальным средством познания человеком окружающего его мира. Через призму языкового знака человек идентифицирует не только экзистенциальную реальность, но и самого себя.

Bube, Bub, der, сущ., м.р. «мальчик, сорванец, мошенник, слуга, оруженосец, валет» – *баба*, сущ., ж.р.

Славянские лексические параллели нем. *der Bube* широко представлены в славянском языковом фоне на разных этапах его развития: ст.слав. *баба* ж.р. «бабушка, повивальная бабка», болг. *баба* ж.р. «бабушка, старуха, теща», макед. *баба* ж.р. «бабушка, теща, старуха, повивальная бабка, акушерка», сербохорв. *баба* ж.р. «бабушка, старуха, кормилица, жена, теща, свекровь, тетка», словен. *baba* ж.р. «бабушка, повивальная бабка, баба, взрослая женщина», польск. *baba* ж.р. «жена, старуха, замужняя женщина, бабушка, мать, тетка матери или отца», чеш. *baba* ж.р. «бабушка, старуха, повивальная бабка, баба, жена, замужняя женщина», словац. *baba* ж.р. «бабушка, старуха, баба, жена, замужняя женщина, повитуха», в.луж. *baba* ж.р. «старуха, бабушка, повитуха», н.луж. *baba* «старуха», полаб. *bobo* ж.р. «старуха», рус. *баба* ж.р. «замужняя женщина, жена, бабушка» [97, вып. 1, с. 105–106].

В лексических параллелях славянского языкового фона помимо основного значения *baba* – «старая женщина, жена, замужняя женщина, повитуха», присутствуют и другие, вторичные: болг. *баба* «колбаса из толстой свиной кишки, начиненной мясом», «пеликан», «крупная дикорастущая ягода», макед. *баба*

«деревянная ступица оси мельничного колеса», сербохорв. *баба* «стропило, балка» «опора моста», польск. *baba* «изделие, выпеченное из теста в особой форме», рус. *баба* «тяжелый молот, болванка», «род высокого кулича, из очень сдобного теста, выпекаемого в цилиндрических формах», «прибор для свивания ниток» [там же, с. 105–107].

Возможную причину такого явления О.Н.Трубачев видит в сохранении в слав. **baba* древней редупликации «с чертами древнего полисемантизма или даже пансемантизма, ввиду которого едва ли оправданы предположения об обязательной исторической иерархии всех известных значений» [там же, с. 107–108]. Исследователь уточняет, что славистика признает в качестве господствующей гипотезу о принадлежности праслав. **baba* к детской речи [там же, с. 107]. Этой точки зрения придерживается П.Я. Черных, рассматривающий праславянскую форму **baba* и как редупликативное образование [93, т. 1, с. 62], М. Фасмер [88, т. 1, с. 99], Э. Бернекер [102, Bd. 1, S. 36], Н.М. Шанский [96, т. 1, вып. 2, с. 3], А.Е. Аникин [5, вып. 2, с. 24–25].

В свою очередь А.Е. Аникин отмечает, что праслав. **baba* часто реконструируется в тесной связи с дескриптивной основой праслав. **bab-*, **bob-*, **bob-*, **rap-*, **rop-* при обозначении толстых, вспухших, округлых предметов [5, вып. 2, с. 24]. Схожую мысль высказывает О.Н. Трубачев, усматривающий характерное для и.-е. **bab-*, **rap-* значение «набухать» [97, вып. 1, с. 107].

А.Е. Аникин указывает на частую реализацию рефлекса **baba* в аспекте народного эпоса при обозначении не только женских мифических существ, но и болезней и природных явлений: рус. диал. *баба* «мифическая облачная жена, приносящая живую, целебную воду (дождь)» [5, вып. 2, с. 23]. А.Ф. Журавлев также усматривает наличие семантических параллелей исследуемой лексики в области мифологии, признавая при этом их несомненную вторичность и восхождение к значению «набухать» [33, с. 725–726].

О.Н. Трубачев отмечает, что значение «бабушка» реализуется в устар. н.луж. *wowa* и в.луж. *wowka*, восходящих к праслав. диал. **ova* [58, с. 171].

А.Е. Аникин, развивая эту гипотезу, предполагает дальнейшее вытеснение этой основы праслав. **baba* [5, вып. 2, с. 24].

Восхождение рус. *баба* к индоевропейскому генетическому пласту спорно. Так, О.Н. Трубачев предполагает рус. *баба* < и.-е. **b(h)ǎb(h)*- «набухать» [83, с. 72]. Ю. Покорный усматривает др.церк.слав. *baba* < и.-е. **baba*- (из детской речи) [141, Bd. 1, S. 91]. В свою очередь М. Фасмер, Н.М. Шанский, П.Я. Черных, Э. Бернекер, Р. Дерксен этимологизируют рус. *баба* лишь до уровня праславянской основы [88, т. 1, с. 99; 96, т. 1, вып. 2, с. 3; 93, т. 1, с. 62; 102, Bd. 1, S. 36; 108, р. 32].

Рассматриваемая лексема находит широкую реализацию в области антропонимики, а также как компонент фитонимов: *Баба*, *Бабич*, князя (14 в.) [17, с. 18]; *Бабанины*, г. Казань (16 в.) [там же]; *Бабкины*, бояре (15 в.), *Бабушкин* (15 в.) [93, т. 1, с. 62]; *бабий ум* (*Gypsophila paniculata*) [6, с. 161]; *ягода бабья* (*Ruscus Hyprophyllum*) [там же, с. 307]; *бабина-душица* (*Origanum vulgare* L.) [там же, с. 234].

Bube, *Bub*, *der* – сущ., м.р. «мальчик, сорванец, мошенник, слуга, оруженосец, валет». В др.в.н. слово встречается только в качестве антропонима *Viobo*, как впрочем и в др.сакс. *Bōbo* [113, Bd. 1, S. 224]. Позднее лексема обнаруживается в ср.в.н. *buobe*, в ср.н. *buofe*, *bufe* в значении «мальчик, парень, дерзкий, распушенный человек», в ср.н.н. *bōve* в значении «озорник, плут», в ср.нидерл. *boeve*, *boef* в значении «слуга, работник» [там же, с. 224].

В. Пфайфер с АК указывают на антропоним *Babo*, имеющий чередование по аблауту и близкий указанному выше имени *Viobo*, соответствия которому обнаруживаются в алеманд. *Bābi*, в.сакс. *Bäbel* «маленький ребенок», ср.англ. *babe*, англ. *baby*.

Немецкое лексическое поле также предлагает помимо основного значения *der Bube* «мальчик, сорванец» и сопутствующие, несущие, однако, в отличие от семантически нейтральных славянских, пейоративную окраску: «подлец, мошенник, негодяй»; и встречающиеся чаще всего в композитах: *Lotterbube* «лодырь, бездельник», *Spitzbube* «плут, мошенник» [113, Bd. 1, S. 224].

Очевидно и различие ядерных сем лексических параллелей *Bube* – *баба*. Для немецкой лексемы это «молодой человек мужского пола» (ср., однако, ср.в.н. *bābe* «старая женщина» [96, т. 1, вып. 2, с. 3], в то время как для русской, как впрочем, и других славянских лексем, это «женщина средних лет, бабушка».

При этом периферийные семы двух слов «неприятный/ая, шумный/ая, дерзкий/ая, обманщик/ица» могут демонстрировать некоторое сближение, особенно в ракурсе фразеологии. Так в немецком языке.: *ein feiger Bube* «жалкий трус» [15, т. 1, с. 378]; *der böse Bube* «злодей» [143, S. 124]; *Mein Kind, wenn dich die bösen Buben locken, so folge nicht* «Сын мой! если будут склонять тебя грешники, не соглашайся» (Библия. В.З. Кн. Притч. Солом. 1:10). С таким же отрицательным коннотационным фоном в русском языке находим: устар., бран. *баба-сквернавка* – характеристика нерешительного, ненадежного человека [89, с. 16]; прост., неодобр. *базарная баба* – крикливый, грубый, вздорный человек, скандалист [50, с. 21].

Отметим присутствие лексических параллелей *Bube* – *баба* в орбите концепта «игра». Так, в немецком языке одним из значений слова является «валет», игровая карта [54, с. 190]. В то же время в русском языке встречаем: *тесная баба* – игра мальчиков, пасущих лошадей; *играть в слепую бабу* – играть в жмурки [50, с. 22].

Таким образом, лексические параллели *Bube* – *баба*, хотя и не обнаруживают общего индоевропейского корня, однако рассматриваются лингвистами как редупликации, характерные для детского языка немецкого и славянского языковых полей. В силу различности ядерных сем, немецкая и русская лексемы предъявляют различную родовую принадлежность – мужской и женский род соответственно, однако с позиции фразеологии, исследуемые лексические параллели демонстрируют схожий коннотационный фон.

Leute, die (pl), сущ., мн.ч. «люди, общественность, члены коллектива» – *люди*, сущ., мн.ч.

Славянскими параллелями нем. *Leute*, являются: ст.слав. *людѣ* (м.р.), сербохорв. диал. *ljud* м.р. «человек», словен. *ljûd* м.р. «народ», чеш. *lid* м.р.

«народ», «широкие общественные слои», словац. *l'ud* м.р. «самые широкие слои населения», «толпа», в.луж., н.луж. *lud* м.р. «народ», рус. *лю́д* м.р. [97, вып. 15, с. 194–195]. Отметим и существование плюральных форм: рус. *люди* (мн.ч.), укр. *люди*, блр. *людзі*, сербохорв. *људи*, *људскѝ*, словен. *ljudje*, польск. *ludzie*, *lud* «народ» [93, т. 1, с. 498], чеш. *lidé* «публика», «свет» [97, вып. 15, с. 194–195]. К первым письменным фиксациям лексемы в славянском языковом поле относятся: др.рус. *людие*, др.рус. *людье* – «народ» [93, т. 1, с. 498].

В славянском языковом фоне присутствует отсылка к значению «свободный», восходящему к значению «расти» – Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов отмечают индоевропейскую основу **leud^{lh}ero-*, присутствующую в греч. *ελεύθερος*, лат. *liber* «свободный», ст.слав. *ljudŭje* «люди», др.рус. *людинъ* «свободный человек», др.в.н. *liut*, связанную со значением «расти» и обладающую характеризующей функцией «свободный человек» [22, ч. 2, с. 477].

В свою очередь, О.Н. Трубачев указывает на слабую связь этимологии слав. *ljudyje*, восходящей к и.-е. **leudh-* «вырастать», со значением «свободный», которое сохранилось лишь в др.рус. *людинъ*, не самой древней лексеме, с точки зрения языковой реконструкции [82, с. 169].

Leute, die (pl) – сущ., мн.ч. «люди, общественность, члены коллектива». Первые упоминания слова относятся к 8 в.: др.в.н. *liuti* (pl) «народ, народность». В дальнейшем, значение лексемы *liuti* (pl) меняется: в 9 в. это «население», «народонаселение», а в 10 в. «подданные» [113, Bd. 2, S. 1010]. Позднее германский языковой фон обнаруживает ср.в.н. *liute*, др.сакс. *liudi*, ср.н.н. *lūde*, ср.нидерл. *liede*, *lūde*, др.англ. *lēode*, которые, в свою очередь, являются ничем иным, как плюральной формой существительных др.в.н. *liut* м.р., ж.р., с.р. «народ», «племя», «население», ср.в.н. *liut* м.р., с.р., ср.н.н. *lūt*, др.англ. *lēod*, др.сканд. *ljöðr*, *lyðr* [там же]. Интересно указание Ф. Клуге на общегерманскую лексему *leudi*, м.р., «уполномоченный член языкового / народного сообщества» [127, S. 574].

В. Пфайфер со своим АК также сопоставляет полученные этимологии нем. *Leute* с др.в.н. *liotan* «расти, возрастать, увеличиваться», др.сакс. *liodan*, др.англ.

lēodan, гот. *liudan*, приводя их, таким образом, к общему и.-е. корню **leudh-* «вырастать, подниматься» [113, Bd. 2, S. 1010]. Ф. Клуге считает такое сравнение и восхождение к индоевропейскому корню возможным, делая, однако, отсылку к слову *Lode, die* «корневой отросток, побег, саженец» [127, S. 574].

Отметим, что «*Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*» Ф. Клуге, «*Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*» группы авторов под руководством В. Пфайфера, подобно ранее указанным исследованиям Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, содержат указания на греч. *eleútheros* «свободный человек», с аффиксом *ro-* в значении «свободный» и лат. *liber* «свободный», восходящие также к и.-е. **leudh-* «вырастать», «подниматься» [127, S. 574; 113, Bd. 2, S. 1010].

Исследуемые лексические параллели и их этимологии реализуются в качестве компонентов антропонимов, как в славянском, так и в германском языковых полях: *Людмила* [97, вып. 15, с. 200], *Людмил* [78, с. 148], *Людомир*, *Леопольд* (др.герм. *liut* «народ») [там же, с. 144]. Отмечено присутствие означенных лексических параллелей и в области топонимики: *Leutkirch im Allgäu*, город в Германии, в земле Баден-Вюртенберг – этимология этого топонима основывается на периоде позднего Средневековья, когда поселения, находившиеся на месте современного города, были населены «свободными крестьянами», не подчинявшимися никому, кроме императора Священной Римской империи [139, S. 104]; *Людиново*, с 1938 г. город в Калужской области (ранее поселок *Людиновский завод*) – ойконим, этимология которого, по мнению Е.М. Поспелова, восходит к антропониму *Людин* (ср. др.рус. *людинь* «свободный человек») [62, с. 117]. Аналогичной точки зрения на этимологию русского ойконима придерживается и В.А. Никонов [56, с. 245].

Лексические параллели *Leute* – *люди* характеризуются частым употреблением в области фразеологии и паремиологии в немецком и русском языках. Отметим, что их коннотационный фон при этом, по большей своей части, идентичен, не имеет ярко выраженного положительного или отрицательного заряда. В двух рассматриваемых языках лексемы *Leute* и *люди* часто несут в себе значение «общество»: *mal wieder unter (die) Leute müssen* «появляться на людях»

(в обществе) [146, S. 486], или *в людях*, т.е. в обществе [89, с. 356]. Практически в том же значении – «делать достоянием общности», но с отрицательной коннотацией: *etw. unter die Leute bringen* «разглашать» (секрет), «разносить» (сплетни); *j-n der Leute Mäuler bringen* «сделать кого-либо предметом сплетен», «ославить кого-либо» [11, с. 403]. В последних примерах обнаруживаются формально-структурные несовпадения, а именно отсутствие лексемы *люди* в русских эквивалентах, однако в ракурсе семантики мы можем говорить о ее наличии.

Также исследуемые лексические параллели демонстрируют значение «работать по найму»: *für andere Leute arbeiten* «работать на других людей» [146, S. 486], *в людях* «в услужении, на работе по найму», *жить в людях* «жить в чужой семье, работа там по найму» [50, с. 377].

Отметим присутствие дихотомии «свой – чужой» в исследуемых лексических параллелях. Если в немецкой идиоматике находим указание на близкие по крови отношения *meine Leute* «родственники» [30, с. 459], то в русском языке в этом контексте нам представляется наличие немотивированной лакунарности, так как здесь лексема *люди* чаще всего ассоциируется с чужими, другими людьми, не принадлежащими к близкому, родственному кругу говорящего: *Ни самому поглядеть, ни людям показать; Ни себе не гожд, ни людям не пригожд; выдать в люди* (выдать замуж за пределы родного села) [55, с. 376]; *В людях любушка, а дома Иудушка* [там же, с. 377].

Обращает на себя внимание и тот факт, что лексические параллели *Leute* – *люди*, стилистически нейтральные, обладают денотативным оценочным компонентом: *liebe Leute!* «люди добрые!» (обращение), *kleine Leute* «маленькие люди» (люди с низким социальным статусом) [146, S. 485]; *лихие люди* (разбойники), *лишние люди* (социально бесполезные люди) [89, с. 356], *черные люди* (беднота), *выбиваться в люди* (добиваться высокого положения в жизни), *вывести в люди* (принимать деятельное участие в чьей-либо судьбе) [50, с. 376], *пойти по людям* (побираться, нищенствовать) [там же, с. 377].

Таким образом, лексические параллели *Leute* – *люди* этимологизируются до состояния общего и.-е. корня **leudh-* «вырастать». Спорно утверждение о восхождении значения «свободный» к значению «вырастать» в славянских языках, хотя в германских языках такой вектор реконструкции не подвергается сомнению. Исследуемые лексические параллели активно реализуются в качестве компонентов различных онимов: топонимов, антропонимов, гидронимов. Также широко их присутствие в различных фразеологических единицах, причем вкупе с денотативным оценочным компонентом.

Mann, der, сущ., м.р. «мужчина», «муж», «человек» – *муж*, сущ., м.р.

С 9 в. письменно фиксируются первые славянские параллели немецкой лексики *Mann*: др.рус. *мужь* «человек, мужчина, именитый человек, супруг» [93, т. 1, с. 547]. Также к славянским параллелям относятся: ст.слав. *мжжь* «муж, мужчина», болг. *мъж* «мужчина, муж, супруг», макед. *маж* «муж, супруг, мужчина», сербохорв. *муџ* «муж, супруг», словен. *mož* «мужчина, муж, супруг», чеш., словац. *muž* «мужчина в зрелом возрасте, человек с выдающимися мужскими достоинствами, рядовой (в армии), муж, супруг», в.луж. *muž* «мужчина», н.луж. *muž* «мужчина, муж, супруг», польск. *mąż* «человек, взрослый мужчина, мужчина смелый, серьезный, гражданин, муж, супруг», укр. *муж* «муж, супруг», рус. *муж* [97, вып. 20, с. 159–160].

Большинство исследователей придерживаются точки зрения о восхождении общеславянского **možь* (< **mon-g-j-o-s*) к и.-е. **manu-(s)* или **monu-(s)* «мужчина, муж, человек» [97, вып. 20, с. 160; 93, т. 1, с. 547]. Однако В. Пфайфером и руководимым им АК высказывается точка зрения о присутствии в ст.слав. *možь* и рус. *muž* указания на индоевропейский гуттуральный суффикс в сочетании с *-ja-*, с последующим восхождением к индоевропейскому корню **men(ə)-* «думать, быть в умственном напряжении» [113, Bd. 2, S. 1058–1059]. Также принимается во внимание и имеющая место в этимологической среде отсылка к индоевропейскому корню **men-* «выделяться, возвышаться, превосходить», что, по мнению вышеуказанных авторов, дает объяснение лексеме *Mann* – «человек прямоходящий, ходящий на двух ногах (в отличие от

животных)» [113, Bd. 2, S. 1059]. В русском языке лексема *муж* употребляется в значении «супруг», либо «мужчина в зрелом возрасте», если речь идет о книжной лексике [80, т. 2, с. 274].

Mann, der – сущ., м.р. «мужчина», «муж», «человек». Германский языковой фон фиксирует первые упоминания лексемы в 8 в. др.в.н., ср.в.н. *man* «человек (взрослый, мужского рода), воин, супруг, слуга», др.сакс., ср.н.н., ср.нидерл., нидерл. *man* «человек, мужчина», др.англ. *man(n)*, *mon(n)*, англ. *man*, др.сканд. *mannr*, *maðr*, швед. *man*, гот. *manna* [113, Bd. 2, S. 1059].

По мнению Ф. Клуге, *-n* основа, которая, вероятно, в определенных случаях предъясняет нулевую ступень чередования, базируется на основе **mann-* [127, S. 599]. Языковед также указывает на деривацию герм. **gimōn-* «человек, мужчина» от аблаутных форм **gman-ōn* с ослаблением консонантной группой в анлауте [там же]. Дальнейшая этимологизация приводит к и.-е. **manu* или **moni* [113, Bd. 2, S. 1058].

Рассматривая исследуемые лексические параллели в ракурсе ономастики обнаруживаем их присутствие в славянском и германском языковых полях: антропонимы – лат.-герм. имя *Mannus* [88, т. 2, с. С. 670], блр. фамилия *Мужаў* [97, вып. 20, с. 160]; ойконим – *Mannheim* (личное имя *Mano* и *heim* «очаг, дом»), город на Юго-Западе Германии [610 с. 258].

Обращает на себя внимание свойственная для славянских языков в диалектных или устаревших формах, положительная коннотация лексемы *муж*: сербохорв. *муџ* – «известный, знаменитый, уважаемый человек, мужчина, герой», словен. *môž* – «член правления (городской или сельской) общины», др.рус. *мужсь=мжсь* «свободный человек, именитый, почтенный человек» [97, вып. 20, с. 159–160], рус. *муж* – деятель на каком-нибудь общественном поприще [80, т. 2, с. 137]. При этом в немецком языке слово *Mann* нейтрально.

В ракурсе русской паремиологии *муж* употребляется в значении «женатый мужчина, супруг». При этом коннотационный фон выражения варьируется от положительного до отрицательного: *За мужа завалюсь, всем насмеюсь, никого не боюсь*; *У умного мужа и глупая жена досужа*; *Без мужа жена – всегда сирота*

(кругом сирота); *Худой муж умрет, добрая жена по дворам пойдет; Стужа да мужа, а лучшие худого мужа* [28, т. 1, с. 323].

Отметим, что в немецких пословицах и поговорках отсылка *der Mann* к значению «муж, супруг» встречается не часто: *Mann und Weib sind ein Leib* «муж да жена одна сатана» [91, с. 50]. Более употребительным в немецких паремиях является значение «мужчина, человек»: *Selbst ist der Mann* «своя рука владыка», «человек сам себе хозяин»; *Ein Mann ist kein Mann* «один в поле не воин»; *Kein weiser Mann ward je genannt, an dem man nicht eine Torheit fand* «на всякого мудреца довольно простоты» [11, с. 422].

Обращает на себя внимание и широкая область употребления лексемы в немецком фразеологическом поле. По причине нейтральности самой исследуемой лексемы, семантическая окраска фразеологизма определяется остальными компонентами выражения: *der kleine Mann* «простой человек, мелкая сошка» [143, S. 473]; *Manns genug sein etwas zu tun* «иметь достаточно мужества»; *seinen Mann stehen* «постоять за себя»; *mit Mann und Maus untergehen* «затонуть, пойти ко дну» [там же, S. 475].

Таким образом, германо-славянские параллели *der Mann* – муж имеют архисему «человек», а в качестве интегральных сем выступают «мужской пол», «взрослый», «семейное положение». Очевидно, что для немецкого слова сема «семейное положение» является вероятностной, в то время как для русского эта сема – постоянная. Анализ фонетических переходов, определение степени глубины реконструкции архетипов исследуемых лексических параллелей *der Mann* – муж позволяет выявить их индоевропейское состояние и определить общий индоевропейский корень.

§ 2.1.2 Лексико-семантическая группа «Части тела человека»

Arm, der, сущ., м.р., «рука» – *рамо* «плечо», сущ., с.р.

Первые письменно зафиксированные славянские параллели нем. *der Arm* датируются 11 в. [72, вып. 21, с. 268] и восходят к праславянской основе **ormę* [97, вып. 32, с. 185]: укр. *ра́м'я*, блр. *ра́мя*, др.рус. *рамя, рамо*, ст.слав. *рамо*, болг. *рамо*, сербохорв. *ра̀ме*, словен. *rȃme*, чеш. *rȃmě*, словац. *ramä*, польск. *ramię*, в.луж. *ramjo*, н.луж. *rȃme*, полаб. *ramǫ* «плечо» [88, т. 3, с. 440].

И.И. Срезневский указывает на переносное значение *рамо* – «попечение», датируя его 1418 г.: *Таковыхъ убо всяко... должни есте на рамо свое отъ заблуженіа на истинный путь възвращати* [76, т. 3, с. 66]. В СлРЯ XI–XVII вв. авторами приводятся значения: «то, что находится ниже вершины» – *И снидоша на землю, и преторгу обѣщание на рамѣ горы Ермонония* (15 в.) [72, вып. 21, с. 269]; «выступающая в сторону под прямым углом часть чего-л.» – *Двѣ рамѣ крѣста под единою титлою Спѣсовою знаменуют двоицу людей... под единою главою Хрѣстомъ бытии сопряженну особѣю* (17 в.) [там же].

Семантическую параллель последнего, указанного выше, значения находим и у В.И. Даля: *раменка* «остров, клин, полоса однородного леса» [29, т. 4, с. 56]. Отметим, что языковед включил в лексическое гнездо *рамо* лексему *рама* «межа, граница, обвод, обход участка земли по владению; край, предел, конец пашни, которая упирается в лес, либо расчищена среди леса» и, соответственно, производные от нее: *рамень*, ж.р., *раменье*, с.р. «лес, соседний с полями, с пашней», *раменный* «лесной, боровой, относящийся к лесу» [там же]. Отталкиваясь от семантической платформы «лес, относящийся к лесу» В.И. Даль приводит следующие онимы, родственные *рамо*: *раменный-сабельник* – растение, *Раменский* шутол. – прозвище медведя [там же].

О.Н. Трубачев и А.Ф. Журавлев этимологизируют *рамо* до исходной формы **oŕto*, трансформирующейся уже в праславянском языке в **ormę*, при помощи суффиксов *-те*, *-тепе* [97, вып. 32, с. 187]. Исследователи отвергают гипотезу

В.И. Даля о принадлежности к одному общему лексическому гнезду слов *рамо* и *рамень*, *раменье*, опирающуюся на метонимический перенос: форма плеча → форма очертания местности [97, вып. 32, с. 188]. По мнению языковедов, данное предположение, где за основу взяты вторичные, производные значения, не подкреплено сколь-нибудь ясным пониманием семантических связей [там же].

Эту точку зрения разделяет и Л.В. Куркина, уточняя, что сближение *рамо* и *рамень* на базе их схожего звучания имеет случайный характер [41, с. 81].

Семантическую платформу В.И. Даля, ставящего во главу угла схожесть физической формы, оспаривает и В.Н. Топоров, усматривающий в качестве семантической мотивации внутренней формы лексемы *рамо* значения сочленения и связи частей [81, т. 3, с. 69].

О.Н. Трубачев и А.Ф. Журавлев, рассматривая *рамо*, как древний и.-е. анатомический термин, указывают на восхождение праслав. **ormę* к и.-е. основе **arə-mo* : **r-mo* «рука» [97, вып. 32, с. 187].

Ю. Покорный определяет **arə-mo* : **r-mo* как производные с суффиксом *-m-* от индоевропейской тяжелой базы с долгим слоговым *-r-* – *arə-*, *re-*, которая, в свою очередь, восходит к и.-е. основе **ar-* «соединять, подгонять» [141, Bd. 1, S. 55, 58].

К этой же и.-е. основе **ar-* восходит и нем. *Arm*. Первые зафиксированные упоминания лексемы в германском языковом континууме датируются 8 в. и восходят к герм. **arma-* : др.в.н., ср.в.н., др.сакс., ср.н.н., ср.нидерл., нидерл. *arm*, др.англ. *arm* (*earm*), др.сканд. *armr*, англ., швед. *arm*, гот. *arms* [113, Bd. 1, S. 75].

В. Пфайфер, с руководимым им АК, отмечают, развитие различных образных значений нем. *Arm*: в др.в.н. исследуемая лексема обозначает перекладины креста (ср. у А.Г. Преображенского мрус. *ра́мено* «перекрестье креста» [64, т. 2, с. 181]), используется как символ, при обозначении власти, силы (ср. у В.И. Даля – *рамо* «мочь, сила, могучая рука, власть» [29, т. 4, с. 56]); в ср.в.н. обозначает усик, ветвь растения; в более поздний период обозначает механизмы или их части, имеющие внешнее сходство с рукой человека (ср. словен. *rato* техн. «плечо (рычага)» [97, вып. 32, с. 185]) [там же].

Реализуясь в ракурсе фразеологии, *der Arm* предъявляет высокую количественность в немецком лексическом поле. Отметим, что коннотационный фон фразеологической единицы зачастую совпадает с тем физическим действием, которое обозначено в выражении: *j-n. mit offenen Armen aufgenommen* «встречать кого-л. с распростертыми объятиями» – раскинуть руки в стороны для объятий, что происходит при встрече с приятным человеком; *mit verschränkten Armen dastehen* «сидеть сложа руки», «оставаться сторонним наблюдателем» – скрестить, сложить руки, тем самым не выполняя никакой полезной работы, либо сложить руки крестообразно на груди, тем самым отгораживаясь от неприятного человека, явления; *j-m (mit etw., mit Geld) unter die Arme greifen* «поддержать, выручить кого-л. чем-л.» – взять кого-л. под руку, поддерживать под руку, предотвращая потерю равновесия и падение [30, с. 73]; *j-m in den Arm fallen* «пресечь чьи-л. действия» – отвести чьи-л. руку, поднятую для удара [11, с. 73].

Таким образом, исследуемые лексические параллели *Arm* – *рамо* демонстрируют общую индоевропейскую основу **ar-* и сходство грамматического макрокомпонента – совпадающую частеречность. Различие функционально-стилистического компонента, реализуемого *Arm* – *рамо*, определяется компонентом функционально-темпоральным (*рамо* – единица, принадлежащая к устаревшему лексическому пласту), обуславливающим также и разницу в частоте употребления исследуемых лексических параллелей в ракурсе фразеологии.

Auge, das, сущ., с.р., «глаз» – *око* «глаз», сущ., с.р.

Славянские параллели нем. *Auge*, впервые письменно зафиксированные в 11 в., восходят к общей праславянской основе **oko*: ст.слав., др.рус. *око*, укр. *око*, блр. *вока*, болг. *око́*, сербохорв. *о̀ко*, словен., чеш., польск. *oko*, в.луж., н.луж. *woko* [93, т. 1, с. 594].

Лексема *око* реализует несколько значений, зафиксированных в различных лексикографических источниках. Так СлРЯ XI–XVII вв. указывает на значения «взгляд, взор» – *Азь къ тебѣ око въздѣваю* (11 в.) [72, вып. 12, с. 327]; «способность видеть и познавать, ум» – *Учат бо нас тѣм, да всегда очи наши,*

еже есть ум наш, имѣем простерт прѣблагому богу (12 в.) [там же, с. 328]; «глаза, взгляд как источник эмоций, как двигатель человеческих поступков» – *Да не удовлѣтъ ти похоть чюжеся доброты, и во следъ ока не идетъ серѣце ти* [там же]; «то, что позволяет видеть, дает свет» – *Слѣнце обѣще око члѣвѣкомъ, тако и мудрость дѣламъ ихъ* [там же]; образно и перен. «о том, кто (что) просвещает, руководит, служит руководством» – *Блѣжнии прѣроци очи намъ быша, прозирающе върою словесъныя таины* [там же]; «центр, исходная точка» – *И отъ единого очеси источника течение изначала приимъ* [там же]; «украшение круглой формы, глазок» – *А въ церквѣ...евангилье тетръ, въ полдестъ, на бумаге, на выбойки 2 ока серебряныхъ, да жемчюг уродокъ* [там же].

Отметим, что значения, опирающееся на сходство формы глаза с окружностью зафиксировано и в других славянских языках: словен. *oko* «глаз, глазок», влуж. *woko* «глаз, ячейка», польск. диал. *oko* «ячейка, ямка, глазок», блр. диал. *око* «глаз; леток в улье; петля в нити ткацкого станка; очко (в играх)» [97, вып. 32, с. 41–42].

В славянском языковом поле лексема *oko* употребляется в качестве составной части фитонима: *очи царские* – лекарственное растение, употреблявшееся от сглаза [71, вып. 23, с. 131]; *kozyи очи, курячыи очи* – фитонимы, зафиксированные в словаре В.И. Даля [29, т. 2, с. 686].

Отметим присутствие праслав. **oko* в составе ихтионима – рус. *окунь*, блр. *вокунь*, словен. *okûn*, чеш. *okoup* (первоначально «глазастая рыба») [88, т.1., с. 132].

В качестве фразеологической единицы *oko* встречается практически с момента своей первой фиксации в письменных источниках: *камо очи несут* – куда глаза глядят, 11 в. [72, вып. 12, с. 329]; *oko въсевидицею, недрѣманною, неоусыпающею* – о Боге, 12 в. [70, т. 6, с. 109]; *сини очи* – мутный взгляд, помутившийся взор (о пьяницах), 12 в. [там же]; *съ очей сослати* – удалить из своего окружения [72, вып. 12, с. 329]; *аки зѣнищу ока* – хранить что-л., 17 в. [там же, с. 329]. Отметим, что исследуемая лексема характеризуется неэмоциональностью и неоценочностью, однако при наличии оценочного

компонента, может выражать положительную или отрицательную коннотацию: *И косое око видит далеко* [28, т.1, с. 278]; *Око мое ненаглядное* [там же, т. 1, с. 279]; *Завистливое око видит широко (далеко)* [там же, т. 2, с. 167]; *Куда сердце летит, туда око бежит* [там же, т. 2, с. 224]; *пачкать очи* «лгать, обманывать» [50, с. 463]

В современной славистике распространено мнение о восхождении праслав. **oko* к и.-е. **okʰ* «видеть, смотреть» [93, т. 1, с. 594; 70, т. 1, с. 643], однако, ряд уточнений, касающихся этого вопроса, также заслуживают пристального внимания. Так Р. Дерксен усматривает в качестве архетипа ларингальную основу **h₃ekʷ-o-* [108, р. 365]. О.Н. Трубачев и А.Ф. Журавлев, рассуждая о восхождении праслав. **oko* к и.-е. **okʰ*, высказывают мнение о гипотетической возможности углубления этимологизируемой основы [97, вып. 32, с. 42]. Исследователи выдвигают свои предположения, основываясь на присутствующем в **okʰ* отражении глагольно-именной апофонии *e/o*, уточняя, что *-o-*, вероятнее всего, вторично [там же].

Первые упоминания лексемы *Auge*, восходящей к германской основе **augan*, датируются 8 в.: др.в.н. *ouga*, ср.в.н. *ouge*, др.сакс. *ōga*, ср.н.н. *ōge*, ср.нидерл. *ōghe*, нидерл. *oog*, др.англ. *ēage*, англ. *eye*, др.сканд. *auga*, швед. *ōga*, дат. *øje*, гот. *augō* «глаз».

К проблеме дальнейшей этимологизации нем. *Auge* до уровня индоевропейской основы современное языкознание не выработало единого подхода. Так Ф. Клуге усматривает *Auge* < и.-е. **okʰ* [127, S. 74]. В. Пфайфер со своим АК полагает такую этимологизацию вероятной, однако уточняет, что в этом случае проявляются некоторые осложнения, основанные на фонетической структуре немецкого языка, в частности, влияние герм. **auzan* «ухо» на вокализм герм. **agw* [113, Bd. 1, S. 96].

Г. Кроонен, усматривающий восхождение нем. *Auge* к ларингальной основе **h₃ekʷ/*h₃ekʷ-n* (совпадает с предположением Р. Дерксена, касающимся этимологии славянских параллелей [108, р. 365]), относит исследуемую лексему к классу *n*-основ, обозначающих части тела, что может служить причиной возникновения дифтонга *ai* по аналогии с **auzon-* «ухо» [129, р. 41]. Также

исследователь указывает на существующую гипотезу возникновения дифтонга в результате контаминации основ, реализующихся в рамках одной парадигмы, *aw- и *ag-, как результат действия закона Вернера [там же]. О возможном влиянии контаминации говорит и А.Г. Преображенский [64, т. 1, с. 643].

Рассматривая фонетическую структуру нем. *Auge*, Ф. Клуге усматривает вероятность возникновения дифтонга на вероятно нерегулярном изменении u/w, как части лабиовелярного k^w [127, S. 74].

Проблему восхождения нем. *Auge* к и.-е. *ok^h также рассматривают и О.Н. Трубачев с А.Ф. Журавлевым. Лингвисты отмечают, что основой такого сближения современное языкознание определяет метатезу ahv- > aug-, либо нерегулярное развитие a > au [97, вып. 32, с. 42]. Однако сами языковеды считают такую гипотезу маловероятной, отдавая предпочтение мнению о влиянии и.-е. *aus- «ухо» [там же]. Сходной точки зрения придерживается и Ю. Покорный, усматривающий воздействие *ausō «ухо» на возникновение гот. *augō*, др.в.н. *ouga* «глаз» [141, Bd. 1, S. 777].

М.М. Маковский сближает нем. *Auge* и и.-е. *ok- «вода» на семантической платформе осмысления глаза как жидкости, водного потока [45, с. 42]. Исследователь не предъявляет каких-либо дополнительных фактов из области фонетических переходов или морфологических трансформаций в подтверждение своей теории, однако в работе Т.А. Марусенко находим *voiko* «углубление в скале, из которого течет вода» [47, с. 222] или у О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева словен. диал. *oko* «затон» [97, вып. 32, с. 41].

Рассматривая семантический компонент нем. *Auge*, отметим наличие у него нескольких лексических значений: «глаз», «очко» (ср. у В.И. Даля *очко* – «знаки, для счету, на игральные кости, картах» [29, т. 2, с. 686]); «жиринка (в супе)»; «глазок, почка, сучок» (ср. у В.И. Даля *очко* – «глазок, почка, завязь будущего листка или ветки» [там же]); техн. «ушкó» [54, с. 103].

В ракурсе немецкой фразеологии *Auge* характеризуется высокой частотой употребления. При этом метонимический перенос с движения глаз, совершаемых человеком при совершении им каких-либо действий, или, при попадании в

определенную ситуацию, на само явление – частый компонент фразеологизма: *mit bloßem Auge sehen* «видеть невооруженным взглядом» [146, S. 40]; *die Augen auf sich ziehen* «обратить на себя взоры, привлечь к себе внимание» [11, с. 56]; *vor aller Augen* «у всех на глазах, публично» [там же]; *die Augen aus dem Kopfe schämen* «не знать, куда деть глаза от стыда» [30, с. 84]; *Was dem Herzen gefällt, das suchen die Augen* «куда сердце лежит, туда и око бежит» [118, S. 45] .

Таким образом, лексические параллели *Auge* – *око* демонстрируют общую индоевропейскую основу **okʰ* , причем в германском языковом поле такая этимологизация реализуется в диапазоне от полностью достоверной теории до наиболее вероятной гипотезы. Структурно-языковой мегакомпонент исследуемых соматизмов предъясняет сходство грамматического макрокомпонента (общая частеречность). Различия проявляются, прежде всего, в функционально-темпоральном аспекте и, как следствие, в функционально-стилистическом. В ракурсе фразеологии *Auge* – *око* часто показывают пример практически полного семантического соответствия.

Brust, die, сущ., ж.р. «грудь» – *брюхо*, сущ., с.р.

Славянский языковой континуум располагает следующими лексическими параллелями нем. *Brust*, восходящими к общей славянской основе **br'uxo*: др.рус. *брюхо*, *брюхъ*, блр. *бруха*, укр. *бріх*, *брух*, *брухо*, польск. *brzuch*, чеш. *břicho*, *břich*, словац. *brucho*, *bruch*, *bricho*, кашуб. *brëx*, н.луж. *brúch*, *brúcho*, ст.слав. *брюхъ*, болг. диал. *briuk*, *briuka*, *bruka* «прыщ», сербохорв. *трбух* «живот» [96, вып. 2, с. 207].

Лексема *брюхо* широко реализуется в русском языке в области антропонимики: *Яков Афанасьевич Брюхатый* – псковский посадник, 1495 г. [17, с. 51], *Брюхатовы* – новгородские бояре, 15 в. [там же], *Брюхач* – крестьянин, 1545 г. [там же].

Исследуя *брюхо* в ракурсе семантики, отметим трансформацию функционально-стилистического компонента слова. Так, в СлРЯ XI–XVII вв. находим *брюхо* «живот», без каких-либо семантических метаязыковых помет: У

которого члѣка внутри не здорово, и они брюхо рѣжут да внутрь вынимают и очищают и паки заживляют (17 в.) [72, вып. 1, с. 342].

Д.Н. Ушаков указывает на значение *брюхо* «часть тела между грудью и ногами у человека и животного», снабдив его пометой – «просторечное» [80, т. 1, с. 195–196]. С.И. Ожгов и Н.Ю. Шведова также делают аналогичную помету лексемы *брюхо* в значении «живот человека» [59, с. 61]. Так, лексикографические источники зафиксировали переход лексической единицы из разряда межстилистической в разряд просторечной. Этот переход, однако, отсутствует в производных словах, принадлежащих чаще всего к специальной лексике – *бюшина* «оболочка, выстилающая изнутри стенки брюшной полости» [там же, с. 61]; *брюшко* «задний отдел тела членистоногих» [там же]; *брюхоногие* «один из классов моллюсков, слизняки» [80, т. 1, с. 196]; *брюшной*, прил. к *брюхо* – *брюшной тиф*, *брюшная полость* [там же].

Рассматривая *брюхо* в функционально-территориальном аспекте, необходимо отметить наличие переносных лексических значений единицы: Арх. «нужда, потребность» – *Ты оставь мне только хлеба, що в брюхе* (1895 г.) [71, т. 3, с. 224]; Онеж. КАССР. *брюхо болит по кому-л.* «беспокоиться о ком-л., волноваться за кого-л.» – *У бабки-то, поди, брюхо болит по робятам* (1931 г.) [там же]; Лайш. Казан. *брюхом захотеть* «очень сильно захотеть чего-л.» – *Дома барыня с печки упала, брюхом хрена захотела (в игре)* (1891 г.) [там же]; Помор. *Идти с одним брюхом (на промысел)* (1885 г.) – Участвовать в артели (рыбной, охотничьей) только личным трудом, не вкладывая средств [там же]; Полев. Свердлов. *брюхо не пучит у кого-либо* «о том, у кого нет совести, стыда» – *А ему чо – брюхо не пучит* (1964 г.) [там же].

В ракурсе фразеологии лексема *брюхо* зачастую реализуется с семными конкретизаторами «беременность», «сытый – голодный», «толстый – худой»: *понести брюхо, навздымать брюхо* «забеременеть» [50, с. 62]; *ходить первым (вторым) брюхом* «о первой (второй) беременности» [там же]; *Брюхо – глухо: словом не уймешь (что ни говори, а корми)* [28, т. 2, с. 282]; *В брюхе простор: что ни день, то и сыпь и лей* [там же]; *Брюхо сыто – да глаза голодны* [29, т. 1, с. 135];

В брюхе играют черти в рюхи (о чувстве голода) [50, с. 62]; *отрастить брюхо* (становиться толстым, упитанным) [там же]; *с брюха спасть* (похудеть) [там же].

В.И. Даль указывает на такое значение *брюхо*, как «выпуклость, горб, возвышенность холмом» [29, т. 1, с. 135]. Н.М. Шанский также отмечает подобное значение у исследуемой лексемы, но помечает его как значение первоначальное [96, вып. 2, с. 207]. Языковед рассматривает *брюхо* как суффиксальное образование с индоевропейской основой **bhreu-s* «набухать» [там же]. П.Я. Черных разделяет схожую точку зрения, уточняя, что лексема *брюхо* демонстрирует трансформацию по славянскому типу *eu > ju, s > ch* [93, т. 1, с. 116].

К и.-е. **bhreus-* «прорасть, набухать» относится и нем. лексема *Brust* «грудь», первые упоминания которой датируются 8 в.: др.в.н., ср.в.н., ср.н.н. *brust*, с *r*- метатезой, др.фриз. *burst, borst*, ср.н.н., ср.нидерл., нидерл. *borst* [113, Bd. 1, S. 223]. Предъявляя нулевую ступень чередования, по сравнению с др.сакс. *briost*, др.англ. *brēost*, англ. *breast*, др.сканд. *brjōst*, швед. *bröst* (восходящими в свою очередь к герм. **breust-*), вышеперечисленные лексемы этимологизируются до герм. **brust* [там же].

В вопросе этимологизации архетипа до уровня индоевропейской основы, предположения Ф. Клуге и В. Пфайфера с АК совпадают в ракурсе морфологии, но отличаются в семантическом аспекте. Так, исследователи указывают на возможность восхождения нем. *Brust* к и.-е. **bhreus-*, представляющим собой и.-е. **bhreu-* с *s*- расширением [113, Bd. 1, S. 223; 127, S. 157]. Ю. Покорный также детерминирует этот путь этимологизации как возможный [141, Bd. 1, S. 171].

Семантическая сфера является полем для дискуссии немецких этимологов-лексикографов. Ф. Клуге полагает, что и.-е. **bhreus-* относится к орбите понятийного ядра «живот – грудь» [127, S. 157]. При этом, значение «грудь» может трансформироваться из значения «почка, бутон», с сохранением возможности восхождения к вербальному значению «прорасть, набухать» [там же]. В. Пфайфер со своим АК полагает возможным семантическую отсылку к значению «прорасть, набухать» в аспекте сравнения женской груди / сосков [113, Bd. 1, S. 223]. С этой гипотезой согласуется точка зрения П.Я. Черных,

указывающего следующий вектор семантической трансформации: *нечто набухшее, выпирающее, возвышающееся* → слав. *живот* / герм. *грудь* [93, т. 1, с. 116].

В области фразеологии нем. *Brust* характеризуется высокой количественностью. Обнаруживая метонимический перенос, исследуемая лексема в паремиях или фразеологизмах реализует скорее положительную коннотацию: *Brust an Brust* «плечом к плечу» [143, S. 132], *j-n an seine Brust drücken* «прижать кого-л. к груди, сердцу» [14, т. 1, с. 294], *von der Brust weg* «напрямик, без обиняков» [11, с. 126], *j-m aus tiefster Brust danken* «благодарить кого-л. от глубины души» [14, т. 1, с. 294]. С отрицательной коннотационной окраской находим: *sich an die Brust werfen* «принять гордый, самодовольный вид», «хорохориться» [11, с. 126], *einen zur Brust nehmen* «изрядно выпить» [30, с. 139] (ср. рус. *принять на грудь*), *sich an die Brust schlagen* «бить себя в грудь» [143, S. 132] (ср. рус. *бить себя (кулаком) в грудь*).

В качестве фразеологической единицы, нем. *Brust* предъясняет значение «легкие, орган дыхания», реализуя сему «болезнь органов дыхания»: *schwach auf der Brust sein* «иметь слабые легкие», *es auf der Brust haben* «страдать бронхитом» [там же].

Таким образом, лексические параллели *Brust* – *брюхо* демонстрируют общую и.-е. основу **bhreu-s*, отраженную, однако, в лексикографических источниках с разной модальностью: славянский языковой континуум не подвергает такую этимологизацию сомнению, германский называет ее возможной. Структурно-языковой мегакомпонент исследуемых лексем предъясняет сходство грамматического макрокомпонента (общая частеречность) и различия в аспектах функционально-темпоральном и функционально-стилистическом. В области семантики *Brust* – *брюхо* реализуют, вероятнее всего, общую платформу – «нечто набухшее, выпирающее, возвышающееся».

Magen, der, сущ., м.р. «желудок» – *мошна*, сущ., ж.р.

Славянский лексический фонд предъясняет следующие лексические параллели нем. *Magen*, восходящие к праслав. **тоѣьна* «сума, мощна»: ст.слав.

мошьна, сербохорв. мн.ч. *моѡшьне* «мошонка», словен. *mošnja* «кошелек, мошонка», чеш., словац. *mošna*, польск. *moszna*, в.луж. *mošeń*, н.луж. *mošyna*, рус. *мошна* [88, т. 2, с. 667], отмечая 1144 г. как дату их первой письменной фиксации [76, т. 2, с. 180].

В СлРЯ XI–XVII вв. зафиксированы значения исследуемой лексемы, реализующие исключительно интерсему «мешок, сумка»: «сумка, мешок для хранения денег» – *И даетъ людям держати на руках, сорочка, порты, поясъ с мошноу, в мошне золотые.* (16 в.) [72, вып. 9, с. 285]; «дорожная сума, котомка» – *Не сътяжите злата ни сребра, ни мѣдипри поясѣхъ вашихъ, ни мошьнѣ на пути, ни двою ризу* (1144 г.) [там же]; «сумка для боеприпасов» – *Мошня пороховая... а мошни пулечной и дробовой и с ключикомъ пицалнимъ не обѣявилосѣ* (1598 г.) [там же]. В то же время П.Я. Черных полагает, что в большинстве славянских языков для *mošna* : *mošna* значения «сума», «сумка», «кошелек» являются устаревшими и на сегодняшний момент выражаются другими лексемами – болг. *кесія*, чеш. *těšec* [93, т. 1, с. 546].

О.Н. Трубачев, помимо значения «сума, кошелек», отмечает следующие лексические значения славянских параллелей нем. *Magen*: болг. диал. *мушнѣ* «пах», сербохорв. мн.ч. *mošna*, *mošna* «часть мужского тела, мошонка; стручок, в котором содержится плод некоторых растений», словен. *mošnja* «мошонка; продолговатая зеленая смоква», словац. *mošna* «мошонка» [97, вып. 20, с. 37]. Подобное находим и в СлРЯ XI–XVII вв., но в форме диминутива: *мошонка* (*мошенка*) «кожно-мышечная оболочка, содержащая мужские половые железы» – *А у кого почки болятъ или мошенка и ту траву до седмижды пить* (17–18 вв.) [72, вып. 9, с. 285]. В приведенных примерах обращает на себя внимание семантическое сближение, основанное на сходстве физической формы.

В трудах по славянской ономастике зафиксированы следующие единицы, реализующие праслав. **mošna*: *Мошничъ Юрко*, бортник, 1370 г. [70, т. 1, с. 330]; *Мошнин Юрий Федорович*, Московский уезд, 1446 г. [17, с. 206]; *Мошна́*, приток Днепра [133. С. 378]; *Мошни*, село в Черкасской области, Украина [там же]. Отметим, однако, что Л.И. Похилевич усматривает в гидрониме *Мошна́* и

топониме *Мошни* другую этимологию, основанную на их географическом положении и природном ландшафте: *мошня* – низменной место наполненное мошками [63, с. 622].

В русском языке, особенно в области фразеологии, *мошна* в значении «кошелек» употребляется и как символ богатства: *набить мошну, тугая мошна* [59, с. 368]. Русская поговорка реализует лексему *мошна*, как единицу семантической дихотомии «богатство – бедность»: *Есть в мошне, так будет и в квашне* [28, т. 1, с. 66]; *В мошне густо, так и дома не пусто* [там же]; *Золото (или: Мошна) не говорит, да много творит (или: а чудеса творит)* [там же]; *Добрая земля – полная мошна; худая земля – пустая мошна* [там же, с. 69].

Обращаясь к этимологизации архетипа славянской лексики, О.Н. Трубачев рассматривает праслав. **тошьна* как субстантивированное суффиксальное прилагательное, образованное от несохранившегося существительного ***тохъ*, восходящего к и.-е. **tak-* «кожаная сумка» при помощи суффикса *-ъn(a)* [97, вып. 20, с. 38].

Схожей точки зрения придерживается и П.Я. Черных, указывая, однако, на суффикс *-s(o)-* [93, т. 1, с. 546]. Р. Дерксен также отмечает восхождение праславянской основы к и.-е. **tak-s-in-eh₂* [108, р. 327]. В качестве архетипа рассматривает и.-е. **tak-* и Ю. Покорный [141, Bd. 1, S. 698]. При этом А.О. Преображенский считает этимологию *мошна* неясной [64, т. 1, с. 564].

Германское лексическое поле предъявляет следующие лексемы, восходящие через герм. **tagan* «желудок» к и.-е. **tak-*, датируя первые их письменные фиксации 8в.: др.в.н. *tago*, ср.в.н. *tage*, ср.н.н. *tāge*, ср.нидерл. *tāghe*, нидерл. *taag*, др.фриз. *taga*, др.англ. *taga*, англ. *taw* «зоб, желудок», швед. *tage*, нем. *Magen* [113, Bd. 2, S. 1043]. Появление в современном немецком языке *-n* – *Magen*, вызвано, по мнению В. Пфайфера и возглавляемого им АК, слабым склонением существительного [там же].

В то же время Г. Кроонен в принципе отвергает индоевропейское происхождение лексики [129, р. 347]. Исследователь, сближая герм. **tagan* с лит. *tākas*, латв. *taks*, восходящими к и.-е. **tak-o-*, с др.церк.слав. *тошьна*, рус.

mošna, восходящими к и.-е. **mok-in-eh₂*, со ср.брет *meguin*, брет. *megin*, восходящим к пракельт. **mokīnā* указывает на -k, как на возможный маркер не индоевропейского происхождения герм. **magan* [там же].

В рамках фразеологического поля нем. *Magen* зачастую реализуется в дихотомии «ГОЛОДНЫЙ – СЫТЫЙ»: *mit nüchternem Magen aus dem Haus gehen* «выходить из дома на голодный желудок» [146, S. 519], *seinem Magen keine Stiefmutter sein* «любить хорошо покушать» [11, с. 419], *Samt am Kragen, Kleie im Magen* «На брюхе шелк, а в брюхе щелк» [118, S. 169], *Voller Magen lernt mit Unbehagen* «голодное брюхо к ученью глухо» [там же].

В качестве фразеологической единицы нем. *Magen* также предьявляет различные переносные значения: *sich den Magen warm halten* «очень беречь себя, вести себя осторожно» [11, с. 420], *es kehrt mir den Magen um* «меня с души воротит» [там же], *das schlug ihm auf den Magen* «это испортило ему все удовольствие» [там же], *j-m bis in den Magen sehen* «видеть кого-л. насквозь» [там же], *j-n im Magen haben* «не переносить (не переваривать) кого-л.» [30, с. 483], *und das auf nüchternen Magen!* «этого еще не хватало!» [там же, с. 483–484].

Таким образом, лексические параллели *Magen* – *мошна* демонстрируют совпадение в грамматическом макрокомпоненте (частеречной принадлежности), но существенные различия в макрокомпонентах функционально-темпоральном (немецкая и русская лексемы относятся к современному и устаревшему лексическому пласту соответственно) и функционально-стилистическом (немецкая лексема относится к разряду межстилистической лексики, в то время как русская к разговорной и просторечной). На вопрос о поиске индоевропейского архетипа, исследуемых *Magen* – *мошна*, современное языкознание не предьявляет однозначного ответа.

Nase, die, сущ., ж.р. «нос» – *нос*, сущ., м.р.

К славянским параллелям нем. *Nase*, восходящим к праслав. **nosъ* относятся: церк.-слав. *носъ*, болг. *носъ* «нос», «клюв», «мыс», «нос корабля», макед. *нос* «нос», «носик (чайника и т.п.)», «мыс», сербохорв. *nôс* «нос», «нос у животного», «нос лодки», словен. *nôс* «нос», «зубец в форме носа», «носик у

посуды», «нос судна», «мыс», чеш. *nos* «нос», «клюв», «то, что по форме напоминает клюв», словац. *nos* «нос», «передняя часть чего-л.», влуж. *nós* «нос», «хобот, рыло», н.луж. *nos* «нос», «хобот, рыло, хрюкало», «нос лодки, нос корабля», польск. *nos* «нос, клюв» [97, вып. 25, с. 212–213].

Дата первых упоминаний рус. *нос* в письменных источниках напрямую зависит от семантической нагрузки лексемы: в значении «нос человека» – *Похухнавъше носъмь* (1075 г.) [72, вып. 11, с. 424], *Благоуцуюмоу черныцу по закону. людьскомоу носъ юмоу оуръзають* (1280 г.) [70, т. 5, с. 434]; в значении «клюв» – *Мертвоюдци птици оумаряють моуро. юстьство ихъ на зловоньнаѧ и на тлѣньнаѧ влечетсѧ... аще же оузреть напастъ, <и> прилѣтають <и>... наклоньнымъ носо(м) клюють* (14 в.) [там же]; в значении «нос, передняя часть корабля» – *а кормника •ѣ• бѣста. единъ на кормѣ. а други на носѣ* (14 в.) [там же]; в составе географических обозначений – *лонѣ. оу гювиѣва. сѣна. оу того жь. жабѣѧ. носа. приѣхавшѣ... •и• члѣвкѣ. взал. товара. на •ѣ• рублевѣ*. (14–15 в.) [там же]; в значении «носовая стрелка у шлема» – *Шоломъ кизылбаской, съ носомъ и съ затылкомъ* [72, вып. 11, с. 424]; в значении «клювообразно изогнутая заостренная боевая часть чекана (оружия); заостренный (рабочий) конец багра» – *Чеканъ, носъ желѣзной, обухъ мѣдной* (1668 г.) [там же].

Лексема *нос* в различных значениях широко реализуется в диалектах и говорах русского языка: Урал. «лемех плуга», Арх. «сухое возвышенное место среди болота», Пудож. Олон. «фестоны, зубцы кружева», Онеж. КАССР «сенокосный участок» [71, вып. 21, с. 285]. Таким образом, слово *нос* в славянском языковом поле в различных своих значениях обнаруживает семантическую опору на физическую форму (нечто, по форме напоминающее нос) и содержит интерсему «нечто выдающееся вперед, вверх».

В ракурсе ономастики исследуемая лексема существует либо в качестве компонента-онима, либо самостоятельно образует ономастическую единицу. Как антропоним *нос* проявляет себя: *Олександръ Ивановичъ Носъ* (1429 г.) [86, с. 282]; *Григорий Андреевич Большой Нос Колычев* (16 в.) [17, с. 223].

В качестве компонента фитонимической единицы лексему *нос* находим: *журавлиный нос* (растение семейства гераниевых) [71, вып. 21, с. 285]. Высокой количественностью исследуемая лексическая единица характеризуется в ракурсе топонимики: *Камчатский Нос* (обозначение о. Камчатка до 18 в.) [31, с. 184], *Носова Балка* [55, с. 392], *Носівка*, река, левый приток Десны [там же].

В ракурсе фразеологии рус. *нос* демонстрирует высокую количественность реализации. Наиболее ранние дошедшие до нас письменно зафиксированные фразеологические единицы с компонентом *нос* датируются второй половиной 17 в.: *въ нос загнуть* «смирить, привести в повиновение» (1638 г.) [72, вып. 11, с. 424], *на носъ* «на каждого» (1694 г.) [там же].

В современной фразеологии рус. *нос* демонстрирует свою принадлежность к различным семантическим концептам, передавая чаще всего отрицательную коннотацию: отриц. *Перекрести свой нос, чтоб лучше рос* (ты бредишь) – концепт «ложь, неправда» [28, т. 1, с. 177]; отриц. *насандалить нос* – концепт «пьянство» [там же, т. 2, с. 270]; отриц. *водить за нос* – концепт «обман» [там же, т. 2, с. 143]; отриц. Дон. *В носе не кругло* (о неумении что-л. сделать) – концепт «неумелый человек» [71, вып. 21, с. 285]. Однако, примеры фразеологических единиц с положительной коннотацией тоже встречаются: Ворон. *дать носа* – поздороваться [там же], Урал. *кормиться своим носом* – самостоятельно добывать себе пищу [там же], Влад. *нос разъело* – пришлось по вкусу, понравилось [там же].

Глубина этимологизации праслав. **nosъ*, к которому восходит рус. *нос* достигает уровня и.-е. **nas-* «нос», на что указывают Ю. Покорный и Т.В. Гамкрелидзе с В.В. Ивановым [141, Bd. 1, S. 755; 22, ч. 2, с. 814]. Р. Дерксен реконструирует исследуемую основу до и.-е. **nh₂-es-/ne_h₂-s-*, проводя параллель с праслав. **nozdra* «ноздря» [108, р. 357]. О.Н. Трубачев также отмечает, что праслав. **nosъ*, являясь по своей сути корневым именем, входит в качестве одного из компонентов реконструируемой основы для праслав. **nozdrī*, восходящей к **nos-ri* [97, вып. 25, с. 216; там же, вып. 26, с. 16]. При этом исследователь отвергает этимологию **nosъ < *nas < *nHs-* [97, вып. 25, с. 216].

К этой же и.-е. основе **nas-* восходит и немецкая лексема *Nase*, первые упоминания которой датируются 8 в.: др.в.н. *nasa*, ср.в.н. *nase*, ср.н.н. *nase*, ср.нидерл. *nose* [127, S. 649]. В. Пфайфер с возглавляемым им АК дифференцируют формы, ведущие к герм. **nasō-* – др.в.н., др.сакс. *nasa*, ср.в.н. *nase*, ср.н.н., ср.нидерл. *nāse*, др.англ. *nasu*, др.сканд. *nōs*; и формы ведущие к герм. **nusa-*: имеющие чередование по аблауту ср.н.н. *nōse*, ср.нидерл. *nese*, *noyse*, нидерл. *neus*, др.англ. *nosu*, англ. *nose* [113, Bd. 2, S. 1154].

Г. Кроонен также усматривает оппозицию по аблауту герм. **nasō-/nuso-*, истоки которой исследователь определяет как неясную, уточняя, что основа **nus*, вероятнее всего, происходит от вторичной нулевой ступени, являющейся, в свою очередь, результатом ремоделирования первоначально существовавшей парадигмы [129, p. 383].

АК под руководством В. Пфайфера выделяет группу производных слов с *j*-суффиксом от корневого слога герм. **nas-*, употребляемых в качестве географических названий: ср.н.н. *nēse* «мыс, предгорье», ср.нидерл. *nesse*, *nes* «мыс, коса (геогр.)», нидерл. *nes* «земля, расположенная за пределами дамбы, сформированная из-за наводнения», др.англ. *næs(s)*, англ. *ness* «предгорье, мыс», др.сканд. *nes* «мыс» [113, Bd. 2, S. 1154].

Ф. Клуге, полностью соглашаясь с укоренившимся в языкознании векторе этимологизации нем. *Nase* < и.-е. **nas-*, отмечает и возможность восхождения исследуемой лексемы к и.-е. **anə* «дышать» [127, S. 649]. Также исследователь полагает, что вследствие содержащейся в значении нем. *Nase* отсылки к множественному или двойственному числу, изначально лексема означала «ноздря» [там же].

В немецком языке находим следы употребления исследуемой лексемы в качестве ихтионима: *die Nase* – подуст, рыба семейства карповых [там же].

В ракурсе передаваемого лексического значения нем. *Nase* характеризуется многозначностью. Помимо основного значения «нос (человека, животного)», лексикографические источники предлагают следующие: «обоняние, нюх» – *der Hund hat eine gute Nase* «у собаки хороший нюх» [112, S. 1250]; «чутье,

интуиция» – *seine Nase hat ihn getäuscht* «чутье его обмануло» [там же]; «нос корабля, самолета, передняя часть машины» – *die Nase des Bootes hob sich aus den Wellen* «нос лодки поднялся из волн» [там же]; «стекающие капли краски или лака» (ср. Верховаж. Волог. *нос потереть* «снять нагар со свечи» [71, вып. 21, с. 286]) [там же]

Высокая количественность, чаще всего с отрицательной коннотацией, характерна для нем. *Nase* и во фразеологическом поле: *die Nase zu tief ins Glas stecken* «выпить лишнего» [143, S. 507]; *j-n mit der Nase drücken* «ткнуть носом кого-л. во что-л.» [11, с. 462]; *er sieht nicht weiter als seine Nase reicht* «он не видит дальше своего носа» [там же]; *Stecke deine Nase nicht in fremde Angelegenheiten* «Не тычь носа в чужое просо» [118, S. 183]. Встречаются, однако, фразеологизмы и с положительной коннотацией: *die Nase vorn haben* «победить, выиграть» [30, с. 516]; *die Nase in ein Buch stecken* «усердно учиться» [там же].

Таким образом, исследуемые лексические параллели *Nase* – *нос* можно детерминировать как полные линейные соответствия. Семантическое поле обеих лексем демонстрирует отсылку к значению «ноздря/ноздри». Соматизмы характеризуются схожестью денотативного и коннотативного макрокомпонентов, а в ракурсе структурно-языкового значения реализуют совпадение в функциональном макрокомпоненте и различие в грамматическом (ж.р. в немецком языке и м.р. в русском). Архетип исследуемых лексических параллелей этимологизируется до уровня индоевропейской основы.

Ohr, das, сущ., с.р. «ухо» – *ухо*, сущ., с.р.

Славянский континуум предлагает следующие лексические параллели нем. *Ohr*, восходящие к праслав. **ухо-*: укр. *вухо*, блр. *вухо*, болг. *ухó*, сербохорв. *у̀хо*, словен. *uhô*, чеш., словац. *ucho*, польск. *ucho*, в.луж. *wucho*, н.луж. *hucho*, др.рус. *ухо*, ст.слав. *оухо* [88, т. 4, с. 179].

Первые упоминания лексемы П.Я. Черных датирует 11 в. [93, т. 2, с. 297]. И.И. Срезневский, дифференцируя лексические значения рус. *ухо*, делает попытку установления временных маркеров их письменной фиксации в языке: *ухо* «орган слуха» – *Извълкъ ножь, порази раба старѣишины жьрьчьска и оурѣза юмоу оухо*

(1117 г.); «слух, способность слышать» – *Очи имоуть и не оувидѣть, оуши имоуть и не оуслышать* (1280 г.); «внимание» – *Блѣдѣ послушьливъ рабъ приклоньшаго тебе оухо млѣстивноу* (1096 г.); «ушко иглы»; «ручка у сосуда»; «наушник» – *Шоломъ Кизылбаскои..., уши серебромъ обиваны* (1589 г.); «ушко у стрелы, перо» – *10 стрѣлъ ..., уши кость чорна* (1589 г.) [76, т. 3, с. 1328–1329].

Реализация рус. ухо, как с положительной, так и с отрицательной коннотацией в русской фразеологии характеризуется высокой количественностью: отриц. *В одно ухо впустил, в другое выпустил* [29, т. 4, с. 540]; отриц. *Он и уши развесил* [там же]; положит. *Твои бы речи, да Богу в уши!* [там же].

Встречается лексема *ухо* и как компонент зоонимов и фитонимов: *ушатка* (вид совы); Пск. *Ушан* (заяц); *Лошаково-ухо, Медвежье ухо* (фитонимы) [там же].

В.И. Даль включает в одно лексическое гнездо рус. *ухо* и рус. *ушник* «сплетник» [там же, с. 540–541]. В свою очередь П.Я. Черных отвергает эту гипотезу, предполагая соответствие между *наушник* «сплетник, подстрекатель» и *наушник*, где обнаруживается упрощение *ушн* > *ин*, с восхождением *наушник* к др.рус. *наушати* «научать» [93, т. 2, с. 297].

Глубина этимологизации славянских параллелей достигает и.-е. основы **ōus-: *aus-: *us-* «ухо» [141, Bd. 1, S. 785].

Первые упоминания нем. *Ohr*, зафиксированные в письменных источниках, датируются 8 в. – др.в.н., др.сакс. *ōra*, ср.в.н. *ōr(e)*, ср.н.н. *ōr*, др.англ. *ēare*, др.сканд. *eyra*, гот. *ausō* – и восходят к герм. **auzan-* [113, Bd. 2, S. 1197]. В современном языкознании не выработано единой точки зрения на дальнейшую этимологизацию герм. **auzan-*. Так, Ф. Клуге реконструирует исходную форму – и.-е. **aus-*, уточняя, однако, что дальнейшее происхождение лексемы неясно [127, S. 667]. В. Пфайфер со своим АК предполагает восхождение нем. *Ohr* к и.-е. основе **ōus-: *aus-: *us-* [113, Bd. 2, S. 1197]. Г. Кроонен уверенно усматривает происхождение герм. **auzōn-* от вербальной основы **h₂eu-* «воспринимать» [129, р. 44].

В качестве атрибутивного компонента *Ohr* зафиксирован в инсектонеми *Ohrwurm* «уховертка», названии насекомого, которое, по сложившемуся в древности ошибочному мнению, может залезть в ухо человека и повредить его внутреннюю часть [113, Bd. 2, S. 1197].

Немецкая фразеология содержит многочисленные примеры реализации исследуемой лексемы, как с отрицательной, так и с положительной коннотацией: отриц. *eins hinter dir Ohren geben* «влепить затрещину кому-л.» [30, с. 531]; отриц. *lange Ohren haben* «наострить уши, подслушивать» [112, S. 1290]; положит. *jmd. strahlt von einem Ohr zum anderen* «кто-л. весь сияет от радости» [30, с. 532]; *bis über beide Ohren verliebt sein* «быть влюбленным по уши» [там же, с. 531].

Таким образом, исследуемые лексические параллели *Ohr* – *ухо* представляют собой линейные соответствия. Широта семантического охвата рассматриваемых соматизмов различна – у русской лексемы шире. Исследуемые лексические параллели предъявляют схожесть коннотативного компонента и полное совпадение макрокомпонентов функционального и грамматического. Реализация *Ohr* – *ухо* в ракурсе фразеологии демонстрирует высокую квантитативность. Этимологизация нем. *Ohr* рассматривается различными исследователями по-разному, тогда как славистика выработала единое мнение в вопросе происхождения лексемы *ухо*.

Rippe, die, сущ., ж.р. «ребро» – *ребро* сущ., с.р.

К славянским лексическим параллелям нем. *Rippe*, восходящим к праслав. **reb-ro* относятся: рус. *ребро*, укр. *ребро*, др.рус., ст.слав. *ребро*, болг. *ребро*, сербохорв. *рёбро*, словен. *řebro*, чеш. *řebro*, словац. *rebro*, польск. *żebro*, н.луж. *řobro*, в.луж. *rjebło*, полаб. *rebrŭ* [88, т. 3, с. 453]. П.Я. Черных датирует первые письменные упоминания *ребро* в славянском языковом поле 11 в. [93, т. 2, с. 102].

Рассматривая семантическую трансформацию рус. *ребро* в ракурсе диахронии, отметим уменьшение количества передаваемых лексических значений. Так в СлРЯ XI–XVII вв. зафиксированы: «ребро» – *И възложи на нь мару, рекъше сънь, и усъне, и изъ ребро едино его* (12 в.) [72, вып. 22, с. 125]; «бок» – *Инъ же, възъмъ копие, прободѣ ему ребра, и изиде вода и кръвь* (1057 г.)

[там же]; «сторона, представленная посланниками Папы Римского, легатами» – *Отъ своего ребра попы посълеть* (12 в.) [там же, с. 126] (у И.И. Срезневского «кардинал, уполномоченный Папы» – *Нача зватися (Исидоръ) легатосомъ отъ ребра апостольскаго съдалища Римьскыя власти* [76, т. 3, с. 113]); «продолговатый выступ» – *Доспѣтъ шестокъ да на шестокъ доспѣти ребро, да на ребро приборчи кукиши* (17 в.) [там же]; «пристройка из бревен или балок» – *Въ церкви же присозда ребра около внѣуду, по шти лактий, яже и мелефа нарече, яко раздѣление дастъ дому, и никомуже прикосатися ни къ стѣнѣ, нѣ токмо иеромъ* (17 в.) [там же]; «знак в виде слабо изогнутой продолговатой черты в составе бортного знамени» – *Знамя въ томъ ужожеи три ребра поперегъ дерева* (17 в.) [там же].

В свою очередь С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова приводят уже меньшее количество лексических значений исследуемого соматизма: «ребро», geometr. «отрезок прямой, лежащий на пересечении двух граней многогранника», «узкий край или сторона предмета» и спец. «дугοобразно изогнутая скрепляющая часть остова какого-н. сооружения» [59, с. 671].

П.Я. Черных также отмечает полисемантизм рус. *ребро*, дифференцируемый в производных прилагательных: *ребро* → *реберный* (в значении «дугοобразная кость грудной клетки»); *ребро* → *ребровый* (во втором значении «линия пересечения двух плоскостей») [93, т. 2, с. 102]. Исследователь уточняет, что в других славянских языках эти два значения могут быть выражены различными лексемами: чеш. *žebro* анат. «ребро», но *hraua* «ребро» во втором значении; польск. *żebro* «ребро» в первом значении, но *krawędź* для выражения второго значения [там же].

Исследуемая лексема проявляет себя и как ономастическая единица. Так, в славянском лексическом поле зафиксированы антропонимы с компонентом *ребро* в своем составе: *Ребров Кузьма Митрофанов*, слуга Вяжицкого монастыря (1583 г.) [17, с. 267]; *Фрол Ребров*, откупщик, Кадашевская слобода (17 в.) [там же]. Обнаруживается *ребро* и как компонент фитонимов; *Адамово ребро*

(валериана лоснящаяся) [71, вып. 34 с. 362]; *Христовы ребра* (василек прижатый) [там же].

Фразеологическое поле отмечено широким присутствием лексемы *ребро*, предъявляющей, чаще всего, сему «кость грудной клетки человека». При этом сама фразеологическая единица реализует значение «побить, избить кого-л.»: *За мое ж добро, да мне же переломили ребро* [28, т. 1, с. 115]; *пересчитать ребра* – *А он ...подвернись только, мы ему покажем, все кости пересчитаем!* [90, с. 317]; *Доброму добро, а худому пополам ребро* [28, т. 1, с. 103]; *Чужое добро ребром (или: боком) выпрет* [там же, т. 1, с. 162]; *Трудовая денежка плотно лежит, чужая ребром торчит* [там же, т. 2, с. 22]; *Неправедно (Неправдою) нажатое боком (ребром) выпрет* [там же, т. 2, с. 36]. Во фразеологизмах со значением «смелость, храбрость» исследуемая лексема передает сему «грудная клетка, грудь человека»: *Ходить козырем; ходить ребром* [там же, т. 1, с. 239].

В своем значении «линия пересечения двух плоскостей» *ребро* реализуется во фразеологизмах, обозначающих быструю трату денег (поставленная на ребро монета быстро катится): *Одна копейка – и та ребром* [там же, т. 1, с. 78]; *ставить ребром последнюю копейку* [90, с. 452] и в выражении *ребром ставить (вопрос)* «прямо, смело», т.е. принимать какое-л. решение быстро, определиться с порядком действий (поставленный на ребро предмет не может находиться в таком положении долго, он упадет на одну из своих сторон, плоскостей) – *Крайние направления именно тем и полезны, что рассекают предмет до корня, что ставят всякий вопрос ребром* [49, с. 369]. Отметим и фразеологизм *Седина в бороду, а бес в ребро*, где исследуемая лексема употребляется в значении «сердечная привязанность, любовь», а само выражение – в значении «новая любовь, новое увлечение человека старшего возраста» [28, т. 1, с. 263].

Славистика выработала единый подход к проблеме дальнейшей этимологизации праслав. **rebro*. Так, Р. Дерксен реконструирует праславянскую основу до и.-е. **(H)reb^h-róm* [108, р. 433]. П.Я. Черных, в свою очередь, также усматривает восхождение праславянской основы к и.-е. **rebh-* «покрывать сводом, крышей», «укрывать» [93, т. 2, с. 102]. Исследователь реконструирует

индоевропейский архетип, опираясь на выводы Ю. Покорного, который проводит семантическую параллель между тем, как ребра защищают, покрывают грудную полость и тем, как крыша покрывает и защищает дом [141, Bd. 1, S. 853]. Подобный метонимический перенос отмечает и А.Г. Преображенский, указывающий в качестве архетипа и.-е. **erebh-* «покрывать, делать свод» [64, т. 2, с. 191].

Первые письменные упоминания немецкой нем. *Rippe* относятся к 9 в: др.в.н. *ribbi*, *rippi*, ср.в.н. *rippe*, *rib(b)e*, *riebe*, др.сакс. *ribbi*, ср.н.н. *ribbe*, *rebbe*, ср.нидерл. *ribbe*, *rebbe*, нидерл. *rib(be)*, др.англ. *rib(b)*, англ. *rib*, швед. *rev* [113, Bd. 3, S. 1430]. В. Пфайфер и возглавляемый им АК рассматривают вышеперечисленные лексемы, как *j*-аффиксацию (по принадлежности к герм. **rebjā-*) и.-е. **rebh-*. Подобным образом реконструирует нем. *Rippe* и Ф. Клуге: нем. *Rippe* < герм. **rebjā-* < и.-е. **ereb^h-* [127, S. 769].

Полисемия нем. *Rippe* зафиксирована в лексикографических источниках. Помимо основного значения «ребро», лексема реализует и следующие значения: «нечто, по форме напоминающее ребро» (секция батареи, долька шоколада) – *kann ich mir eine Rippe Schokolade nehmen?* «можно мне дольку шоколада?»; бот. «жилка листа»; тех. «ребро жесткости»; архит. «нервюра» [112, S. 1468]. В качестве составного компонента нем. *Rippe* встречается в фитониме *Rippenfarn*, *der* «дербянка», растение рода папоротников [14, т. 2, с. 263].

В качестве компонента фразеологической единицы нем. *Rippe* предъявляет чаще всего семы «худоба», «голод»: *nichts auf den Rippen haben* «быть худым, тощим» [84, S. 665]; *bei jmdm. kann man alle Rippen zählen* «у кого-л. (от худобы) можно все ребра пересчитать» [30, с. 584]; *nichts zwischen den Rippen haben* «быть голодным, маковой росинки во рту не иметь» [там же]; *etwas zwischen die Rippen kriegen* «перекусить, перехватить что-л.» [там же]. Также немецкая фразеология реализует исследуемую лексему в следующих выражениях: *ich kann es mir doch nicht aus den Rippen schneiden* «откуда я тебе возьму? что, я тебе рожу что ли?» [119, S. 161]; *einen hinter die Rippen plätschern* «пропустить по маленькой

(выпить)» [30, с. 585]; *jmdm. eins in die Rippen geben* «толкнуть кого-л. в бок» [там же].

Таким образом, лексические параллели *Rippe* – *ребро* реализуются в языковой системе, как полные лексические соответствия. Проявляя полисемию, основанную чаще всего на физической форме ребра, исследуемые лексемы характеризуются схожестью коннотативного компонента и совпадением функционального макрокомпонента. Грамматический макрокомпонент у *Rippe* – *ребро* различен (ж.р. у немецкой лексемы, с.р. у русской). Исследуемые соматизмы проявляют высокую количественность в ракурсе фразеологии. Восхождение лексических параллелей к индоевропейскому субстрату не вызывает сомнений в среде языковедов.

Zunge, die, сущ., ж.р. «язык» – *язык* сущ., м.р.

К славянским параллелям нем. *Zunge* относятся: рус. *язык*, укр. *язик*, блр. *язык*, др.рус. *ѡзыкъ*, ст.слав. *ѡзыкъ*, болг. *езѣк*, сербохорв. *jèzik*, словен. *jèzik*, чеш., словац. *jazyk*, польск. *język*, в.луж. *jazyk*, н.луж. *jězyk*, полаб. *jōzek* [96, т. 4, с. 550].

П.Я. Черных указывает на полисемию *язык* в славянских языках, отмечая при этом присутствие дифференциации денотативных компонентов «система знаков – речевая деятельность» и «орган вкуса и речи», реализуемое употреблением различных лексем: в значениях «язык – речь» могут быть использованы – укр., блр. *мова*, чеш., словац. *řeč, mluva*, польск. *mowa*, в.луж. *rěč*; в значении «орган вкуса и речи» – полаб. *jōzek* [93, т. 2, с. 467].

Рассматривая лексическое значение рус. *язык* отметим присущую ему полисемию, зафиксированную в различных лексикографических источниках, основанную либо на физическом сходстве с языком (органом), либо на отсылке к речевому акту: «орган речи» – *Прильни ѡзыкъ мои грѣтани моему* (1280 г.) [76, т. 3, с. 1646]; «знаковая система / речь присущая определенному народу» – *Чюдѣ, Мерѣ, Вѣсь..., си суть свои ѡзыкъ имущее* [там же, с. 1647]; «речь» – *И раздрѣшиша жза ѡзыка юго и глаголаше чисто* [там же, с. 1646]; «пленник» – *Сторожеве прѣѣхаха, ихже послаша языка ловить* [73, т. 4, с. 481]; «народ,

племя» – *Востанеть бо языкъ на языкъ* (13 в.) [там же, с. 481]; «инородцы, язычники» – *Убо и языкомъ Богъ покаяніе даде въ животъ* [там же]; «оговорщик» – *Да будетъ языкъ на очной ставкѣ котораго челоуѣка опознаеть* [69, ч. 6, с. 1038]; «переводчик, проводник» – *Невъзможно бо безъ вожа ходити и безъ языка добръ испытати и видѣти всѣхъ тѣхъ святыхъ мѣсть* [76, т. 3, с. 1648]; «свидетельские показания» – *Не лѣзь речи: не вѣдѣ, оу кого юсмь коупилъ, нѣ по ѡязыкоу ити до конча* [там же, с. 1649]; «завещание» – *Безъ ѡзыка ли оумреть, то оу кого боудеть на дворе была и кто ю кѣрмилъ, то томоу взѣати* [там же]; «предмет, часть предмета, похожая на язык» – *Колоколь безъ языка* [73, т. 4, с. 481].

В славянском языковом поле *язык* встречается в фитонимах – *Язык Воловий* (*Anchusa officinalis*, воловик лекарственный) [73, т. 4, с. 481], *Язычок* (*Centaurea austriaca*, василек фригийский) [29, т. 4, с. 695; 6, с. 89]; ихтионимах – *Язычок* (*Solea nasuta*, полурыбица) [29, т. 4, с. 695]; антропонимах – *Языков Никифор Иванович*, Новгород (1495 г.) [17, с. 380].

Первые письменно зафиксированные упоминания славянских лексических параллелей, восходящих к праслав. **ęzykъ* (**język*) датируются 10 в. [93, т. 2, с. 467]. При этом славистика, хотя и выработала единый подход к рассмотрению **ęzykъ* как образования с суффиксальным расширением *-къ*, реконструировать единый индоевропейский субстрат не сумела. Так, Ю. Покорный усматривает восхождение др.церк.слав. *języ-kъ* к и.-е. **dn̥ǵhū* «язык (орган)» с афerezисом анлаута *d-* [141, Bd. 1, S. 223]. Подобную этимологизацию прослеживает и М. Фасмер: праслав. **język* < и.-е. **dn̥ǵhū* [88, т. 4, с. 551]. В. Пизани также указывает в качестве индоевропейского архетипа **dn̥ǵhūā* [60, с. 139]. Вторит выше обозначенным языковедам и Р. Дерксен, реконструируя праслав. **ęzŭkъ* < и.-е. **dn̥ǵh-uh₂-* [108, p. 159].

В. Махек предполагает возможность отнесения исследуемой лексемы к термину, обозначающему нечто узкое – **ǫzъkъ* «узкий» (узкие полосы кожи, бумаги и т.д.), основываясь на встречающихся в слове согласных [132, S. 219].

Э. Бернекер, в свою очередь, рассматривает праслав. **ęzykъ* как деривацию основы **-ǫ̃:-u(u)ā-* посредством форматива *-qo* [102, Bd. 1, S. 270]. Похожей точки зрения придерживается и А.Г. Преображенский, уточняя принадлежность первоначальной индоевропейской основы *-ǫ̃-* (а в славянских языках *-y/-ы-*) к м.р., на что указывает суффикс *-ko* [64, т. 3, с. 136]. О.Н. Трубачев и П.Я. Черных также отмечают возможность подобной реконструкции, попутно приводя и другие гипотезы реконструкции праслав. **ęzykъ* [97, вып. 6, с. 75; 93, т. 2, с. 467].

Так, М. Блумфилд дифференцирует звуковой комплекс **ǵhvā-*, не обладающий каким-л. лексическим значением, но общий для апеллятива «язык» в различных языковых системах [103, р. 428]. О.Н. Трубачев, развивая эту гипотезу, сравнивает и.-е. **ǵhvā-* с и.-е. **ǵheu* «звать, взывать» [97, вып. 6, с. 75]. Исследователь полагает, что таким образом **ǵheu/*ǵhū* может предъявлять семантическую трансформацию «звать, взывать» → «то, чем зовут», предоставляя широкое поле для дальнейшей этимологизации остальных форм [там же]. О.Н. Трубачев уточняет, что праслав. **ęzykъ*, вероятнее всего, представляет собой сложение основы и «предлога-приставки» **en-* «в»: **ęzykъ* < **en-ǵhū-* [там же].

П.Я. Черных предлагает рассмотреть возможность восхождения корня **jēz* к общеславянскому **v-ęz-a-ti*, где начальная *v-*, возможно, возникла под влиянием праслав. **vi-ti* «вить» [93, т. 2, с. 468]. Развивая свою гипотезу, исследователь опирается на выводы А. Мейе, полагавшего, что **ęzati* «вязать», которое должно было перейти в **jēzati*, трансформировалось, однако, под влиянием **^wqže* «узы, связь», **^wqžьkъ* «узкий» в **^węzati* [48, с. 68]. А. Мейе фиксирует и дальнейшие фонетические сдвиги приведенных основ: **^węzati* → (**^w* → *w* → *v*) → *вазати* [там же]. Отталкиваясь от этих выводов, П.Я. Черных усматривает возможность восхождения **jēzykъ* к **jēz* (до вытеснения его вариантом с начальной *v-*), проводя тем самым семантическую параллель *вязать* → *то, что связывает (объединяет людей в один народ)* [93, т. 2, с. 468].

Отметим, что исследователи отмечают переход в некоторых языках начального *d-* в *l-* (лат. *lingua*, лит. *liežùvis*), вызванный влиянием и.-е. **leighō*

«лизать» [102, Bd. 1, S. 270; 88, т. 4, с. 550], при этом к этой же индоевропейской основе относится и рус. *лизать*: *лизать* < **lizati* < *leiǵh* [97, вып. 15, с. 163]. Следы этой народной этимологии М. Фасмер находит и в русском языке: диал. Новгор. *лязык* [88, т. 4, с. 550]. О.Н. Трубачев делает, в свою очередь, акцент на отсутствии необходимости единой индоевропейской реконструкции апеллятивов обозначающих «язык», ссылаясь на присутствие в этих лексемах основ, либо обозначающих действие «лизать», либо трансформированных табуированием [97, вып. 6, с. 75]. О влиянии табуирования говорят также и М. Фасмер [88, т. 4, с. 551], В. Пизани [60, с. 139], В. Махек [132, S. 219].

В русской фразеологии *язык* реализует чаще всего значения, входящие в семантическую дихотомию «говорить – молчать», с различной, а иногда и прямо противоположной коннотацией: *Язык без костей* – о болтливом человеке [90, с. 540]; *Язык до пола* – о человеке, который любит поговорить [50, с. 769]; *Язык прилип к гортани* – о человеке, который замолчал от смущения, удивления [89, с. 769]; *Проглотить язык* – замолчать, перестать говорить [90, с. 361]; *Язык до Киева доведет* – до чего-л. хорошего, или плохого [49, с. 521].

Также славянское фразеологическое поле содержит фразеологические единицы, оформленные посредством метафорического переноса, основанного на сходстве с действием / положением языка, как органа, и не реализующие семы «говорить» или «молчать»: *Язык на плече* – кто-л. очень устал [90, с. 540]; *Как корова языком слизала* – кто-л. (что-л.) быстро исчез [там же, с. 208].

Первые письменно зафиксированные упоминания нем. *Zunge* датируются 8 в. и восходят к герм. **tungōn*: др.в.н. *zunga* «язык» (речь, система знаков, орган), ср.в.н. *zunge* также «народ, земля, родина», др.сакс. *tunga*, ср.н.н. *tunge*, *tonge*, ср.нидерл. *tonghe*, *tunghe*, нидерл. *tong*, др.англ. *tunge*, англ. *tongue*, др.сканд., швед. *tunga*, гот. *tuggō* [113, Bd. 3, S. 2047–2048].

Касаясь проблемы дальнейшей этимологизации герм. **tungōn*, отметим характерное для современной германистики отсутствие единой точки зрения в этом вопросе. Так, Ф. Клуге, указывая на присутствие схожих лексем практически во всех индоевропейских языках, причиной данного явления объявляет сложность

реконструкции праформы и возможное влияние апеллятивов со значением «лакать» [127, S. 1017]. В качестве возможного пути дальнейшей реконструкции герм. **tungōn* исследователь рассматривает герм. **tungōn* < и.-е. **ṇdʰ-gʰau-* «лежащее под нёбом, прикрытое нёбом» [там же].

В. Пфайфер, с возглавляемым им АК, также говорит о влиянии лат. *lingere* «лакать», а индоевропейскую праформу **dṇǵhuā* указывает как возможную [113, Bd. 3, S. 2048]. Сложность реконструкции исследователь связывает со звуковыми переходами, вызванными, в том числе, и присутствием табуирования [там же].

В современных лексикографических источниках нем. *Zunge* присутствует в качестве полисемичной единицы, реализующей помимо значения «орган речи и вкуса» значения: «язык» (как характеристика присущих человеку свойств) *eine schwere Zunge haben* «быть косноязычным» [54, с. 993]; «язык, речь» (поэтич.) *so weit die deutsche Zunge klingt* [112, S. 2092]; «язычок, лапка» (нечто по форме напоминающее язык – в музыкальных инструментах, технике и т.д.) [54, с. 993].

В немецком языке исследуемая лексическая единица реализуется также как компонент ихтионима – *Seezunge, die* «камбала морская» [112, S. 2092]; компонент фитонима – *Zungenblatt* «филлоглоссум» (*Phylloglossum*) [53, с. 824]; *Zungenhahnenfuß* «лютик языколистный» (*Ranunculus lingua*) [там же]; *Zungen-Keule* «рогатик язычковый» (*Clavaria ligula*) [там же]; компонент зоонима – *Zungenlose* «безъязычные лягушки» (*Aglossa*) [там же]; *Zungenwürmer* – «пентастомиды, пятиустки» (*Pentastomida*) [там же, с. 825].

В немецкой фразеологии лексема *Zunge* реализует чаще всего значения, входящие в семантическое поле «говорить»: *eine lose Zunge haben* «быть болтливым, быть невоздержанным на язык» [11, с. 758]; *seine Zunge wetzen* «болтать, чесать язык» [там же]. Широко распространено значение фразеологических единиц с компонентом *Zunge*, опирающихся на физическое положение языка, как органа, при выполнении каких-либо действий / описании какого-либо состояния: *jmdm. klebt die Zunge im Gaumen* (букв. «у кого-л. язык прилип к нёбу») «у кого-л. язык к горлу прилип от жажды» [30, с. 763]; *mit*

heraushängender Zunge (букв. «с вываленным языком») «высунув язык, запыхавшись» [там же].

Таким образом, лексические параллели *Zunge – язык* проявляют себя как полисемические единицы, при этом семантический охват рус. *язык*, хотя и за счет устаревших значений «народ», «пленник», «свидетельские показания», шире. В ракурсе фразеологии, исследуемые лексические единицы демонстрируют схожесть денотативного и коннотативного компонентов. Грамматический макрокомпонент в части родовой принадлежности у лексических параллелей *Zunge – язык* различен (ж.р. у немецкой лексемы, м.р. у русской). Исследуемые соматизмы проявляют высокую фразеологическую квантитативность. Этимологизация лексических параллелей до уровня индоевропейского субстрата вызывает трудности, как в славянском, так и в германском языковом поле.

§ 2.1.3 Лексико-семантическая группа «Волосной покров человека»

Bart, der, сущ., м.р. «борода» – *борода*, сущ., ж.р.

К славянским лексическим параллелям нем. *Bart*, восходящим к праслав. **borda-* относятся ст.слав. *брада* «борода», болг. *брада* «подбородок», «борода», макед. *брада* ««борода», подбородок», сербохорв. *брада* «борода», «подбородок», словен. *брада* «борода», «подбородок (без волос, без бороды)», чеш. *brada* «подбородок», «борода, растительность на подбородке», словац. *brada* «подбородок», «борода», в.луж. *broda* «борода», «подбородок», н.луж. *broda* «борода, усы», «подбородок, усы», полаб. *bröda* «подбородок, горло», польск. *broda* «борода», «подбородок» [97, вып. 2, с. 197].

Первые упоминания *борода* в славянском лексическом поле датируются П.Я. Черных 11 в. в значении «борода», «подбородок» [93, т. 1, с. 104]. Семантические вариации значений, реализуемые исследуемой лексемой дифференцируются в СлДРЯ XI–XIV вв. следующим образом: «нижняя часть лица, подбородок»: *безъмл(с)твъ сыи мучитель. другимъ чл(в)комъ головы*

портъываѧ и бородаы. иным же вѣи выжигаѧ. и ѧзыкѣ оурѣзаѧ (1377 г.) [70, т. 1., с. 297]; «борода»: *Борись... весель льцьм <б>орода мала. и оусь. младъ бо бѣ юще* (12 в.) [там же].

К лексическому гнезду *борода* А.Г. Преображенский относит лексему *бородавка* [64, т. 1, с. 37]. М. Фасмер также усматривают родство *борода* и *бородавка* [88, т. 1, с. 171], а Э. Бернекер объясняет это дальнейшее родство тем, что из бородавок могут расти волосы [102, Bd. 1, S. 72].

И.И. Срезневский фиксирует еще одно значение лексемы рус. *борода* – «знак ∇ в бортном знамении» [76, т. 1, с. 153]. Подобное встречаем и в СлРЯ XI–XVII вв.: *борода* – «условный знак, клеймо владельца в бортных угодьях» *Да въ томъ же ухожью судеревь села Сасыкина знамя Онисимова борода, да наверху рубежъ, да подъ исподомъ рубежъ же, да знамя Онисимова жъ борода, да на верху 2 рубежа, да знамя крестъ* [72, т. 1, с. 295]. Знамя, как знак собственности, наносилось острым предметом на ствол дерева, демонстрируя принадлежность борти бортнику. Издревле племена и родовые союзы имели свои особые знаки, выполнявшие роль некой печати, которой помечались границы земельных угодий, лесных участков, находившихся в пользовании. В качестве знамени использовались схематические изображения предметов быта (грабли, топор, лестница), животных (олень рыба, конь), военного снаряжения (лук, стрелы, тетива), частей тела человека (голова, борода, ладони) [76, т. 1, с. 4–43].

В русских лексикографических источниках зафиксировано значение *борода* «пучок волос, перьев или мясистые отростки под лицевой частью головы (животного, птицы)»: *козлиная борода, борода петуха / индюка* [59, с. 56; 73, т. 1, с. 76].

Исследуемая лексема и ее дериваты широко представлены в качестве фитонимов, зоонимов и их компонентов: *Адамова борода* (спаржа обыкновенная, *Asparagus officinalis* L.) [6, с. 52]; *Аронова борода* (бузульник, желтый зверобой, *Ligularia sibirica*) [там же, с. 192]; Астрах. *Бородавка* (усатая синица, *Parus biarmicus* (L.)) [71, вып. 3, с. 110]; *Бородатый колли* (порода собак) [40, с. 53]; *Бородач* (ягнятник) [9, с. 43].

Как компонент антропонима *борода* характеризуется достаточно высокой количественностью в русском языке: *Данило Давидович Борода Бибилов* (15 в.) [17, с. 46], *Яков Борисович Бородин* (16 в.) [там же], *Иван Васильевич Бородавица Мещерский* (1550 г.) [там же], *Федор Федорович Бородавка Мещерский* (1550 г.) [там же], *Семен Бородатый* (15 в.) [там же, с. 46–47].

Борода, как мужской атрибут, являлась также и показателем возраста, зрелости мужчины. Так, в СлРЯ XI–XVII вв. отмечены субстантивированные значения прил. *бородатый*: «мужчина» – *И какъ то Власта услышала, разгнѣваясь зълною яростию, та жъ <е> на себѣ нача власы торгати и крича и вопя аки бѣшеная: бийте, бийте, и жива не пустите ни единого бородатого* [72, т. 1, с. 295], «пожилой мужчина, старик» – *Бѣ суди виноватова хто обидит бородатова* [там же].

В ракурсе диалектологии рус. *борода* предъявляет широкий спектр значений: Арх., Волог., Яросл. «широкая, заостренная часть топора» – [*Разбойник Суворов*] *был заговоренный... . Рассказал Суворов куму, что его можно взять через лѣзо долота и бороду топора* [7, вып. 3, с. 108]; Пинеж., Арх. «нижняя часть кудели, откуда при прядении вытягивается нить» – *Еще велика борода у прялки / мала уж борода у прялки* [там же, с. 108–109]; Воронеж. «бисерное южновеликорусское украшение (на шею)» [там же, с. 109]; Волог., Вят., Нижегород. «крестьянский обряд после жатвы» – *«Когда кончают жать овес, то последнюю горсть...обыкновенно не дожинают. Хозяйка... завивает и наклоняет (надламливает соломины) на восток, говоря: “Вот тебе, Илья, борода, а ты пой и корми моего доброго коня”»* [там же]; Карпог., Арх. «праздник, устраиваемый тестем для зятя в первый год после женитьбы» [там же, с. 110]; Арх. «борода чего-л.» (очень мало) – *Если у крестьянина выйдет весь хлеб или харч, то он обыкновенно говорит: “У меня сегодня борода хлебу или такому-то харчу”»* [там же]. Как видно, значения опираются либо на физическую форму бороды, либо на временной промежуток, олицетворяющий период, требуемый для ее роста.

Дальнейшая этимологизация праслав. **borda-* приводит большинство славистов к и.-е. **bhardhā* «борода», представляющее собой суффиксальное

образование основы **bhar* / **bher* «резать, быть острым» и суффикса *-dhā* [96, т. 1, вып. 2, 171–172]. Этой точки зрения придерживаются Ю. Покорный [141, Bd. 1, S. 110], А.Г. Преображенский [64, т. 1, с. 37], П.Я. Черных [96, т. 1, с. 104], Н.М. Шанский [96, т. 1, вып. 2, 171–172], Р. Дерксен [108, р. 55].

Э. Бернекер отвергает такую этимологизацию, обосновывая свое суждение несоответствием лат. *ar* (*barba*) и.-е. *ǵ* [102, Bd. 1, S. 73]. Исследователь также считает маловероятным заимствование из немецкого языка [там же], в чем с ним соглашается и М. Фасмер [88, т. 1, с. 196]. В свою очередь, А.Г. Преображенский указывает на невозможность заимствования из индоевропейского языка, по причине отсутствия следов праслав. **borda-* в индоиранских языках, в греческом, в армянском [64, т. 1, с. 37]. А. Мейе в своих выводах идет еще дальше, полагая невозможным в принципе возведение рус. *борода* к какому-либо определенному источнику [48, с. 278]. О.Н. Трубачев, указывая на присутствие соответствий праслав. **borda-* с основами на *-ā* в ряде других индоевропейских языков, определяет исследуемую праславянскую основу как «архаичное образование, не анализируемое на славянской почве» [97, вып. 2, с. 198].

Реализация *борода* в русском фразеологическом поле характеризуется высокой количественностью, предъявляя чаще всего семы «возраст», «мужчина», «достаток», «благопристойность»: *Борода росла, да разума не принесла* – о человеке, не поумневшем до старости [50, с. 55]; *По бороде хоть в рай, а по делам – ай-ай* – о благопристойно выглядящем, но непорядочно, скверно поступающем человеке [там же]; *анекдот / история с бородой* – о старом, давно известном, банальном анекдоте / истории [89, с. 36]; *Борода кажет мужа, а жену – мужа* [28, т. 1, с. 308]; *У богатого мужика борода помелом, у бедного клином (богатый говорит: такой-то мне должен, – и расправит бороду в одну сторону; – и такой-то, – расправит в другую; бедный: и я ему должен, – да всю бороду и сгребет в горсть)* [там же, с. 65].

Германское языковое поле датирует первые, письменно зафиксированные упоминания лексемы *Bart* 8 в.: др.в.н, ср.в.н. *bart*, ср.н.н. *bārt*, ср.нидерл. *baert*, нидерл. *baard*, др.англ., англ. *baerd* [113, Bd. 1, S. 129]. Реконструкция германской

основы приводит Ф. Клуге и В. Пфайфера с его АК к **barda-* / **barða-*, а затем и к и.-е. **bhardhā*, восходящее, в свою очередь к и.-е. **bhar-*, **bhor-* «острие, щетина» [127, S. 93; 113, Bd. 1, S. 129].

В свою очередь, Ю. Покорный отвергает **bhardhā* < **bhar-*, **bhor-* [141, Bd. 1, S. 108, 110]. Исследователь усматривает **bhar-*, **bhor-* > праслав. **bъrъ* «вид проса» [141, Bd. 1, S. 108]. Этой точки зрения придерживается и О.Н. Трубачев [97, вып. 3, с. 134–135].

Интересна гипотеза Г. Кроонена: нем. *Bart* < герм. **barzda-* «край, грань, борода», где герм. **barzda-* тесно связано с герм. **brezda-*, **brazda-*, **burzda-* «острие, край, доска», делая вероятным семантическую трансформацию «острие, колючка» > «борода» [129, р. 54]. Исследователь утвердительно отвечает на вопрос о германском заимствовании в славянское лексическое поле, подтверждая свою гипотезу тем, что аблаутное гнездо **barzda-* должно быть таким же после нулевой ступени **burzda-*, **brazda-* [там же]. По мнению лингвиста – это ожидаемый результат полной ступени аблаута **b^hrosd^h-o*, лежащего в основе лат. *barba* «борода», которое, в свою очередь, может также представлять собой германское заимствование [там же].

Как компонент орнитонимов, ихтионимов, инсектонимов, зоонимов нем. *Bart* характеризуется высокой количественностью: нем. *Bartsegler, die* «усатый древесный стриж» [4, с. 151]; *Bartrebhuhn, das* «бородатая куропатка» [там же, с. 63]; *Bartagame, die* «бородатая агама» (ящерица) [2, с. 151]; *Bartrobbe, die* «морской заяц» (рыба) [67, с. 151]; *Bartmücken* «мокрецы» (насекомые) [77, с. 309]; *Bartschwein, das* «бородатая свинья» [75, с. 124]

В ракурсе современной фразеологии нем. *Bart* характеризуется достаточно широким охватом лексического поля. Коннотативный фон фразеологических единиц с компонентом *Bart* различен: *Laß dir keinen (grauen) Bart darum wachsen* «не ломай себе голову: все обойдется» (досл. *не отрицывай себе из-за этого бороду*) – выражение основано на древней традиции в знак траура не сбривать бороду [145, Bd. 1, S. 101]; *ein Witz mit Bart* «всем давно известная острота, анекдот» (ср. рус. *анекдот с бородой*) [30, с. 101]; *einem (mit der Hand) um den*

Bart gehen «обхаживать, умасливать кого-л.» (досл. *гладить* кого-л. по подбородку) – в основе фразеологизма, по мнению Л. Рёриха, лежит обычай, описанный еще в «Илиаде» Гомера, когда Фетида таким своим действием, жестом просит Зевса помочь ее сыну Ахиллесу [145, Bd. 1, S. 100]; *um des Kaisers Bart streiten* «спорить о пустяках» (досл. *спорить о бороде императора*) – в основе фразеологизма лежит народная этимология, переосмысление выражения «ссориться из-за козлиной бороды» [там же, S. 102]. Л. Рёрих указывает на высмеивание Горацием праздного вопроса, о том, может ли козья шерсть (как у овец) называться шерстью. Исследователь усматривает далее трансформацию *Ziegenwolle* (козья шерсть) → *Geißenbart* (козья борода) → *Kaisers Bart* (борода императора) [там же].

Таким образом, лексические параллели *Bart* – *борода* представляют собой полные лексические соответствия с совпадением грамматического макрокомпонента (за исключением родовой принадлежности) и функционального. Реконструкция общего индоевропейского корня, как для славянских, так и для германских лексем демонстрирует существующее различие в подходах языковедов к этой проблеме. Не внесена ясность и в вопрос о возможном германском заимствовании в славянские языки. Исследуемые лексические параллели проявляют высокую фразеологическую квантитативность, причем в русском языковом поле наиболее часто реализуется сема «мужчина», чего нельзя сказать о немецком языке.

Haar, das, сущ., с.р. «волос», собир. «волосы» – *шерсть*, сущ., ж.р.

К славянским лексическим параллелям нем. *Haar*, восходящим к праслав. **srstь* относятся: укр. *шерсть*, серб.церк.слав. *сръсть*, словен. *sr̂st* «шерсть животного, щетина», чеш. *srst'* «шерсть на животном», словац. *srst'*, польск. *sierść* [88, т. 4, с. 431]. П.Я. Черных датирует первые письменные упоминания исследуемой лексики 13 в. – др.рус. *сърсть* «шерсть», «шерстяная ткань» [93, т. 2, с. 410].

И.И. Срезневский отмечает значения «шкура пушного зверя, мех» (14 в.), «волос животного» (16 в.) [76, т. 3, с. 1603–1604]. Современные

лексикографические источники предлагают лексические значения рус. *шерсть*, содержащие в себе либо в качестве ядерной, либо в качестве периферийной сему «волосяной покров животного»: «волосяной покров животного, мех» [59, с. 895], «пряжа из таких волос» [там же], «ткань из такой пряжи» [там же], «масть животных» [80, т. 4, с. 895].

Как компонент антропонима, рус. *шерсть* реализуется в фамилиях: *Шерстобитов*, *Шерстобоев* (указание на исчезнувшую к сегодняшнему дню профессию – взбивание шерсти особым смычком перед прядением или валянием), *Шерстяных* [57, с. 166–167]. Также встречаем исследуемую лексему в качестве атрибутивного компонента инсектонимов – *шерстоголовая моль* [77, с. 191], *шерстолапка* [там же, с. 246]; компонента зоонима – *шерстокрыл* (кагуан, летающий лемур) [75, с. 44]; компонента фитонима – *шерстняк* [65, с. 156].

В ракурсе фразеологии рус. *шерсть* обнаруживает высокую количественность с различными коннотативными оттенками. Как компонент фразеологического выражения, *шерсть* реализует различные семы: «достаток, прибыль, доход» – *С лихой собаки хоть шерсти клок* [29, т. 4, с. 649], жарг. *сдирать шерсть с кого-л.* «грабить кого-л.» [50, с. 749], *От стриженного барана шерстью не удивишься* [29, т. 4, с. 649], *Тело в шерсти – в добре жить* [там же]; «помощь» / «вред»: *Мать гладит по шерсти, мачеха супротив* [там же].

Рассматривая звуковой состав исследуемой лексики в ракурсе диахронии, П.Я. Черных указывает на наличие *s-* в анлауте в словенском и западнославянских языках, уточняя при этом, что начальное *š-* в некоторых славянских языках может быть либо следствием межслоговой диссимиляции, либо результатом влияния лексем, подобных общеславянской **ščetina* или рус. *шкура*, либо результатом того и другого одновременно [93, т. 2, с. 410].

Дальнейшая этимология слав. *srstь* приводит Ю. Покорного к и.-е. **ker(s)-* «щетина, жесткие волосы; быть жестким, грубым и шершавым» [141, Bd. 1, S. 583], в чем с ним согласен и П.Я. Черных [93, т. 2, с. 410]. Ю. Покорный указывает на родство рус. *шерсть* и рус. *шорох* [там же]. Связь между рус.

шерсть, рус. *шорох*, рус. *шершавый* усматривает также и языковед М. Фасмер [88, т. 4, с. 431].

Возможность реконструкции и.-е. **k̑er(s)* В. Пфайфер и возглавляемый им АК усматривают в отношении герм. **hēra-* «волос», к которому, в свою очередь восходят: др.в.н., ср.в.н., др.сакс., ср.н.н. *hār*, ср.нидерл. *haer*, нидерл. *haar*, др.англ. *hæ̆r*, *hēr*, англ. *hair*, др.сканд. *hār*, швед. *hår* [113, Bd. 2, S. 623]. Исследователи, однако, уточняют, что доподлинно происхождение нем. *Haar* неизвестно [там же].

Ф. Клуге, датируя первые упоминания исследуемой лексемы 8 в., полагает первоначальное существование собирательной *s-* основы с протяженной ступенью, о чем говорит и Ю. Покорный [141, Bd. 1, S. 583], соглашаясь с В. Пфайфером и его АК в части отсутствия ясности в дальнейшей этимологии лексемы [127, S. 382].

Г. Кроонен возводит нем. *Haar* к и.-е. **k̑ēs-ró* «расчесывать», указывая на родство немецкой лексемы с др.церк.слав. *česati* «чесать» [129, р. 220]. Исследователь полагает, что возможна следующая этимологизация: герм. **hēra-* < герм. **hezra-* < и.-е. **k̑ēs-ro*, с потерей **z* и компенсаторным удлинением предшествующего гласного [там же]. Первоначальную форму **k̑ēs-ro* с удлинненной ступенью аблаута Г. Кроонен также считает возможной [там же].

В немецкой лексикографии *Haar* реализует сему «волос, нечто в форме волоса» и зафиксировано в значениях: «волосяной покров у человека и животных» [112, S. 774], «волосы на голове человека» [там же], «волосовидная структура на стеблях и листьях растений» [там же].

Высокую квантитативность показывает исследуемая лексема и как компонент зоонимов – *Haarnasenwombat, der* «долгошерстный вомбат» [75, с. 25], *Haarschwanzmaulwurf, der*, «волосатохвостый крот» [там же, с. 43]; компонент инсектонимов – *Haarflügler* «перокрылки» [77, с. 112], *Haarfuß-Wurzelfliege, die*, «муха люпиновая» [там же, с. 352]; компонент орнитонимов – *Haarspecht, der*, «волосатый дятел» [9, с. 197], *Haarschopftangare, die*, «пышнохохлая танагра» [там же, с. 418]; компонент ихтионимов – *Haarschwanz*,

der, «обыкновенный волосохвост» [67, с. 361], *Haarbutt, der*, «пятнистый топкнот» [там же, с. 401]; компонент фитонимов – *Haarbirke, die*, «береза пушистая» [6, с. 65], *Haarbeere, die*, «шпанская земляника» [там же, с. 146].

Во фразеологическом поле нем. *Haar* зачастую обозначает некую меру точности, реализуя сему «тонкий / мелкий / незначительный» с отсылкой к толщине волоса: *auf ein Haar* «точь-в-точь; как две капли воды» [30, с. 277]; *um (auf) ein Haar* «чуть не; едва не; чуть-чуть» [там же]; *etw. aufs Haargenauwissen* «знать что-л. с абсолютной точностью» [там же]; *es hängt an einem Haar* «(что-л.) висит на волоске» [145, Bd. 1, S. 355].

Еще одним частым денотатом лексемы *Haar* в немецких фразеологических единицах являются волосы человека и действия на них направленные: *die Haare stehen einem zu Berge* «у кого-л. волосы встали дыбом» – выражение отражает физическое ощущение, дрожь, возникающие при сильном страхе, ужасе [там же]; *sich die Haare raufen* «рвать на себе волосы» (от гнева, ярости, отчаяния) [146, S. 295]; *an den Haaren herbeiziehen* «притянуть за волосы» (привести аргументы, не имеющие отношение к делу) – значение фразеологизма представляет собой метонимический перенос с совершаемого действия, когда один человек с силой тянет другого за волосы, волочет куда-то, несмотря на все сопротивление [145, Bd. 1, S. 356–357]; *sich / einander in die Haare geraten / fahren* «вцепиться друг другу волосы; затеять драку» [11, с. 267]; *Haare auf den Zähnen haben* «кто-л. бойкий на язык; кому-л. палец в рот не клади», досл. «иметь волосы на зубах» – выражение восходит, вероятно, к значению волос на теле, как показателю некой маскулинности, причем высшим проявлением такой брутальности были бы волосы, растущие даже на зубах [145, Bd. 1, S. 358].

Таким образом, исследуемые лексические параллели *Haar* – *шерсть* демонстрируют схожий функциональный макрокомпонент структурно-языкового значения, при различии, в части родовой принадлежности, макрокомпонента грамматического. Исследователи не смогли выработать общей этимологии для германской и праславянской основ, оставив вопрос дальнейшей реконструкции индоевропейского архетипа открытым. Лексические значения исследуемых

единиц обнаруживают в своем составе интегральную сему «волосяной покров» и дифференциальные семы «человек», «животное». В ракурсе фразеологии *Naar – шерсть* характеризуются высокой квантитативностью.

§ 2.2 Лексико-семантическое поле

«Общественная и трудовая деятельность человека»

§ 2.2.1 Лексико-семантическая группа «Сословия»

Человек, отделившись от мира природы, не остался существовать в вакууме. Он создал свой собственный мир, со своими законами и правилами, со своими организационными и функциональными особенностями – общество. Подобно живому организму, человеческое общество претерпевает различные трансформации, приобретая на каждом новом историческом отрезке определенные социально-культурные характеристики. Средневековье выделяется четкой сословной организацией социума, где права и обязанности каждого сословия закреплены законом и носят наследственный характер.

Adel, der, сущ., м.р. «дворянство, аристократия» – *отец*, сущ., м.р.

К славянским лексическим параллелям нем. *der Adel* относятся: укр. *отéць*, блр. *оцéц*, болг. *отéц*, сербохорв. *òтац*, словен. *óсё*, чеш., словац. *otec*, польск. *ojciec*, в.луж. *wótc*, н.луж. *wóśc* [88, т. 3, с. 170].

В ракурсе германо-славянских лексических параллелей интересен пример лексемы *вотчина*. Так, О.Н. Трубачев причиной появления согласного -v- предполагает удлинение краткого -o- в слав. *отьсь* [82, с. 28]. М.Г. Долобко также считает такое развитие возможным, указывая на вероятно изначально существовавшее долгое -o-, приводя в качестве примера наличие слова *воотчина* в Лаврентьевской Летописи [111, с. 90]. Говоря о производных словах, сравним

семантику нов.в.н. *Odal, das* – сущ. с.р. «одадь» (семейная собственность на землю) [113, Bd. 1, S. 15] и *вотчина* (на Руси до 18 в. – родовое наследственное земельное владение) [59, с. 100]. В этом примере очевидно присутствие интерсемы «земля, находящаяся в собственности семьи» в лексических единицах немецкого и русского языков.

Adel, der – сущ., м.р. «дворянство, аристократия». Первые письменно зафиксированные упоминания лексемы относятся к 8 в.: др.в.н. *adal* (ср.р.), ср.в.н. *adel* (ср.р., м.р.) «благородный род», ср.н.н. *ādel* (м.р., ср.р.), ср.нидерл., нидерл. *adel*, др.сканд. *aðal* (ср.р.) «род, дар, двор, родовое имение, собственность», также (в качестве определителя в сложном слове) др.сакс. *aðal-*, др.англ. *æþel-*, гот. *apala-* [113, Bd. 1, S. 15]. Германское языковое поле располагает также древнесаксонским антропонимом (мужским именем) *Athalaricus*, где первый элемент – рассматриваемая нами лексема [127, S. 15]. Интересным является и мнение А.В. Суперанской, указывающей на имя *Адольф* (нем. *Adolf*, англ. *Adolph*), как на антропоним, восходящий к др.герм. *adal* «благородный» и *wolf* «волк» [78, с. 25].

Дальнейшая этимологизация слова приводит исследователей к производному прилагательному *edel* «благородный, знатный», а через него уже к основе, с нисхождением по аблауту, герм. **ōþala*. В данной основе очевидна производная от Вриддхи, т.е. форма, несущая в себе удлинение гласной до самого сильного уровня аблаута, до стадии Вриддхи, с семантическим наполнением принадлежности: **ōþala* – «наследственное имущество в семье (клане)» [там же, S. 16]. Отсюда в нов.в.н. *Odal, das* – сущ. с.р. «одадь» (семейная собственность на землю) [113, Bd. 1, S. 15], встречающееся в составе антропонима *Ulrich* [127, S. 16].

Современная этимология не дает четкого определения происхождения лексемы *der Adel*, поэтому в своей работе мы считаем необходимым привести примеры нескольких гипотез, некоторые из которых указывают на германо-славянский след в этом вопросе. Так, О. Семереньи сводит герм. **apala* «высокое происхождение» к и.-е. **atalo* «потомство», которое, в свою очередь, полагается

языковедом суммой и.-е. предлога **at(i)* «за пределами чего-либо» и и.-е. корня **al-* «расти, лелеять» [153].

М.М. Маковский соотносит *der Adel* с и.-е. **adher-* «резать», «гнуть» [45, с. 16]. Исследователь проводит семантическую параллель между «гнуть, связывать» и «люди, связанные кровными узами, клан, род» [там же]. По мнению М.М. Маковского, существует возможность семантического перехода «резать» в «хороший, благородный, богатый» (и.-е. **adher-* «резать», «гнуть» > др.англ. *éad* «богатство»): «отделять, разделять» > «род, отделенный от других родов, особый, лучший», «часть рода, выделяющаяся храбростью, силой, богатством» [там же].

Ю. Покорный отмечает связь между *der Adel* и др.в.н. *atto* «отец, предок», гот. *atta* «отец» (как ласковое обращение к отцу в детском языке), др.церк.слав. *отьсь*, рус. *otéc* (отец), указывая на наличие схожей основы **ǣto-s* в герм. **ōþala*, **ōþela*, которая производит впечатление основного элемента в др.в.н. *adal* «род», нов.в.н. *Adel* «дворянство, аристократия», в имеющем расширение по аблауту др.в.н. *uodal* «(отцовское) родовое имение» [141, Bd, 1, S. 71]. Отталкиваясь именно от этой гипотезы, нами были выше приведены примеры славянских лексических параллелей нем. *der Adel*.

Отметим, что от и.-е. **ǣtta* происходит слав. *отьсь* – наиболее часто встречающееся обозначение отца в славянских языках. О.Н. Трубачев выделяет промежуточное звено этой этимологизации – **ǣttikos*, обладающее функцией принадлежности, о чем может свидетельствовать суффикс *-iko-s*, имевший притяжательное значение до балто-славянской эпохи. Исследователь выстраивает следующую последовательность: *отьсь* < **ǣttikos* < **ǣtta* [82, с. 23, 26].

Таким образом, рассматривая возможные германо-славянские лексические параллели *der Adel* – *отец* в функционально-языковом и семантическом аспектах, можно отметить общий фонетический вектор (удлинение гласной до стадии Вриддхи в германском языковом фоне и удлинение *-o-*, с последующим появлением *-v-* в производных формах в славянском языковом фоне), общую функцию притяжательности, принадлежности в этимологизируемых основах или

производных формах исследуемых лексем, а также наличие интерсемы в производных словах.

Baron, der, сущ., м.р. «барон» – *бороть*, гл.

К славянским параллелям немецкой лексемы *der Baron* относятся: ст.слав. *брати (ся)* «бороться, воевать», болг. *бóря* «мучить, одолевать», серб.церк.слав. *brati* «бороться, воевать», польск. диал. *broć się, bruć się* «бороться, состязаться», др.рус. *бороти* «воевать», рус. *бороть* «осиливать в борьбе», укр. *борóти* «бороть, одолевать», блр. *барóць* «бодать», *барóцца* «бороться, бодаться» [97, вып. 2, с. 213–214].

Славянские лексемы, по мнению П.Я. Черных, восходят к общеславянскому **borti sę* [93, т. 1, с. 104]. О.Н. Трубачев также выделяет в отдельную группу глаголы, оканчивающиеся на *-iti* и восходящие к **boriti (sę)* (глаголу, предположительно относящемуся к дославянской древности), представляющие собой, по мнению исследователя, тематизацию **borti*: болг. *бóря* «беспокоить, тревожить», болг. *бóря се* «бороться», «сопротивляться», макед. *бори се* «бороться», сербохорв. *бòрити се* «бороться», словен. *boríti se* «бороться», чеш. *bořiti* «разрушать, уничтожать», словац. *borit'* «разрушать» [97, вып. 2, с. 204].

Достаточно широкую реализацию исследуемая лексема получила в славянской антропонимике. Так, О.Н. Трубачев и А.Е. Аникин указывают на **bori-* (императив от **boriti-*), как на компонент имен собственных **Borislavъ*, **Borignevъ* [97, вып. 2, с. 202–203; 5, вып., 4, с. 93].

В ракурсе русской паремиологии *бороть* и производные антропонимы и топонимы демонстрируют достаточную количественность при различном коннотационном фоне: *Писано переписано, село Борисово (говорит о письме незнающий грамоте)* [28, т. 1, с. 366]; *Сидор да Борис за носы подрались* [там же, с. 275]; *С богатым не тягайся (или: не тянись), с сильным не борись!* [там же, с. 80]; *Медведя побороть (т. е. одолеть большое затруднение; также выпить большую кружку вина)*. [там же, т. 2, с. 141]; *Я не драться, не бороться: мне бы посытее напороться* [там же, т. 2, с. 284].

В. Пфайфер и его АК усматривают восхождение др.слав. **borti* «бороться, воевать» к индоевропейской основе **bher-* «обрабатывать острым или заостренным инструментом» [113, Bd 1, S. 128]. М. Фасмер, определяя этимологию лексемы *барон*, также предполагает сходную семантику: др.в.н. *baro* «воинственный человек» [88, т. 1, с. 128].

К этой же индоевропейской основе **bher-* принадлежит и нем. *Baron* – сущ., м.р. «барон». Слово пришло в немецкий язык из французского, как обозначение дворянского титула в 16–17 вв. – ст.фр. *baron* «вассал», «супруг», восходящее к ср.лат. *baro* «мужчина, феодал», позд.лат. «мужчина, наемный солдат» [113, Bd 1, S. 128]. В. Пфайфер с руководимый им АК видят связь немецкой лексемы с др.сканд. *berja* «бить, убивать» и, через последнюю, определяют глубину этимологизируемого корня до индоевропейского субстрата **bher-* «обрабатывать острым или заостренным инструментом» [там же].

Таким образом, на современном этапе развития языкознания не существует единой точки зрения на проблему существования славянских лексических параллелей немецкого *der Baron* «барон». Принимая в расчет точку зрения В. Пфайфера и его АК, нами были рассмотрены *Baron* – *бороть*. Возможные лексические параллели обладают общим индоевропейским архетипом **bher-* «обрабатывать острым или заостренным инструментом». В ракурсе структурно-языкового значения очевидна их различная частеречная принадлежность (сущ. – гл.) и, как следствие, различие в денотативном компоненте. Однако, углубляясь в этимологию лексем, можно обнаружить и некоторое сближение в семантическом аспекте: др.в.н. *baro* «воинственный человек» – др.сканд. *berja* «бить, убивать» – др.рус. *бороти* «воевать».

Kaiser, der сущ., м.р. «император» – *царь*, сущ., м.р.

Славянское языковое поле располагает следующими лексическими параллелями немецкого *der Kaiser*: ст.слав., др.рус. *цѣсарь* [88, т. 4, с. 290], укр., блр., болг. *цар*, сербохорв. *ца̀р* [93, т. 2, с. 361], словен. *česar*, чеш. *císař*, польск. *cesarz*, словац. *cisár*, восходящими к общеславянской форме **cěsarь*, чьи истоки ведут к лат. *Caesar* [88, т. 4, с. 291]. П.Я. Черных отмечает, что лексема *царь*

встречается в русских письменных источниках с 15 в. и в значении «властитель», «государь», и как прозвище «Трофимко, *Царь*, крестьянин» [там же, с. 362]. Языковед также указывает на присутствие в Новом Завете заимствованной из латинского (раннелатинское *Kaisar*, до фонетического перехода $k > c$) греческой формы *Kaĩсар*, от которой идут ст.слав. и книжн. др.рус. *кесар'ь* [там же]. В свою очередь, М.Фасмер отвергает эту гипотезу, определяя ее как невозможную [88, т. 4, с. 291].

Kaiser, der – сущ., м.р. «император». Первые упоминания лексемы в германском языковом фоне относятся к др.в.н. *keisur* (ок. 800 г.), ср.в.н. *keiser*, др.сакс. *kēsur*, ср.н.н. *keyser*, ср.нидерл. *keiser*, нидерл. *keizer*, др.англ. *cāsere* [113, Bd, 2, S. 774]. Немецкие этимологические лексикографические источники однозначно трактуют лексему как заимствование германцами латинского имени собственного «Гай Юлий Цезарь»: лат. *Caesar* [127, S. 464; 113, Bd, 2, S. 774]. Антропоним *Цезарь* трансформировался в обозначение правителя Римской империи, и в таком же значении «правитель» был перенят германскими племенами.

Отталкиваясь от фонетической формы, предполагающей дифтонгическое произношение лат. *-ae-*, В. Пфайфер и возглавляемый им АК датируют период заимствования латинской лексемы временным промежутком до н.э., предполагая, что этот процесс произошел еще при жизни Цезаря, не позднее первых полутора веков до н.э. [113, Bd, 2, S. 774]. Ф. Клуге также говорит о фонетических маркерах, указывающих на период заимствования: помимо дифтонгизации, описанной выше, исследователь отмечает еще и *-k-* перед гласной переднего ряда [127, S. 464]. Следуя этим выводам, мы можем обозначить *der Kaiser* как одно из самых древних латинских заимствований в германских языках [113, Bd, 2, S. 774].

Переходя к семантической составляющей исследуемых лексических параллелей, отметим общий для них денотативный макрокомпонент с автономным семантическим признаком «правитель». Также компоненты лексической пары *der Kaiser* – *царь*, являясь частью композитов, обладают общей архисемой «выдающееся среди подобных». В немецком языковом поле это

утверждение чаще всего реализуется в австрийском варианте немецкого языка для обозначения блюд австрийской кухни: *die Kaisersemmel* «императорский венец, венский розанчик» (хлебобулочное изделие); *das Kaiserfleisch* «копченая корейка»; *der Kaiserschmarrn* «императорский омлет» (сладкое блюдо, десерт) [127, S. 464]; *Царь-рыба*; *Царь-колокол* [59, с. 871].

Особенно ярко денотативный компонент лексических параллелей *der Kaiser* – *царь* проявляется в ракурсе фразеологии. Так, в немецком языке лексема *der Kaiser* несет скорее отрицательную коннотативную нагрузку: *sich um des Kaisers Bart straiten* «спорить из-за пустяков» [15, т. 1, с. 960]; *auf den alten Kaiser borgen* «брать в долг без отдачи» [там же].

В русском языке лексема *царь* имеет скорее положительные коннотации – Бог, власть, ум, закон, справедливость: устар. *царь в голове* «ум, разум, сообразительность»; устар. *царь небесный* «Бог» [89, с. 734]; *Бог на небе, царь на земле*; *Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится*; *Без царя – земля вдова* [28, т. 1, с. 212–213]; *Где царь, тут и правда (и страх и гроза)* [там же, с. 214].

В немецком и русском языках встречаем схожую эмоциональную окраску исследуемых лексических параллелей: ирон. *wenn ...,dann bin ich der Kaiser von China!* «тогда я китайский император!» (о чем-либо невероятном); шутл. *dahin / (wohin) gehen / müssen, wo (auch) der Kaiser zu Fuß hingeht* «идти туда, куда царь пешком ходит (идти в туалет)» [146, с. 392]; шутл. *auf den alten Kaiser dahinleben* «уповать на возвращение “доброго, старого времени”» [11, с. 331]; шутл. *при царе Горохе* «очень давно» [59, с. 871].

Таким образом, лексические параллели *der Kaiser* – *царь* восходят к общему латинскому антропониму *Caesar*, и предъявляют общий вектор семантического развития: от имени собственного к лексической единице общего словарного запаса языка. Употребление *der Kaiser* – *царь* в композитах выявляет наличие функционально-территориального компонента в немецком языковом поле. Оценка, как составляющая коннотативного макрокомпонента обеих лексических единиц, имеет денотативный характер. Эмоциональный компонент значения лексем – схожий.

§ 2.2.2 Лексико-семантическая группа «Правовые отношения»

В процессе развития общества усложнялись и отношения людей внутри него. Усложнение общественных отношений – деление общества на сословия, а позднее и на классы, социальное расслоение общества – остро поставило вопрос о необходимости присутствия в нем определенного регулятора человеческого взаимодействия, выработки неких норм, определяющих общественный уклад. Возникновение правовой системы, изначально призванной выражать интересы господствующих слоев населения, привело к формированию облигаторной государственно-правовой основы взаимодействия, как между индивидуумами, так и между индивидуумом и государством.

Erbe, das, сущ., с.р. «наследство» – *раб*, сущ., м.р., *ребенок*, сущ. м.р.

Славянское языковое поле располагает следующими лексическими параллелями нем. *das Erbe*: ст.слав. *rabъ* «слуга, раб», болг. *роб* «раб», сербохорв. *роѣ* «раб», словен. *ròb* «раб», чеш. *rob* «раб», рус. *ребёнок* [88, т. 3, с. 453], рус. *раб* [там же, с. 427]. Таким образом, рассматривать лексические параллели *Erbe* – *раб*, *ребенок*, по нашему мнению, необходимо в ракурсе векторных межъязыковых соответствий.

Ребенок – лексема зафиксирована в русском языке в двух формах, отражающих процесс межслоговой ассимиляции *po > re*: *робенок* (с 17 в.), *ребенок* (с начала 18 в.) и восходит к праслав. **orb-(e)* «ребенок» [там же]. Эту же основу в своем составе имеют: ст.чеш. *robě* «ребенок», чеш. *robě* «ребенок, младенец, дитя», ст. польск. *robię* «ребенок» [97, вып. 32, с. 113]. Отметим, что праслав. **orb-(e)* определяется наличием социально-правовой коннотации: молодой, незрелый, несовершеннолетний человек, зависящий от социального и материального статуса своих родителей [97, вып. 32, с. 114; 35, с. 92].

Развивая тему присутствия семы «зависимость, несовершеннолетность» в праслав. **orb-(e)*, можно прийти к понятию «раб». *Раб* – первые письменные упоминания лексемы относятся к 11 в. и восходят к праслав. **orbъ*: др.рус. *рабъ*

«раб», «невольник», «слуга», «проситель», укр. *раб*, блр. *раб*, болг. *раб* «безвольный, раболепный человек», болг. *роб* «раб», сербохорв. *роѣ* «раб, слуга, труд», сербохорв. диал. *роѣ* «арестант, член семьи», словен. *roѣ* «раб, арестант», словен. диал. *roѣ* «раб», словац. поэт. *rab* «невольник, арестант», чеш. устар. и поэт. *rob* «невольник», польск. устар. *rab*, *rob* «невольник» [там же]. В церковнославянском лексическом поле находим макед. *раб* «раб; человек преданный Богу (*раб Божји*)», рус. диал. *раб* «человек, христианин (*раб Божий*)» [там же]. Лексема присутствует в славянской антропонимике: сербохорв. *Rob* – мужское имя / фамилия [там же, с. 92].

Обе родственные праславянские основы **orb-(e)*, **orbъ* восходят к и.-е. **orbh-* «обездоленный, лишенный», «маленький», что и определило вектор семантической трансформации в славянском языковом поле – *раб, ребенок*.

Erbe, das – сущ., с.р. «наследство». Первые засвидетельствованные упоминания лексемы относятся к 9 в. и, по мнению коллектива авторов «*Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*», относятся к гнезду герм. **arbja-*: др.в.н. *erbi*, ср.в.н. *erbe* «наследие, наследство, наследственность», др.сакс. *erbi*, ср.н.н. *erve*, *arve*, ср.нидерл. *erve*, нидерл. *erf*, др.англ. *ierfe*, др.сканд. *erfi* «поминки» [113, Bd. 1, S. 369].

Ф. Клуге также указывает на возможность такой этимологизации, однако, в качестве основной версии определяет наличие производного корня – додиалектного **órb^ho-* «наследие, наследство», выявляемого, среди прочих, в др.ирл. *orb* «участок, доля, земельный пай», семантически трансформировавшегося у германцев в «крупный рогатый скот, владение крупным рогатым скотом» [127, S. 252]. Исследователь указывает возможный вектор семантического развития восходящего к герм. **arbja-* др.сканд. *erfi* «поминки» (нем. *Leichenschmaus*, где *Leiche, die* – «труп», *Schmaus, der* – пир, угощение) к значению «наследство», определяя принадлежность др.сканд. *erfi* к процессу распределения наследства на погребальном пиру, что было нередким явлением для скандинавских племен [там же].

В вопросе определения архетипа нем. *Erbe* единая точка зрения современными этимологами не выработана. Так, Ф. Клуге видит семантическую связь исследуемой лексемы с авестийским глаголом *arə-nu-* «даровать, назначать», восходящим к анатолийской основе **ar-* «брать/давать в бессрочное владение» и (как второстепенное значение) «иметь в неотъемлемом владении» [там же].

Схожую гипотезу высказывает и М.М. Маковский, указывая на и.-е. **er-* «брать, давать», как на этимологизируемый архетип нем. *Erbe* и обозначая последнее, как метатезу от и.-е. **bher-* «брать, давать» [45, с. 116].

В. Пфайфер с АК определяют и.-е. **orbh-* «осиротелый, сирота», «слуга» (в случае беззащитного сироты, нанятого на работу) в качестве основы нем. *Erbe* [113, Bd. 1, S. 369]. Исследователи полагают, что из первоначального значения, общего для германских языков – «принадлежащий сироте», развивается современное значение – «имущество, законно переходящее к сироте» [там же]. Отталкиваясь от и.-е. **orbh-*, как от этимологизируемой основы, В. Пфайфер с коллегами устанавливают следующие славянские параллели: ст.слав. *rabъ* «слуга, раб», др.рус. *robъ* «слуга, раб», *robja* «ребенок», рус. (с ассимиляцией гласных) *rebēnok* «ребёнок» [там же].

В современном языкознании большое распространение получило предположение о родственности лексем *Arbeit* – *работа* с рассматриваемыми лексическими параллелями *Erbe* – *раб*. Так, В. Пфайфер и руководимый им АК усматривают связь между и.-е. **orbh-* и герм. глаголом *arĥējō* «быть осиротевшим, вынужденным по этой причине тяжело работать ребенком», к которому восходят др.в.н. *arbeit* «тяжелый труд, мука, усилие, выручка от работы», ср.в.н. *ar(e)beit*, др.сакс. *arbed*, ср.н.н. *arbēt* [113, Bd. 1, S. 70]. Также авторы проводят параллель между и.-е. **orbh-* и рус. *работа* [там же]. Подобной точки зрения придерживаются Ю. Покорный, [141, Bd. 2, S. 782], Ф. Клуге [127, S. 57], Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов [22, ч. 2, с. 747–748], О.Н. Трубачев и А.Ф. Журавлев [97, вып. 32, с. 121–122].

Рассматривая лексические параллели *Erbe* – *раб*, *ребенок* в ракурсе фразеологии, необходимо отметить несовпадение не только денотативного, но и коннотативного макрокомпонентов исследуемых лексем. Немецкая лексема транслирует неэмоциональность и неоценочность. Область употребления нем. *Erbe* в аспекте фразеологии весьма ограничена: *ein schweres Erbe antreten* – перен. «получить тяжелое / трудное наследство» [146, S. 165].

Русские лексические параллели *раб* и *ребенок* демонстрируют пример несогласованной коннотации: *раб* – неодобрительное, неэмоциональное; *ребенок* – одобрительное, неэмоциональное. Обе лексемы являются распространенными компонентами фразеологических единиц и паремий: *Не имеячи раба, сам по дрова* [29, т. 2, с. 126], *За очи горда, а в очи раба* [29, т. 2, с. 220], *Раб своих страстей / привычек* [59, с. 637], *Работает, как ребенок, а ест, как детина* [29, т. 2, с. 15], *Больной, что ребенок* [29, т. 1, с. 348], *Как маленький ребенок* (наивный, доверчивый) [59, с. 671], *Ребенку ясно* (о чем-то очевидном) [там же].

Суммируя вышесказанное, отметим отсутствие единой точки зрения в вопросе определения происхождения *das Erbe* «наследство». В свою очередь этимологизация славянских параллелей *ребенок*, *раб* до степени определения индоевропейской основы **orbh-* не является предметом дискуссии современных славистов. Исследуемые германо-славянские лексические параллели демонстрируют расхождение, как в ракурсе антропонимики (отсутствие в германском языковом поле антропонимов с основой **orbh-*: в индоевропейской семье, помимо сербохорв. *Rob*, лишь галл. *Orbius* [35, с. 92]), так и в области фразеологии (расхождение денотативного и коннотативного макрокомпонентов русской и немецкой лексем).

Maut, die, сущ., ж.р. «таможня», «таможенная пошлина» – *мыто*, сущ., с.р.

К славянским лексическим параллелям нем. *die Maut* относятся: др.рус. *мыто*, укр. *міто*, блр. *мыт* «торговая пошлина», польск. *myto* «пошлина, плата, пенсия», чеш., словац. *myto* «пошлина, плата, подарок»; влуж., н.луж. *myto* «плата, награда», полаб. *moitē* «вознаграждение» [96, вып. 10, с. 381].

Отметим, что в ракурсе структурно-языкового компонента значения, в славянском языковом континууме широко представлены функционально-темпоральные и функционально-территориальные семы исследуемых нами лексем: болг. диал. *митó* «подкуп», сербохорв. диал. *mitò* «месячная или годовая плата прислуге», словен. диал. *mito* «плата за помол», ст.чеш. *mýto* «сбор пошлины, пошлина; вознаграждение; подарок», чеш. диал. *mýto* «зарплата, вознаграждение», ст.словац. *mýto* «таможенный сбор, пошлина», словац. диал. *míto* «плата натурой мельнику за помол зерна», польск. диал. *myto* «оплата, вознаграждение; плата за год прислуге; шлагбаум», др.русск. *мыто* «плата, вознаграждение, мзда», «пошлина за проезд и провоз товаров через установленные заставы», рус. диал. «взятка», укр. диал. *міто* «плата зерном за помол на лестнице», ст.укр. *мыто, мито* «застава, где собирались пошлины» [97, вып. 21, с. 81–82].

Как видно из последнего примера, славянские апеллятивы имеют своим денотатом не только средство оплаты, но и место, где эта оплата взимается. Этот факт послужил отправной точкой для образования славянских ойконимов, обозначающих поселения, возникшие вокруг таможенных пунктов и застав: *Мытищи*, город в Московской области (Россия) [61, с. 279]; *Мыт*, село в Ивановской области (Россия) [56, с. 281]; *Mýto*, город в Чехии [169]; *Mýto pod Ďumbierom*, город в Словакии [170].

Все вышеперечисленные славянские лексические параллели восходят к праслав. **myto-*, представляющим собой заимствование из др.в.н. *mīta* «таможня», «пошлина» [97, вып. 21, с. 82; 88, т. 3, с. 26]. Отметим, что современная славистика отвергает заимствование из гот. *mota* «пошлина», объясняя безосновательность такой точки зрения имеющимися фонетическими данными [88, т. 3, с. 26; 97, вып. 10, с. 381].

Maut, die – сущ., ж.р. «таможня», «таможенная пошлина». Немецкоязычный континуум относит лексему к южнонемецкому (баварскому) диалектному полю, что в лексикографических источниках маркируется специальными пометами [113, Bd. 2, S. 1080; 127, S. 610]. Первые

зафиксированные упоминания лексемы в германском языковом пространстве относятся к 9 в.: др.в.н. *mūta* «таможня», «таможенная пошлина», ср.в.н. *mūta* «таможня», др.англ. *moi* «налог, пошлина», др.сканд. *mūta* «взятка, оплата» [113, Bd. 2, S. 1080].

Среди исследователей нет единой точки зрения о происхождении нем. *die Maut*. Так В. Пфайфер и его АК усматривают здесь заимствование из гот. *mōta* «таможня», «таможенная пошлина», которое, в свою очередь, восходит к и.-е. **med-* «мерить, измерять», представляющим собой, предположительно, расширение и.-е. **mē-* «размечать, отмерять» [там же].

Ю. Покорный также рассматривает и.-е. **med-* в качестве этимологизируемого архетипа нем. *die Maut*, дифференцируя вектор развития основы по ступеням чередования гласных – *ē*-ступень, *ō*-ступень [141, Bd. 1. S. 705–706]. Исследователь отмечает, что *ō*-ступень является основой для др.в.н. *tiuoz*, *tiuozan* «мочь, сметь, иметь право», др.в.н. *tiuza* «свободное время, внимание, возможность», нов.в.н. *Muße* «отпуск, праздность» [там же, S. 706].

Ф. Клуге, придерживаясь аналогичного подхода в рассматриваемом вопросе, также проводит параллель между происхождением нем. *die Maut* и этимологией немецких лексем *die Muße*, *müssen*, уточняя, однако, их значение – «распределение, предоставление» [127, S. 610].

Отличной от указанных ранее, является точка зрения М.М. Маковского, соотносящего нем. *die Maut* с др.англ. *maðum* «драгоценность, подарок», возможно с гот. *mizdo* «заработная плата, вознаграждение», восходящими, по его мнению к и.-е. *mei* «менять, обменивать» [45, с. 324].

Развитие торговли остро поставило вопрос о необходимости разработки и применения различных правил ее регулирующих и контролирующих. Провоз товаров по территории государства, их ввоз в страну или вывоз, привели к установлению определенных правовых норм по уплате всевозможных таможенных пошлин и, следовательно, к появлению специальных государственных учреждений, осуществляющих контроль по их сбору. Возникновение таможенного пункта зачастую приводило к образованию вокруг

него поселения, иногда разраставшегося до уровня города, центра торговли территориального образования, о чем и свидетельствуют различные ойконимы: *Mauthausen*, ярмарочная коммуна в Верхней Австрии [168], *Mautern in Steiermark*, ярмарочная община в Австрии, в федеральной земле Штирия [131].

Ф. Клуге и АК под руководством В. Пфайфера в качестве славянских лексических параллелей нем. *Maut* обозначают словен. *mito* «взятка», чеш. *myto* «таможня, заработная плата, подарок», рус. *мыто* «долг» [113, Bd. 2, S. 1080; 127, S. 610].

Таким образом, исследуемые германо-славянские параллели демонстрируют наличие в их составе функционально-темпоральных и функционально-территориальных сем. Этимологизация лексических параллелей *Maut* – *мыто* выявляет заимствование из др.в.н. *mīta* в славянское языковое поле. В свою очередь, немецкая лексема этимологизируется до индоевропейского архетипа. Вопрос о восхождении нем. *Maut* к определенной индоевропейской основе на текущий момент не имеет однозначного ответа.

Meineid, der, сущ., м.р. «лжесвидетельство» – *мена*, сущ., ж.р.

Славянский континуум располагает следующими лексическими параллелями исследуемой немецкой лексемы: др.рус. *мѣна* «обмен» (с 15 в.), рус. *мена*, укр. *міна*, блр. *мена*, болг. *мяна*, сербохорв. *мена*, словен. *mena*, чеш. *těna* «валюта», влуж. *těna* «вексель», «валюта» [93, т. 2, с. 522]. Славянские лексические параллели восходят к общеславянской основе **těna*, а через нее к индоевропейской основе **mei-n-o*, происходящей от и.-е. **mei-* с расширителем *-n-* [там же].

Meineid, der – сущ., м.р. «лжесвидетельство». Первые письменно зафиксированные упоминания лексемы в германском языковом поле относятся к 8–9 вв.: др.в.н. *meineid*, ср.в.н. *meineit*, др.сакс. *mēnēð*, ср.н.н. *mēnēt*, ср.нидерл. *meineet*, др.англ. *mānāþ*, др.сканд. *meineiðr*, швед. *mened* [113, Bd. 2, S. 1085].

В среде немецких этимологов нет единой точки зрения о способе словообразования лексемы. Так Ф. Клуге определяет ее как универбацию с прилагательным общегерм. **maina* «лживый, подлый», либо как сложное слово с

этим же субстантивированным прилагательным среднего рода, уточняя, что детерминативные композиты с прилагательным в качестве первого члена не являются характерным явлением языковой реальности того времени [127, S. 613].

В. Пфайфер, с возглавляемым им АК, в свою очередь, обнаруживает здесь сложное слово с существительным *Eid, der* «клятва, присяга» в роли второго компонента и именной общегерманской основой **maina*, представленной как в роли прилагательного (др.в.н., ср.в.н. *mein* «лживый, обманчивый», др.англ. *mān* «подлый, плохой, лживый», др.сканд. *meinn* «вредный, плохой»), так и существительного (др.в.н., ср.в.н. *mein* «проступок, несправедливость, злодеяние», др.сакс. *mēn* «проступок, грех», др.англ. *mān* «преступление», др.сканд. *mein* «вред, несчастье») [113, Bd. 2, S. 1085].

Оба исследователя усматривают восхождение лексемы *der Meineid* к и.-е. **mei-* «менять, обменивать». Эту точку зрения разделяет и Ю. Покорный [141, Bd. 1, S. 710].

Рассматривая лексические параллели *Meineid* – *мена* в ракурсе фразеологии, отметим их низкую количественность в этой области языкознания: *Des Meineids der Verliebten lacht der Himmel* «над клятвами влюбленных смеются небеса» [160, Bd. 3, S. 567], *Всему бывает перемена. Всему мена, да перемена* [28, т. 1, с. 100].

Очевидно несовпадение денотативного макрокомпонента германо-славянских параллелей. Однако в диалектном словарном составе русского языка встречаем: Яросл. *мѣна* «обман» [71, вып. 18, с. 106]. Коннотативный компонент исследуемых лексических параллелей также различен: нем. *Meineid* «лжесвидетельство» – отрицательная коннотация, рус. *мена* – нейтрально. Также отметим присутствие славянской основы в антропонимике – болгарские личные имена *Мѣна, Мѣна* [97, вып. 18, с. 171].

Wittum, das, сущ., с.р. «виттум, право пожизненного пользования определенным имуществом, предоставленное вдове по завещанию» – рус. устар. *вѣно* «выкуп за невесту», сущ., с.р.

К славянским соответствиям немецкой лексемы *Wittum* относятся: др.рус. *věno*, рус. устар. *вѣно* «выкуп за невесту» [113, Bd. 3, S. 1985; 127, S. 993]. В свою

очередь Ю. Покорный считает такую параллель сомнительной [141, Bd. 1, S. 1116]. При этом все вышеуказанные авторы сходятся во мнении, что к индоевропейскому корню **ǵedh* (перед назальными звуками – **ǵed*) восходят др.церк.слав. *vedŏ* [127, S. 993; 141, Bd. 1, S. 1116] др.слав. *vesti*, рус. *вести* [127, Bd. 3, S. 1985].

Этимология славянских лексических параллелей немецкой лексемы *Wittum* спорная – слависты не выработали единого подхода в этом вопросе. Согласно одной из гипотез, ст.слав. *въно*, рус. устар. *вѣно*, укр. *віно*, блр. *вѣна*, польск. *wiano*, чеш. *věno*, словац. *veno*, в.луж. *wěno*, болг. *вяно* «выкуп за невесту» восходят к и.-е. **ǵed*. Н.М. Шанский разделяет эту точку зрения, указывая на общеславянское *věno* как суффиксальное производное от основы **ved-*, уточняя при этом, что от этой же основы с помощью суффикса *ti* образовано общеславянское **vedti* (где *dt > tt > st*), а от него, соответственно, рус. *вести*, укр. *вести́*, блр. *вѣсці*, польск. *wieść*, чеш. *věsti*, словац., словен. *viest'*, в.луж. *wjesć*, болг. *водѣ*, сербохорв. *вѣсти*, др.рус. *вести* «выходить замуж» [96, т. 1, вып. 3, с. 50, 74]. Наличие *ъ* в рассматриваемой лексеме (при *e* в слове *вести*) исследователь объясняет как результат замены, произошедшей после выпадения *ds* перед *n*: **ǵed(h)sno > въно* [96, т. 1, вып. 3, с. 74].

О.Н. Трубачев также определяет индоевропейскую основу **ǵedh* источником др.рус. *водити жену* «иметь жену, жениться», *водимая* «жена, супруга», а и.-е. **ǵedh-meno-n*, как отглагольное производное от **ǵedh*, источником слав. *věno* [82, с. 144].

П.Я. Черных усматривает общеславянскую основу **vesti*, от которой происходит др.рус. *вести* (впервые зафиксировано в письменных источниках в 11 в.), восходящую, в свою очередь к и.-е. **ǵed(h)* [93, т. 1, с. 146]. Исследователь приходит к выводу: и.-е. **ǵedh > и.-е. *ǵed(h)-no-m > слав. věno* [там же].

М. Фасмер упоминает вышеописанную этимологию славянских лексических параллелей, определяя, однако, в качестве предпочтительной, гипотезу о родственности рус. устар. *вѣно* и лат. *venit* «продажа», где латинская лексема реконструируется до и.-е. основы **ǵes-no* «покупная / продажная цена»

[88, т. 1, с. 291]. Лат. *venum*, по мнению Ю. Покорного является этимологизируемым архетипом для др.рус. *věno* [141, Bd. 1, S. 1173].

Н.М. Шанский так же рассматривает гипотезу о родстве общеславянского *věno* и и.-е. **uesno* [96, т. 1, вып. 3, с. 50]. О.Н. Трубачев трактует такую этимологию как менее вероятную, хотя и бытующую в современном языкознании, отмечая отсутствие мотивов к выпаданию *s* из основы [82, с. 144].

Обращаясь к семантическому компоненту рус. устар. *véno* и другим лексемам восходящим к общеславянскому *věno*, обнаружим семантическую трансформацию сходную с германским языковым полем. Оним, первоначально обозначающий плату жениха родителям или родственникам невесты, с эволюцией семейных отношений принимает значение «приданное» (зафиксировано в «Кормчих книгах» – сборниках церковных и светских законов распространенных на Руси с 13 в., в чешском праве) [13, с. 512]. В польском феодальном праве *véno* (польск. *wiano*) помимо обозначения приданного получает семантику сходную с семантикой немецкой лексемы *Wittum*, т.е. как некое «обязательство, налагаемое на имущество мужа (обычно в сумме этого приданого) как способ обеспечения имущественных интересов жены на случай вдовства» [там же].

Wittum, das – сущ., с.р. «виттум, право пожизненного пользования определенным имуществом, предоставленное вдове по завещанию». Первые упоминания лексемы в германском языковом поле относятся к 9 в.: др.в.н. *widamo*, ср.в.н. *widem(e)*, *widen* «дар жениха (иногда также отца невесты) невесте при бракосочетании» (первоначально – некое вознаграждение, выплачиваемое отцу невесты), «дар церкви, монастырю, особенно в виде земли; земля, пожертвованная приходской церкви, викариатство», ср.н.н. *wēdem(e)*, *wēme*, др.фриз. *wetma*, *witma*, ср.нидерл. *wēdeme*, *wēdem*, *wēdom*, др.англ. *wituma* «свадебный подарок», др.сакс. *wīdumlīk* «принадлежащий к приданному» [113, Bd. 3, S. 1985].

Отметим, что В. Пфайфер и руководимый им АК трактуют нем. *Wittum* как «свадебный подарок», «имущество вдовы», определяя его как исторический оним, взятый из германского права [там же]. В своем этимологическом словаре Ф. Клуге

также делает пометы, указывающие, однако, на принадлежность лексемы к архаическому и периферийному пласту [127, S. 993].

Этимологизация немецкой лексемы приводит В. Пфайфера с АК к выводу о существовании индоевропейских суффиксальных образований со значением «выкуп за невесту»: и.-е. **uedmon-* (как основа, характерная для германских языков), и.-е. **uēdno-* (с долгим гласным, как основа, характерная для славянских языков) с индоевропейскими суффиксами *-meno-*, *-mono-* и особенно эллизивным суффиксом *-mno-* и корнем **uedh* «вести, жениться» [113, Bd. 3, S. 1985]. Эту точку зрения разделяет и Ю. Покорный, указывая на **ued-mno-*, с вышеупомянутым значением, как на исходную форму для др.в.н. *widomo*, *widemo* «приданое», ср.в.н. *wideme*, *widem*, нов.в.н. *Wittum*; др.в.н. *widimen*, ср.в.н. *widemen*, *widmen* «дать приданое дочери» [141, Bd. 1, S. 1116].

В. Пфайфер с АК реконструируют семантическую трансформацию нем *Wittum*: *свадебный подарок* → *имущество вдовы*. Исследователи отмечают, что в 15–16 вв. в немецком языке встречаются формы с конечным звуком *-b/-p* – *widemb*, *widemp*, и с примыканием суффикса *-tum* – *widumb*, *widump*, *widum*, перешедшие с измененными дентальными в *Widdumb*, *Widdum*, *Wittumb* [113, Bd. 3, S. 1985]. С 17 в. образуется самостоятельная форма *Wittum* «имущество вдовы» как подражание лексеме *die Witwe* «вдова» [там же].

Обращаясь к функциональному компоненту структурно-языкового значения исследуемых германо-славянских параллелей, отметим общее для них изменение лексического значения: *выкуп за невесту* > *приданое невесты* > *имущество вдовы*, *выделенное ей по завещанию*. Сегодня нем. *Wittum* является безэквивалентной единицей для немецкого языка, вскрывая в русском наличие мотивированной абстрактной лакуны, объясняемой особенностями национальной концептосферы.

С точки зрения семной семасиологии в исследуемых лексических параллелях вычленяется интегральная архисема «брачные имущественные отношения». При этом отметим наличие дифференциальных сем: «свадьба», «замужество» в русском языке и в немецком – «вдовство».

Также в лексических параллелях *Wittum – véno* явственно прослеживаются функционально-социальный и функционально-темпоральный компоненты, выраженные в лексикографических источниках с помощью помет «юридическое», «устаревшее».

Таким образом, очевидна принадлежность исследуемых германо-славянских параллелей к суффиксальным образованиям, возникшим на почве индоевропейского субстрата. Имевшая место семантическая трансформация *das Wittum – véno* развивалась по сходному вектору, особенно в ракурсе сопоставления немецкого и польского языков. На современном этапе развития языка исследуемые *Wittum – véno* являются устаревшими.

§ 2.2.3 Лексико-семантическая группа «Денежно-имущественные отношения»

Социальное расслоение общества, основанное в том числе, и прежде всего, на имущественном ранжировании членов социума, явилось импульсом для появления в системе языка онимов, объясняющих те или иные явления в ракурсе денежной системы и права собственности.

Gelten, гл., сильн., «стоять, цениться, быть действительным, иметь силу, считаться, предназначаться» – *желести*, гл., «платить, искупать вину»

К славянским лексическим параллелям немецкого глагола *gelten* относятся др.церк.слав. *žlěsti (žlědŏ)* «оплачивать, компенсировать, возмещать» [129, р. 174], др.рус. *желеду, желести* «платить, искупать вину» [88, т. 2, с. 42], церк.слав. *жладва, жладьба* «убыток, урон», «штраф, пеня» [32, с. 186].

Славянские лексемы доступны лишь в южнославянской группе, восточной подгруппе мертвых языков славянской языковой семьи – в древнерусском, церковнославянском, древнецерковнославянском языках. Вследствие этого обнаружить следы лексем во фразеологическом поле представляется затруднительным. Современная славистика не имеет однозначного ответа на

вопрос о происхождении славянских лексических параллелей. Так, М. Фасмер говорит о вероятном родстве др.рус. *желеду*, *желести* гот. *fragildan* «отплатить, вознаграждать» и др.в.н. *geltan* «уплачивать», отвергая возможность заимствования из германского языкового поля ввиду особенностей славянского вокализма [88, т. 2, с. 42]. В свою очередь Р. Дерксен усматривает германский след в виде суффикса *-t-* в **želsti*, указывая на возможность германского заимствования [108, р. 556–557].

Этимологизация славянских лексем тесно связана с вопросом их общности с германской основой **geldan* «возмещать, платить (налоги и т.п.)», с опорой на которую можно предположить восхождение славянских лексических единиц к индоевропейской основе **gheldh* «оплачивать, стоять».

Отметим, что гипотеза общности германской и славянской основ опирается на семантическую платформу, включающую значение эквивалентности и компенсации в немецком глаголе *gelten*. Так в германистике сложилась точка зрения о семантической взаимосвязи лексем *gelten* и *Gegenwert, der* «эквивалент, компенсация». Ф.Я. Шмиттеннер указывает на употребление *gelten* в значении соответствия оцениваемого (или продаваемого) предмета какому-либо эквиваленту, но без отсылки к его покупателю [148, S. 259].

Г. Пауль определяет в качестве первоначального значение *gelten* «платить, оплачивать» [138, S. 170]. По мнению лингвиста, семантическая трансформация *платить* → *стоит, цениться* произошла в результате смены субъекта действия: *тот, кто платит, оплачивает* → *обозначаемый предмет, за который платят* (то есть эквивалент выплаченной суммы) [там же]. И хотя семантический переход из активного залога в пассивный с одновременным сохранением грамматической формы активного залога очевиден, Г. Пауль в качестве причины данного явления объявляет сам характер употребления лексемы, иллюстрируя свою гипотезу примером – *das Pfund gilt eine Mark* «фунт стоит одну марку», уточняя, что в данном предложении глагол *gelten* относится не только к одной фактически заключенной сделке, но и вообще к любому случаю, в котором происходит купля-продажа, что в дальнейшем дает толчок к использованию лексемы *gelten* в

переносном смысле – *sein Rat gilt viel* «его совет много значит»; *Was gilt die Wette?* «На что спорим?» [там же].

Первые зафиксированные упоминания лексемы *gelten* в германском языковом поле относятся к 8 в.: др.в.н. *geltan* «возмещать, компенсировать, жертвовать, стоить», ср.в.н. *geltan* «приносить доход», др.сакс. *geldan*, ср.н.н. *gelden*, ср.нидерл. *ghelden* «платить, вознаграждать оплачивать», ср.нидерл. *gelden*, др.англ. *gielddan* «платить, поклоняться, приносить в жертву, наказывать», англ. *to yield* «давать в удел, приносить, уступать, составлять (в итоге)», др.сканд. *gjalda* «платить, вознаграждать», гот. *fragildan*, *usgildan* «вознаграждать, возмещать» [113, Bd. 3, S. 530–531]. Вышеозначенные лексемы восходят к герм. **geldan* «возмещать, платить (налоги и т.п.)» [113, Bd. 3, S. 531; 127, S. 344].

Глубина этимологизируемой основы немецкой лексемы современными лингвистами оценивается неоднозначно. Так В. Пфайфер и его АК отмечают, что в случае отсутствия германского заимствования в славянские языки, правомерным можно считать восхождение немецкой лексемы к и.-е. **gheldh-* [113, Bd. 3, S. 530–531]. Ю. Покорный ставит знак вопроса в установлении *ghel-to* «оплачиваю, стою» в качестве основы для германских лексем и *ghel-dhō* для славянских соответственно [141, Bd. 1, S. 436]. В свою очередь Г. Кроонен, заявляя о присутствии германской основы **geldan* (помимо германского языкового поля) лишь в кельтских и славянских языках, отмечает модальность возможности, свойственную в этом вопросе Ю. Покорному, и уверенно заявляет о ее восхождении к индоевропейской **g^héld^h-e-*, реализуемой в славянских вариантах в форме **g^held^h-e-*, а в кельтских языках в форме **g^held^h-o-* [129, p. 173–174].

Таким образом, лексические параллели *gelten* – *žlěsti* имеют общую германскую основу **geldan*, указывающую на общую индоевропейскую основу **g^héld^h-e-/g^held^h-e-*. При этом вопрос заимствования из германского языкового поля в славянское остается открытым. В немецком языке реализован семантический переход исследуемой лексемы из активного в область пассивного залога, что, однако, не находит своего отражения в образовании аналитической

формы глагола. Поиск реализации славянских лексических параллелей в ракурсе фразеологии затруднителен, в силу присутствия функционально-темпорального компонента. В свою очередь немецкий глагол в этой сфере обладает достаточной квантитативностью, предъявляя несогласованную коннотацию, выраженную присутствием эмоциональности, при отсутствии оценочности, либо коннотационную нейтральность.

Leihen, гл., сильн., «давать займы, одалживать, брать займы» – *лихо*, сущ., с.р.

Русская лексема *лихо* восходит к праславянской основе **otylěkъ* «остаток» [93, т. 1, с. 486], к которой также восходят ст.слав. *отълѣкъ*, др.рус. *отлѣкъ* «остаток», рус. диал. *отлек* «остаток, избыток» [97, вып. 37, с. 124], рус. диал. *олек* «борть с деткой, подрезанная под углом в верхней (головной) части» [71, вып. 23, с. 183], укр. диал. *олек* «потолок внутренней части долбленого улья» [7, с. 345], укр. *олік*, блр. *олёк* «верхняя часть пчелиной борти, где начинаются соты» [88, т. 3, с. 134]. Глубина этимологизации славянских лексем достигает и.-е. **leik^w/ *leiku* «оставлять, уступать, отдавать» [97, вып. 37, с. 125].

Современная славистика исходит из понимания **otylěkъ* как префиксального образования от **lěkъ*: у М. Фасмера находим рус. *лек* «остаток» (в рус.церк.слав. *лѣкъ* «остаток») [88, т. 2, с. 477]. По мнению Э. Бернекера, к основе **lěkъ* относятся также лексемы, восходящие к имеющему чередование по аблауту корню **lik-*: чеш. устар. *liknovati se* «уклоняться, избегать, бояться, медлить», чеш. *liknavý* «нерадивый», словац. *liknovat sa* «лентяйничать, беспокоиться» [102, Bd. 1, S. 710]. Похожей точки зрения придерживается и Ю. Покорный [141, Bd. 1, S. 670].

О.Н. Трубачев, рассматривая чеш. *liknavý* «нерешительный, медлительный, недостаточно усердный», определяет исходную основу **liknavъjъ*, представляющую собой древний диалектический реликт **likn-* с расширенным продуктивным суффиксом *-av-* [97, вып. 15, с. 104–105]. Отметим, что исследователь заявляет о возможном характере восхождения **likn-* к и.-е. **leik^u-n-* [там же].

Ю. Покорный, исследуя др.болг. *otъlěкъ* «остаток», указывает на наличие s-формантов – др.болг. *lichъ* «избыточный, злой», *lišiti* «отнимать» [141, Bd. 1, S. 670]. Э. Бернекер также упоминает эти форманты: др.болг. *lichъ* «злой», болг. *lih* «злой», польск. *lichy* «плохой, жалкий», рус. *лихой* «злой», *лихárь* «злой колдун», [102, Bd. 1, S. 717–718]. А.Ф. Журавлев и Н.М. Шанский рассматривают русскую лексему *лихо* в значении «зло, несчастье, нечистая сила» (*Лихо одноглазое* «злое существо громадного роста, пожирающее людей» [71, вып. 17, с. 76]), попутно снабжая слово пометами «просторечное», «областное» [96, вып. 9, с. 126]. Исследователи приводят примеры лексических единиц славянского языкового поля с подобной семантической нагрузкой: укр. *лі́хо* «беда, несчастье», блр. *лі́ха* «зло, несчастье, чертовщина», польск. *lichy* «зло, несчастье, беда; черт, дьявол» [там же]. Присутствие слова *лихо* в территориальных разновидностях русского языка отмечено достаточно высокой количественностью вкупе с широкой смысловой дифференциацией: Пск., Смол. «злая судьба», Волог., Арх., Ворон. «горе, печаль», Арх. «обида», Ворон. «об увеселениях» (*Всякий за свою копейку лих ищет*), Перм., Арх., Олон., Печор «лень», Покр. Влад. «досада, неудовольствие» [71, с. 76].

П.Я. Черных датирует первое упоминание др.рус. *лихъ*, *лихый* «превышающий меру, чрезмерный» 9 в. и считает очевидным восхождение общеславянской основы **lichъ* к и.-е. **leik^u-s-o* на фоне закономерного фонетического перехода *ks > ch* [93, т. 1, с. 486]. В этом вопросе с ним согласны А.Ф. Журавлев и Н.М. Шанский, указывая на праслав. **lix-* < *lik-хо-* < и.-е. **leik^u-so-* восходящие к **leik^u* «оставлять» [96, вып. 9, с. 128].

А.Ф. Журавлев и Н.М. Шанский усматривают связь между рус. устар. *лихоимец*, др.рус. *лихоимьць*, *лихоимецъ*, церк.-слав. *лихоимьць*, болг. устар. *лихоѝмец*, сербохорв. устар. *лихоймац* «взяточник, ростовщик», как композитами, включающими в себя *лихо* «избыток» с производным компонентом от глагола *имати* «брать» и словом *лихва* «рост, процент» [96, вып. 9, с. 126–127].

М. Фасмер предполагает в укр. *лі́хва*, др.рус., *лихва*, болг. *лі́хва*, сербохорв. *лѝхва*, словен. *lihva*, чеш. *lichva*, польск., влуж. *lichwa* «ростовщичество»

германское заимствование – гот. **leihva* «заем, ссуда», *leihvan* «ссужать», др.в.н. *līhan* «ссужать» [88, т. 2, с. 504–505]. А.Г. Преображенский также высказывает подобную гипотезу [64, т. 1, с. 459]. В свою очередь П.Я. Черных считает такое заимствование маловероятным, обосновывая свою точку зрения отсутствием письменно засвидетельствованных источников гот. **leihva* [93, т. 1, с. 486].

Современная славистика признает ошибочным разграничение лексем *лихъ* «лишний» и *лихъ* «злой», высказанную А.Г. Преображенским [64, т. 1, с. 461], указывая на значение «лишний» как первоначальное, выступающее в качестве основы для антонимичного и табуированного *лихъ* «злой» [88, т. 2, с. 505; 96, вып. 9, с. 128].

Отметим, что в современном русском языке лексема *лихой* обладает также и положительной коннотационной окраской – «молодецкий, удалой»: *Лихой наездник. Лихо!* (ироническое одобрение) [59, с. 329].

В русской фразеологии широко представлены лексемы *лихо*, *лихой*. Слова содержат ярко выраженный оценочный компонент в составе согласованной коннотации: *Всякое лихо споро: не минет скоро* [28, т. 1, с. 118]; *Лихо думаешь – богу не молись* [там же, с. 30]; *Жена льстит – лихо мыслит (лихое норовит)* [там же, т. 2, с. 327]; *хватить лиха* «испытать много горя, лишений»; *лихому лиходею не пожелаешь* «о чем-л. неприятном, страшном, нежелательном для кого-л.», *не на лихо* «без злого умысла» [50, с. 364].

Первые зафиксированные упоминания нем. *leihen* относятся к 9 в. – др.в.н. *līhan* «одалживать, давать» [113, Bd. 2, S. 1000]. Более поздние упоминания глагола в германском языковом поле встречаются в ср.в.н. *līhen* «брать в долг» (реже «давать в долг»), др.сакс. *līhan*, ср.н.н. *līen*, др.англ. *lēon*, др.сканд. *ljā*, гот. *leihvan* [там же] и восходят к прагерманской основе **leihw-a-* «давать взаймы, брать взаймы» с этимологизируемым архетипом и.-е. **leik^w/ *leiku* «оставлять, уступать, отдавать» [127, S. 570; 113, Bd. 2, S. 1000].

В области фразеологии немецкий глагол *gelten* проявляет несогласованную коннотацию, выражающуюся в присутствии эмоциональности, при отсутствии оценочности, либо коннотационную нейтральность: *lassen wir's gelten!* «пусть

будет так!»; *jetzt gilt's!* «теперь наступил решительный момент!» [11, с. 235]; террит. *gelt?* «не так ли?»; *bange machen gilt nicht!* «меня не запугаешь!» [30, с. 249].

Таким образом, германо-славянские лексические параллели *leihen* – *лихо* демонстрируют явное расхождение в грамматическом макрокомпоненте (частеречной принадлежности): глагол – имя существительное. Очевидны различия и в функциональном макрокомпоненте структурно-языкового значения лексических параллелей: функционально-стилистические – немецкая лексема относится к разряду межстилистической лексики, в то время как русская к разговорной и просторечной; функционально-территориальные – нем. *leihen* относится к общераспространенной лексике, рус. *лихо* включает в себя семы территориальной принадлежности; функционально-темпоральные – немецкая и русская лексемы относятся к современному и устаревшему лексическому пласту соответственно. Коннотационный фон исследуемых лексических параллелей различен. Этимология нем. *leihen* достигает глубины индоевропейского архетипа. Вопросы принадлежности рус. *лихо* к индоевропейской основе, равно как и германского заимствования не имеют однозначного ответа в современной славистике.

Miete, die, сущ., ж.р., «плата за наем, квартирная (арендная) плата» – *мзда*, сущ., ж.р.

Русская лексема *мзда* относится к тому же этимологическому гнезду, что и ст.слав. *мъзда* «плата, вознаграждение, мзда», болг. арх. *мъзда́* «оплата – награда или наказание; возмездие», макед. *мазд* «отмщение, возмездие», сербохорв. *mazda* «плата, взимание сбор платежей; месть, как расплата за злое дело», словен. *mesdá* «плата, награда», чеш. *mzda* «заработная плата, отплата, расплата вознаграждение», словац. *mzda* «вознаграждение, плата за выполненную работу», в.луж. *mzda* «плата, мзда», ст.польск. *mzda* «плата, оплата, вознаграждение, сам капитал без процентного налога» [97, вып. 21, с. 176–177].

СлРЯ XI–XVII вв. предлагает несколько значений слова *мзда*: «воздаяние, вознаграждение или возмездие» – первые упоминания относятся к 1057 г., «плата,

выплата (денег), за что-л.» – датируется 11 в., «подношение, взятка» – впервые зафиксировано в 1228 г., «выкуп» – 1426 г. [72, вып. 9, с. 145–146].

В свою очередь, А.С. Львов, исследуя источники старославянской письменности, указывает на преимущественное употребление *мзда* в значениях «взятка», «подкуп», отмечая, что в значении «плата» лексема встречается редко [44, с. 180–181].

Праславянская основа **mъzda* восходит к и.-е. **mizdó (mizdhō)* «заработная плата, жалованье» [96, вып. 10, с. 188; 97, вып. 21, с. 177; 141, Bd. 1, S. 746], к которой, в свою очередь, восходит и нем. *die Miete* [113, Bd. 2, S. 1101; 127, S. 621; 141, Bd. 1, S. 621].

Первые упоминания исследуемой немецкой лексемы в германском лексическом поле относятся к 8 в.: др.в.н. *mieta* «зарплата, подарок», ср.в.н. *miet(e)* «зарплата, вознаграждение, воздаяние, подарок, взятка», др.сакс. *mēda*, ср.н.н. *mēde*, др.англ. *mēd*, англ. (поэт.) *meed* [113, Bd. 2, S. 1101]. Отметим, что и Ф. Клуге и В. Пфайфер, с руководимым им АК, указывают на восхождение указанных выше лексем к германской основе **mizd^ho/ā*, при выпадении спиранта -z- и присутствии заменительного растяжения [там же].

Г. Кронен этимологизирует нем. *die Miete* путем восхождения лексемы к соединению элизийного s-корня **mi(s)-* «обмен» и **d^hh_i* «класть, устанавливать» [129, р. 370]. В свою очередь Ф. Клуге помечает такую гипотезу лишь как возможную, предполагая семантическое сближение значений нем. *die Miete* и совокупности **meios-* и **d^hē-*: «плата за наем» – «система обмена» [127, S. 621].

Рассматривая лексические параллели *die Miete* – *мзда* в семантическом ракурсе, отметим сближение значений русской лексемы и немецкой, но с учетом пометы «диалектизм» у последней: диал. *die Miete* «заработная плата, награда, вознаграждение; подкуп, взятка» [14, т. 2, с. 86].

В области фразеологии, исследуемые лексические параллели предъявляют невысокую степень квантитативности. Причиной этому может служить наличие денотативного оценочного компонента у немецкой лексемы и функционально-темпоральной семы в составе русской: *das / (etw.) ist schon die halbe Miete* «это

уже половина успеха» [146, S. 543]; *за соответствующую мзду сделать что-н.* [59, с. 355]; *Мзда глаза дерет. Дары и мудрых ослепляют* [29, т. 1, с. 148]; *Тому тяжело, кто помнит зло. Мста (мечь) не мзда* [там же, с. 108].

Таким образом, исследуемые лексические параллели *die Miete* – *мзда* реализуют общий индоевропейский субстрат, не вызывающий сомнений у современных этимологов. Русская лексема характеризуется наличием функционально-темпоральной семы (является устаревшей), в то время как немецкая относится к стандартному лексическому запасу языка. *Мзда* также демонстрирует семантическую трансформацию – от нейтрального «плата, оплата», до отрицательного «взятка, подкуп», что не характерно для нем. *Miete*.

§ 2.2.4 Лексико-семантическая группа «Профессия, ремесло»

Активная деятельность человека по освоению окружающей среды явилась мощным импульсом к развитию ремесленного производства, что, в свою очередь, дало толчок к появлению первых профессий, некоторые из которых сохранились и до наших дней.

Dolmetscher, der, сущ., м.р., «устный переводчик» – *толмач*, сущ., м.р., «переводчик».

Толмач – «переводчик во время беседы, переговоров» [59, с. 801], «переводчик, толкователь, комментатор» [80, т. 4, с. 729]. К славянским параллелям нем. *der Dolmetscher*, восходящим к слав. **tълmač* относятся: др.рус. *тълмачь* «переводчик», болг. *тълмáч*, сербохорв. *тѹмáч*, словен. *tolmáč*, чеш. *tlumač*, словац. *tlmač*, польск. *tlumacz*, в.луж. *tołmač* [88, т. 4, с. 72].

М. Фасмер заявляет о тюркском заимствовании, указывая в качестве первоисточника язык Митаннийский арийский язык – *talami* «переводчик, толмач» [там же]. Исследователь уточняет, что периодом частого употребления лексемы *толмач* в славянском языковом поле являются 16–17 вв. [там же].

Современная русская лексикография снабжает слово *толмач* пометами, указывающими на его принадлежность к языковому пласту русской старины и, несомненно, к определённом кругу профессионального употребления [59, с. 801; 80, т. 4, с. 729].

Славянское языковое поле широко реализует исследуемую лексику в области ономастики. Так, рассматривая *толмач* в ракурсе антропонимики, отметим наличие распространенной фамилии *Толмачев/-ева*, в ракурсе топонимики – ойконимы: с. Толмачи (Тверская обл.), пос. Толмачи (Тамбовская обл.), д. Толмачи (Кировская обл.), с. Толмачево (РБ, Брестская обл.); гидроним: р. Верхний Толмач (Архангельская обл.).

В области фразеологии нами была обнаружена одна паремиологическая единица, в которой *толмач* является основой употребленного топонима: *У всех святых на Кулижках, что в Кожухове за Пречистенскими вороты, в Тверской ямской слободе, не доходя Таганки, на Ваганке, в Малых Лужниках, что в Гончарах, на Воргунихе, у Николы в Толмачах, на Трех горах и пр. (т. е. нигде)* [28, т. 2, с. 60]. *Никола в Толмачах* – Храм Святителя Николая в Толмачах, храм-музей в Замоскворечье, домовая церковь при Государственной Третьяковской галерее, место хранения иконы Богоматери «Владимирская», первые письменные упоминания о храме датируются 1625 г. [163].

Первые упоминания нем. *der Dolmetscher* относятся к 13 в.: ср.в.н. *tolmetsche*, *tulmetsche*, ран.нов.в.н. *dolmetsch*. Заимствование слова из тюрк. *dilmaç* «посредник между двумя сторонами, говорящими на разных языках» путем славянского посредничества не вызывает сомнений ни у Ф. Клуге, ни у АК под руководством В. Пфайфера [127, S. 209; 113, Bd. 1, S. 297]. При этом Ф. Клуге указывает на возможную ассимиляцию на почве народной этимологии др.тюрк. *til* «язык (как орган, так и знаковая система)» и суффикса *maç*, однако отсутствие сингармонизма, по его мнению, еще раз подтверждает заимствование [127, S. 209].

В свою очередь, В. Пфайфер вместе со своим АК поддерживает гипотезу о восхождении нем. *der Dolmetscher* к лексеме языка метании *talami* «посредник»

(на что указывает и М. Фасмер) [113, Bd. 1, S. 297]. Интересно уточнение В. Пфайфера и его АК по поводу семантического значения *der Dolmetscher* – «защитник, адвокат», существовавшего в немецком языке вплоть до первой половины 20 в. [113, Bd. 1, S. 297].

Немецкая фразеология располагает скудным, с точки зрения количественности, потенциалом реализации исследуемой лексемы, отмеченной денотативной оценкой: *sich zum Dolmetsch von jm. / js. Sache machen* «стать чьим-л. защитником, выразителем чьей-л. воли» (устаревающее) [146, S. 130].

Таким образом, лексические параллели *der Dolmetscher* – *толмач* распознаются как тюркские заимствования, причем в германское языковое поле – с помощью славянского посредничества. В русском языке *толмач* имеет широкую реализацию в области ономастики и транслирует ярко выраженный функционально-темпоральный компонент, зафиксированный соответствующими пометами в словарях. Немецкая лексема относится к разряду общеупотребительной лексики. Рассматривая исследуемые лексические параллели в структурно-языковом ракурсе, отметим совпадение грамматического макрокомпонента – обе лексемы являются именами существительными мужского рода. Широта реализации *der Dolmetscher* – *толмач* в области фразеологии узкая, как в русском, так и в немецком языках.

Kürschner, der, сущ., м.р., «скорняк, меховщик» – *корзно*, сущ., с.р., «мантия (знати в Киевской Руси), плащ с меховой опушкой».

К славянским лексическим параллелям нем. *der Kürschner*, восходящим к праслав. основе **kъrзьno* относятся: церк.-слав. *кръзьно* «меховая одежда», макед. *крзно* «мех», сербохорв. *кръзно*, *кръзно* «мех», словен. *kržno* «кожа, шкура, мех», чеш. *krzno* «воинский плащ, верхняя одежда, шуба с меховой или другой подкладкой», словац. устар. *grzno* «овчина, мех, кожух», др.рус. *корзно*, *кързно*, *корьзно*, *кръзно*, *корозно* «плащ» [97, вып. 13, с. 244].

Этимологизируя *корзно*, М. Фасмер приходит к выводу о заимствовании слова из восточных языков в славянские, иллюстрируя свои умозаключения некоторыми примерами – осет. *kærc* «мех» [88, т. 2, с. 328]. В.И. Абаев, однако,

ставит знак вопроса в установлении родства между осет. *kærc* «мех» и славянским этимологическим гнездом **kъrзьno*, указывая на их возможное восхождение к и.-е. **k_oer-*, **sk_oer-* «резать» [1, т. 1, с. 582]. В свою очередь О.Н. Трубачев в корне не согласен с М. Фасмером, усматривая невозможность принадлежности **kъrзьno* к «восточному» лексическому пласту [97, вып. 13, с. 244].

СлРЯ XI–XVII вв. трактует *корзно* (*коръзно*) как покрывало или плащ, накидываемый поверх другой одежды и застегивающийся на плече, датируя первые, письменно зафиксированные, упоминания лексемы в «Повести временных лет» под 1015 г. [72, вып. 7, с. 313]. В этой связи О.Н. Трубачев выдвигает предположение о подобии плащей того времени некой плетеной вещи, что могло бы послужить семантической платформой для рассмотрения **kъrзьno* как родственного **kъrzina* (укр. *kórzati* «плести»), **kъrziti* (рус. диал. *корзинка* «рогожа») [97, вып. 13, с. 244].

Лексема *корзно* – «вид плаща, одежда, заимствованная из Византии» [3, с. 206] – является для немецкого языка предметной мотивированной лакуной, что может служить основанием выдвижения О.Н. Трубачевым гипотезы о первичности значения «плащ» и вторичности более поздних значений-конкретизаций «меховой плащ», «мех» [97, вып. 13, с. 244], послуживших впоследствии основной базой для славянского заимствования в немецкий язык [88, т. 2, с. 328].

Отметим, что для Э. Бернекера вопрос о славянском заимствовании остается открытым [102, Bd. 1, S. 671]. В то же время М. Фасмер и О.Н. Трубачев полагают славянское заимствование очевидным, причем последний датирует его не позднее 9 в. [88, т. 2, с. 327–328; 97, вып. 13, с. 244].

Первые письменные свидетельства нем. *Kürschner* «скорняк» относятся к 13 в.: др.в.н. *kursināri*, ср.в.н. *kürsenære*, ран.нов.в.н. *kürsner* и вытекают из др.в.н. *kursina* (10–11 вв.), ср.в.н. *kürsen*, *kursen* «меховая одежда» [113, Bd. 2, S. 953]. В. Пфайфер с руководимым АК, также как и Ф. Клуге уверенно говорят о славянском заимствовании в германское языковое поле [127, S. 551; 113, Bd. 2,

S. 953]. При этом Ф. Клуге, подобно М. Фасмеру, усматривает заимствование из восточных языков в славянское языковое поле [127, S. 551].

В ракурсе ономастики нем. *Kürschner* встречается в качестве составного компонента топонимов: *Kürschnerweg* (*Kürschner* «скорняк, меховщик», *weg* «путь, дорога») – название улиц (где вероятно находились мастерские скорняков и меховщиков) в г. Дортмунд [165] и в г. Айбельштадт [167] в Германии.

Нами не было найдено реализации русской лексемы в ракурсе фразеологии, что может являться следствием примыкания слова к пласту устаревшей лексики, в то же время немецкое слово, пусть и на достаточно низком квантитативном уровне, обнаруживается в паремиологическом поле: *Beim Kürschner kommen alle Fuchsbälge zusammen* «сколько веревочке не виться, а конец будет» [160, Bd. 2, S. 1729].

Таким образом, большинство современных лингвистов разделяют мнение о славянском заимствовании в германское языковое поле, о чем на семантическом уровне может свидетельствовать трансформация *предмет (корзно) → производитель предмета (der Kürschner «скорняк»)*. Вопрос о восхождении славянских лексем к восточному языковому полю остается открытым. Очевидно различие архисем исследуемых лексических параллелей: предмет/явление – тот, кто его производит. Рассматривая структуру коннотативных макрокомпонентов значений исследуемых лексем, отметим их неэмоциональность и неоценочность. Грамматический макрокомпонент *der Kürschner* – *корзно* идентичен, за исключением родовой принадлежности. С точки зрения функционально-темпорального элемента предъявляемые лексические параллели демонстрируют ключевые различия: немецкая лексема относится к современной лексике, в то время как русская – к устаревшей. Функционально-темпоральный компонент определяет и функционально-частотный, что проявляется в количественном показателе реализации *Kürschner* – *корзно* в области фразеологии.

§ 2.2.5 Лексико-семантическая группа «Женское рукоделие»

Flechten, гл., сильн., «плести, вить, заплетать» – *плести*, гл.

К славянским параллелям нем. *flechten*, восходящим к общеславянской основе **plesti* относятся: укр. *плести*, блр. *плесць*, болг. *плета́*, сербохорв. *плѐсти*, словен., чеш. *plésti*, словац. *pliest'*, польск. *pleść*, в.луж. *plesć*, н.луж. *plasć* [88, т. 3, с. 280]. Первые зафиксированные свидетельства лексемы в славянском языковом поле датируются 11 в. – др.рус. *плести* [93, т. 2, с. 41].

СлРЯ XI–XVII вв. определяет три основных лексических значения *плести*, снабжая каждое временными пометами его фиксации: «переплетать, перевивать однородные части в целое» – 14 в., «сочинять художественное повествование» – 16 в., «говорить что-л. путанное, неправильное» – 15 в. [72, вып. 15, с. 89].

В.И. Даль также, помимо основного значения «переплетать, перевивать», отмечает значение «лгать, врать, путать, клеветать» [29, т. 3, с. 126]. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова усматривают значение «устраивать что-н. сложное, запутанное» [59, с. 523]. Д.Н. Ушаков добавляет к этому перечню значение «сочинять что-н. плохое» (у В.И. Даля – «пописывать плохие стишонки») [80, т. 3, с. 297; 29, т. 3, с. 126]. Вероятно, переносное значение глагола явилось результатом метонимического переноса запутанного, монотонного плетения частей в целое на процесс путанного, монотонного речевого акта («путать, запутывать») со сложным, не всегда понятным, запутанным смыслом [12, с. 451]. Таким образом, очевидна отрицательная коннотация переносных значений исследуемой лексемы в русском языке.

По мнению М. Фасмера семантическая основа «плести, переплетать» является общей для лексем *плести* и *плот* «забор, ограда» (укр. *пліт*, блр. *плот*, др.рус. *плоть* «ограда, плетень», сербохорв. *плѠт*, словен. *plôt* «забор, плетень», чеш., словац. *plot*, польск., н.луж. *płot*, в.луж. *plót* «забор, плетень») [88, т. 3, с. 285]. Родственность *плести* и *плот* усматривает и П.Я. Черных [93, т. 2, с. 41]. Р. Дерксен разделяет этот подход, говоря о *to*-деривации славянской основы:

plok-t-* (plesti*) > **plokt* > **plot* [108, p. 406]. Схожей точки зрения придерживается Ю. Покорный, указывая на др.церк.слав. *plesti* и образованное от него аблаутное *plotъ* «изгородь» [141, Bd. 1, S. 835].

Отметим, что восхождение праславянской основы к индоевропейскому корню не вызывает сомнений у лингвистов-исследователей: **plesti* < **plek-* «плести, сматывать» [93, т. 2, с. 41; 141, Bd. 1, S. 834–835]. П.Я. Черных уточняет пути фонетических изменений, сопровождавших этот процесс в славянском языковом фоне: *kt* > *tt* > *t* [93, т. 2, с. 41].

К этому же индоевропейскому корню **plek-* восходит немецкая лексема *flechten*, о чем уверенно говорят Ф. Клуге и В. Пфайфер со своим АК [127, S. 301; 113 Bd. 1, S. 445–446]. Первые зафиксированные упоминания нем. *flechten*, восходящие к герм. **fleht-a-* «плести», Ф. Клуге датирует 8 в., а АК под руководством В. Пфайфера – 9 в.: др.в.н. *flehtan*, ср.в.н. *vlehten*, др.сакс. *flehtan*, ср.н.н., ср.нидерл., нидерл. *vlechten*, др.сканд. *fletta* [там же].

Интересна гипотеза В. Пфайфера и его АК о и.-е. **plek-*, как о вероятном гуттуральном расширении и.-е. **pel-* «складывать, сгибать». При этом авторы указывают на и.-е. **plek̑-* (др.инд. *prásnaḥ* «тюбан, головная повязка»), еще одно гуттуральное расширение вышеупомянутого и.-е. **pel-* [там же]. Ю. Покорный также говорит о и.-е. **plek̑-* «плести, сматывать, завертывать вместе», к которому восходит нем. *flechten*, как о возможной деривации **pel-* [141, Bd. 1, S. 834–835].

Рассматривая исследуемые лексические параллели в ракурсе фразеологии, отметим, что немецкая лексема отмечена неоценочностью и неэмоциональностью, что и объясняет низкую частотность ее употребления в составе фразеологических единиц: *j-m eine Dornenkrone flechten* «плести кому-л. терновый венок, истязать кого-л.» [14, т. 1, с. 481]. Отметим, что нем. *flechten* реализует денотативный оценочный компонент: *j-m eine Dornenkrone flechten* – негативная семантическая нагрузка, но *Blumen zu einem Kranz flechten* «плести венок из цветов» – нейтральное выражение [там же].

Русская лексема *плести*, помимо основного значения, обладает переносным, демонстрирующим эмоциональность и оценочность, что и является основной

причиной высокой количественности слова в ракурсе фразеологии (преимущественно с отрицательной коннотацией): *Плести плетень* «пустословить, говорить вздор» [50, с. 504], *Плести кружева* «болтать, пустословить, обманывать» [там же, с. 334], *Плести ляды да балясы* «болтать, пустословить, сплетничать» [там же, с. 378], *Долго говорить — тому же быть. Полно плести, пора домой брести!* [28, т. 1, с. 357].

Таким образом, лексические параллели *flechten* – *плести* демонстрируют восхождение к общему индоевропейскому корню **plek-*, который, согласно одной из гипотез, может являться деривацией и.-е. **pel-*. Грамматический макрокомпонент рассматриваемых лексических параллелей идентичен, в то время как их семные составляющие демонстрируют отличие: помимо основного лексического значения, сходного с немецкой лексемой, русское слово содержит значение, основанное на метонимическом переносе. Переносное значение *плести* является причиной различия структурно-коннотативного компонента и уровня количественности исследуемых лексических параллелей в области фразеологии.

Nähen, гл., «шить» – *нить*, сущ., ж.р.

К славянским параллелям немецкой леммы *nähen*, восходящим к общеславянской основе **nitъ*, относятся: рус. *нить*, укр. *нить*, блр. *нітка*, болг. *нішка*, сербохорв. *ниџ*, словен. *nit*, чеш. *nit*, словац. *nit'*, влуж. *nić*, н.луж. *niś*, ст.слав. *нить* [93, т. 1, с. 574]. Первые упоминания леммы в славянском языковом поле датируются 11 в. – др.рус. *нить* [там же].

В славянских языках праслав. **nitъ* реализуется в леммах со значением «часть ткацкого станка»: болг. мн.ч. *ниџы*, н.луж. мн.ч. *niši* «ремизки на ткацком станке», сербохорв. диал. *ниџ* «часть ткацкого станка, состоящая из двух планок, между которых расположены нитяные петли, через которые проходят нити основы», рус. диал. *нит* «часть ткацкого стана, куда подают пряжу», блр. диал. *ніт* «часть ткацкого станка из двух палочек и ниток, через которые продеваются нити основы перед бердом» [97, вып. 25, с. 131–132]. О.Н. Трубочев утверждает, что для обозначения частей ткацкого станка применяется основа **nitъ*, однако, разграничение **nitъ* – **nitъ*, по мнению исследователя, не имеет под собой

весомых оснований, т. к. ткацкие ремизки представляют собой нитяные конструкции, а значит, вероятнее всего, праслав. **nitъ* рано специализировалось на обозначении ткацкой конструкции [там же, с. 133]. Также О.Н. Трубачев, с отсылкой на В. Махека, указывает на возможное восхождение праслав. **nitъ* к корню **nei* «вести, направлять» [там же].

Помимо основного значения «тонко ссученная, скрученная пряжа (для шитья и проч.)» [80, т. 2, с. 580–581], лексема *нить* имеет в славянском языковом поле и переносное значение: рус. *нить* «то, что связно развивается, образуя как бы единую линию, цепь» – *потерять нить разговора; нить воспоминаний; плести нити заговора* [59, с. 418]; ст.чеш. *nít* «крайне малая степень чего-л.» [97, вып. 25, с. 130]; чеш. *nít* «связь, соединение» [там же]; ст.укр. до *нити* «абсолютно все, полностью, до последней вещи» [74, т. 2, с. 52].

Лексема *нить* (*нитка*), в рамках метонимического переноса, встречается в области русской паремии как неотъемлемый элемент женской работы: *Весною день долог, да нитка коротка* (лениво прядется); *Длинная нитка – ленивая швея* [29, т. 2, с. 564]. Также, в составе фразеологических единиц, лексема часто встречается и как компонент метафорического переноса: *висеть на ниточке* «оказываться в опасности, под угрозой гибели», *ходить по ниточке* «беспрекословно подчиняться, повиноваться кому-л.», *нити не вязать* «быть не в состоянии сказать ни слова от сильного опьянения», *на живую нитку* «наскоро, небрежно» [50, с. 435–436], *жить на живую нитку* «жить кое-как, плохо, с минимальным достатком» [89, с. 412]. Зачастую фразеологические единицы с компонентом *нить* обладают отрицательной коннотацией, хотя имеются и обратные примеры: *нить Ариадны* «то, что помогает найти выход из затруднительного положения», *путеводная нить* «направление, выбранное при решении какого-либо вопроса, при выполнении сложного дела, которое позволяет достичь положительных результатов» [там же, с. 413].

Современная славистика однозначно трактует восхождение праслав. **nitъ* к и.-е. **(s)nē, *(s)nēi* «скручивать, ссучивать нити вместе» [93, т. 1, с. 574; 97, вып. 25, с. 133; 141, Bd. 1, S. 973; 88, т. 3, с. 76]. О.Н. Трубачев уточняет при этом, что

nitь* является производной единицей с суффиксом *-t-* от и.-е. **(s)nēi* ((s)ně* с расширением *-i-*) в функции, близкой к форманту страдательного причастия прошедшего времени [83, т. 3, с. 486].

К этой же индоевропейской основе восходит и нем. *nähen*. Первые упоминания лексемы в германском языковом поле относятся к 9 в. и восходят к германской основе **nējan*: др.в.н. *naēn*, ср.в.н. *næjen*, *næn*, *nægen*, *næwen*, ср.н.н. *neuen*, ср.нидерл. *naeyen*, нидерл. *naaien* [113, Bd. 2, S. 1150]. Ф. Клуге предполагает следующую семантическую трансформацию лексемы: «скручивать, прясть» → «нить» → «шить» [127, S. 647].

Рассматривая глагол *nähen* в ракурсе немецкой фразеологии, мы можем обнаружить сему «то, что относится только к женскому труду»: *Nähen, spinnen, schwätzen, lügen, ihren besten Freund betrügen und nicht können schweigen, ist den Weibern eigen* «Шить, прясть, сплетничать, лгать, обманывать своего лучшего друга и не уметь молчать свойственно женщинам» [160 Bd. 3, S. 867].

Также, в немецком языке встречаем фразеологические единицы со словом *nähen*, имеющие в своей основе метафорический перенос: *Doppelt genäht hält besser* «двойной шов прочнее» – рус. *Кашу маслом не испортишь*; *Schlecht genäht, halt nicht* «то, что плохо пришито, не держится» – для обозначения того, что сделано впопыхах, на скорую руку (мимолетно заключенная сделка, мимолетно заключенная дружба) [там же, S. 866–867].

Таким образом, лексические параллели *nähen* – *нить*, обнаруживают восхождение к общему индоевропейскому архетипу. Рассматривая структурно-языковые характеристики исследуемых лексем, мы обнаруживаем сходство их функциональных компонентов (функционально-стилистических, функционально-территориальных, функционально-темпоральных, функционально-частотных) и различие грамматических (глагол – имя существительное). Различие грамматических компонентов исследуемых лексических параллелей перекликается с семантической трансформации нем. *nähen*, указанной Ф. Клуге. В русском языке *нить* имеет переносное лексическое значение, закрепленное соответствующими пометами в лексикографических источниках, что не

наблюдается в немецком языковом поле. Вероятно, этот факт может служить причиной более широкой, по сравнению с *nähen*, реализации лексемы *нить* в области фразеологии.

Spinnen, гл. «прясть» – *распять*, гл.; *пнуть*, гл.

К славянским параллелям нем. *spinnen*, восходящим к праслав. *pęti*, *pъnъ* «натягивать, растягивать» относятся: укр. *п'ясти* «натягивать», блр. *пяць* «давить», болг. *пъна* «натягиваю», сербохорв. *пéти*, словен. *péti*, чеш. *píti*, словац. *pnút'*, польск. *piąć*, ст.слав. *пати* «натягивать» [88, т. 3, с. 292].

П.Я. Черных отмечает, что современное значение лексемы в русском языке *пинать* – «наносить удар, толкать, пихать кого-л. ногой» не встречается в древнерусских источниках [93, т. 2, с. 33]. В подтверждение этой точки зрения находим у И.И. Срезневского др.рус. *пънати* в значении «растягивать, разставлять», с датируемым источником материала – 15 в. [76, т. 2, с. 1760] и *пати* в значении «растягивать, протягивать» – 16 в. [там же, с. 1795].

В СлРЯ XI–XVII вв. также представлены семантические различия лексемы *пяти*, с указанием временных дифференцирующих помет: «растягивать», «натягивать» – 16 в. и «пинать» – 1686 г. [72, вып. 21, с. 94]. Развивая свою точку зрения о семантической трансформации *пинать* – «тянуть, растягивать» → «наносить удар / толкать ногой», П.Я. Черных выдвигает гипотезу о возникновении значения «пнуть ногой» в рамках глагола *запинати* «создавать помеху» [93, т. 2, с. 33]. Исследователь уточняет, что возможность реализации праслав. *pęti* в глаголах современного русского языка существует только вкупе с приставками – *распять* [там же]. В то же время В.А. Никонов приводит пример отчества *Пинаев*, образованного от прозвища или нецерковного имени *Пинай*, которое, в свою очередь восходит к глаголу *пинать* «толкать» [57, с. 91]. При этом исследователь датирует зафиксированные упоминания антропонима 1613 г. [там же].

В ракурсе фразеологии лексема *пинать*, в своем современном значении, зачастую проявляет отрицательную коннотацию: *пинать тазики* «бездельничать» [50, с. 656], *пинать уши* «говорить вздор, ерунду» [там же, с. 695]; *Куму блинами*,

а *Фому пинками* (об отношении к незваному гостю; к тому, кому не рады) [28, т. 2, с. 266].

Что касается лексемы *распять*, то в форме несов. страд. *распинаться* глагол получает переносное значение «хлопотать, прилагать усилия ради кого-л., чего-л.» – *А я еще распиналась за вас перед отцом!* [80, т. 3, с. 1236]; «утверждать что-л., стоять на чем-л. головою» – *Купец за свой товар распинается* [29, т. 4, с. 66–67]. *Она божится, распинается, что сама видела* [там же, с. 67]. *За чужую душу не распинайся!* [там же]. Возможно, значение основано на метафорическом переносе: распятый Христос, радеющий за прощение людских грехов → человек, радеющий за кого-л., за что-л.

В славистике также существуют гипотезы о родстве между праслав. **pęti* и праслав. **pędъ* «пядь» (М. Фасмер, О. Грюненталь) [88, т. 3, с. 422–423; 27, с. 135], праслав. **pęti* и праслав. *pęta* «пята, пятка» (Ю. Покорный, Р. Дерксен) [141, Bd. 1, S. 988; 108, S. 399]. При этом восхождение славянских лексем к индоевропейской основе **(s)pen-(d-)* «тянуть, растягивать» не подвергается сомнению [там же].

К и.-е. **(s)pen-(d-)* также относится и герм. **spenna* / **spennan* «прясть» и восходящие к этой основе: др.в.н. *spinnan*, ср.в.н., ср.н.н., ср.нидерл., нидерл. *spinnen*, др.англ. *spinnan*, англ. *to spin*, нем. *spinnen* «прясть» [113, Bd. 3, S. 1675]. Первые письменные упоминания лексем в германском языковом поле относятся к 8 в. [там же; 127, S. 868]. В. Пфайфер со своим АК и Ф. Клуге сходятся во мнении, что *spinnen* представляет собой глагол, с образующим формы презенса *-n-* и этимологизируется до общего архетипа **(s)pen-(d-)*, однако Ф. Клуге указывает также и на иной возможный путь развития *spinnen*. Так, по мнению исследователя, на основе семантической близости нем. *spinnen* и др.церк.слав. **pręsti* «прясть», восходящего к и.-е. **(s)prend-* «вращать, крутить», возможна следующая трансформация: и.-е. **sper-* «вращать, крутить» → **spr-en* → **spr-en-d* → **sprend-n* (с презенснообразующим *-n-* для германских языков) → **spend-n* (со свойственным немецкому языку выпадающим *-r-*) [127, S. 868].

Основываясь на метонимическом переносе, глагол *spinnen* (нем. *spinnen* – «скручивать нить из волокон (с помощью прялки или какого-л. приспособления)» [113, Bd. 3, S. 1675]) реализует переносное значение «плести – замышлять», «плести – рассказывать небылицы, выдумывать»: *Ränke spinnen* – плести интриги, строить козни, *Seemannsgarn spinnen* – травить байки (матросские), плести небылицы [54, с. 787]. Еще одно значение глагола, хотя и устаревшее, «отбывать срок в тюрьме» основано на существовавшей в старых тюрьмах обязанности заключенных прясть [127, S. 868].

Реализуясь в ракурсе фразеологии, *spinnen* зачастую употребляется с лексическими единицами, выражающими отрицание: *wir spinnen keinen guten Faden miteinander* «мы не ладим друг с другом» [54, с. 787]; *dort hat noch niemand Seide gesponnen* «там еще никто не преуспел» [14, т. 2, с. 371]; *Es ist nichts so fein gesponnen, es kommt doch endlich an die Sonnen* «нет ничего тайного, что не стало бы явным», «шила в мешке не утаишь» [там же]. В приведенных примерах прослеживается метафорический перенос *неудавшееся прядение* → *неудавшееся дело / процесс*, что отражает важность женского рукоделия, в частности прядения, для быта людей средневековья. Также в немецкой фразеологии находим: *er muß tüchtig spinnen* «ему приходится здорово вкалывать» [там же], где ставится знак равенства между прядением и тяжелой работой.

Таким образом, исследуемые лексические параллели *spinnen* – *распять*, *пнуть* демонстрируют общую индоевропейскую основу **(s)pen-(d-)* и обнаруживают сходство функционально-стилистического, функционально-территориального, функционально-темпорального, функционально-частотного компонентов и грамматического макрокомпонента (совпадающую частеречность). Лексема *пнуть* реализует семантическую трансформацию, утрачивая сему «растягивать, вытягивать», лексемы *spinnen* и *распять* сохраняют ее как интегральную архисему. В области фразеологии нем. *spinnen* имеет гораздо более высокую частоту употребления по сравнению с русскими *пнуть*, *распять*, что объясняется наличием у немецкой лексики переносного значения. Глагол *распять* также обладает значением переносным, однако разница в

функционально-стилистическом компоненте между переносными значениями *spinnen* (разг.) – *распять* (высок.), закреплённая соответствующими пометами в лексикографических источниках, является определяющим фактором количественности исследуемых лексем.

§ 2.3 Лексико-семантическое поле «Чувства, эмоции»

Эмоции являются одним из компонентов не только эмпирического познания, но и чувственного отражения человеком окружающей его действительности, его душевного состояния. Языковая реализация внутренних переживаний представляет собой продукт культуры, традиций, социальных установок народа к которому принадлежит говорящий.

§ 2.3.1 Лексико-семантическая группа «Недоброжелательность»

Grimm, der, сущ., м.р. «ярость, гнев» – *греметь*, гл., *гром*, сущ., м.р.

К славянским параллелям нем. *Grimm*, восходящим к праславянской глагольной основе **grǫmĕti* относятся: ст.слав. *grъmъти*, болг. *гърмя*, макед. *грми*, сербохорв. *gr̃mъeti* «греметь (о громе)», словен. *grmĕti*, чеш. *hřmĕti* «греметь, грохотать», словац. *hrmiet'*, полаб. *gramăt* «греметь (о громе)», польск. *grzmieć* «греметь», др.рус., рус.церк.слав. *grъmъти* [97, вып. 7, с. 163–164].

К номинативной праславянской основе **gromъ* восходят: ст.слав. *громъ* «гром», макед. *гром*, сербохорв. *grȍm*, словен. *grȍm*, чеш. *hrom*, польск. *grom*, др.рус., рус.церк.слав. *громъ* [там же, с. 138]. Среди славистов выработалась единая точка зрения, согласно которой *гром* является аблаутной формой *греметь* [93, т. 1, с. 220; 88, т. 1, с. 460; 102, Bd. 1, S. 354; 96, т. 1, вып. 4, с. 176]. Р. Дерксен уточняет, что нулевая ступень, по аналогии с полной ступенью, была, возможно,

метатезирована в балто-славянский период [108, р. 195]. Подобное единодушие славистов отмечается и в реконструкции индоевропейского субстрата **ghrem / *ghrom-* [93, т. 1. с. 215, 220; 141, Bd. 1, S. 458; 97, вып. 7, с. 138; 96, т. 1, вып. 4, с. 166, 176; 108, р. 190, 195].

Первые письменно зафиксированные упоминания исследуемых славянских лексем *греметь / гром* датируются 11 в. и 12 в. соответственно: *Гремлеши о шеломи мечи харалужными* (11 в.) [76, т. 1, с. 587], *Юдинъ ѿ дѣѣкъ, зараженъ быѣ ѿ грома* (12 в.) [там же, с. 597].

СлЦСРЯ фиксирует следующие значения *греметь*: «производить громкий звук» – *Гремитъ, благоговѣй, сынъ персти* [73, т. 1, с. 291]; «звенеть» – *У него въ карманъ гремятъ деньги* [там же]; «производить на чем-л. звуки; играть на каком-л. инструменте» – *Греметъ на лиръ, на арфѣ* [там же]; «говорить сильно, разительно против чего-л.» – *Златыми прежде ты гремѣлъ въ церквахъ устами* [там же]; «славиться» – *Онъ гремитъ своими подвигами* [там же]. Современные лексикографические источники сужают семантический охват лексемы, фиксируя помимо основного «производить громкие звуки», одно переносное «иметь широкую и громкую известность» [59, с. 144].

Такое же сужение семантического поля в аспекте диахронии прослеживается у лексемы *гром*. В «Словаре Академии Российской» указаны следующие значения: «сильный звук, стук от удара, биения» – *Громъ трубъ, литавръ, барабановъ* [69, ч. 2, с. 360]; «гроза» – *Прежде грома предваряетъ молнія* [там же]; «собрание многих важных, высоких и отборных к стати или не к стати употребленных слов» – *Въ иныхъ одахъ только громъ въ словахъ, а мыслей ничего нѣтъ* [там же, с. 361]; в выражениях со значением «стрелять» (обозначение звука огнестрельного оружия) – *Громъ лущать* [там же]. В современной лексикографии у С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой указаны: «сильный грохот, раскаты, сопровождающие молнию во время грозы» и «сильный шум, звуки ударов» [59, с. 146].

Славянские лексемы *греметь / гром* встречаются в качестве компонентов зоонимов и фитонимов, а также как ономастические компоненты: *полосатый*

гремучник (*Crotalus horridus*, вид змей) [2, с. 340], *гремянка* (*Ballota lanata*, растение) [6, с. 60], *гремушник* (*Rhinanthus Crista Galli*, растение) [там же, с. 295], *Гремислав* [78, с. 82], *Громан* (болг. защитное имя, чтобы не «убило громом») [там же], *Громыхало Матвей, дьячок, 1548 г.* [17, с. 90].

В ракурсе фразеологии *гром* отличается большей количественностью в сравнении с *греметь*, при этом к основным семам, реализуемым лексемами относятся «громкий звук» и «природное явление», а значения самих фразеологических единиц чаще всего относятся к семантическим полям «погодные условия», «наказание», «неожиданность», «беда», «негодование», демонстрируя нейтральность, либо отрицательную коннотацию: *Гром зимой – к сильным ветрам* [28, т. 2, с. 374]; *Когда гром гремит, выноси лопату на двор* [там же, с. 377]; *Гром не грянет – мужик не перекрестится* [28, т. 1, с. 374]; *Гром небесный* [89, с. 159]; *Как гром среди ясного неба!* [там же]; *Гром грянул!* [50, с. 165]; *Разрази его гром!* [там же].

К первым письменно зафиксированным упоминаниям нем. *Grimm*, *der* относятся: ср.в.н. *grim*, ср.н.н. *grim(me)* «ярость, свирепость» [32. Bd. 1. S. 605]. По мнению В. Пфайфера и возглавляемого им АК, в период ран.нов.в.н. первоначально преобладали абстрактные существительные ж.р. – др.в.н. *grimmī(n)* «жестокость, ярость, свирепость, суровость» (8 в.), ср.в.н. *grimme* «гнев, дикость» – производные от прил. др.в.н. *grim(mi)* «жестокий, дикий, суровый» [там же]. Исследователи усматривают последующий переход существительного в мужской род посредством субстантивации этого же прилагательного под влиянием ср.в.н. *grimme tuot* «чувство гнева», не отвергая при этом возможность возникновения мужского рода из флектированных форм женского [там же]. Ф. Клуге, также рассматривающий нем. *Grimm* как абстракцию от прил. *grim* «свирепый, яростный», возводит лексему к германской адъективной основе **gremma-* «яростный, свирепый» [31. S. 375].

В. Пфайфер с АК реконструирует нем. *Grimm* до и.-е. **ghrem-* «звучать громко и приглушенно, греметь, грохотать, сердиться» [113, Bd. 1, S. 606]. Ф. Клуге, рассматривая нем. прил. *grim*, как основу для *Grimm*, также в качестве

индоевропейского субстрата указывает на и.-е. **ghrem-*, но в качестве посредника видит аблаутное нем. *gram* «злобный»: *Grimm* < *grimm* < *gram* < **ghrem-* [127, S. 375, 369]. Причины геминации исследователь считает неясными [там же, с. 375]. Согласно мнению научного руководителя, Г.Е. Корнилова, геминацию в эмоционально окрашенных квазиомонимах типа *grimm* ~ *Grimm*, также как и в модальных глаголах типа *können*, *müssen*, *sollen*, *wollen* нельзя ничем объяснить, кроме как своеобразным способом маркировки несомненной речевой экспрессии, возвышенной до языковой нормы.

Реализация нем. *Grimm* в ракурсе фразеологии достаточно узкая: *seinen Grimm an j-m. auslassen* «излить (обрушить) свой гнев на кого-л.» [14, т. 1, с. 572]. Также отмечается низкая квантитативность лексемы в качестве компонента фитонимов – *Grimmkraut* «крестовник обыкновенный» (*Senecio vulgaris*) [6, с. 326–327].

Таким образом, исследуемые лексические параллели *Grimm* – *греметь*, *гром* обнаруживают восхождение к общему индоевропейскому субстрату. Полисемия славянских лексем шире, хотя и отмечена сужением в ракурсе диахронии. Такая же квантитативная тенденция прослеживается при сопоставлении *Grimm* – *греметь*, *гром* в аспекте фразеологии, антропонимики, зоонимики, фитонимики. Русское лексическое поле проводит параллель между дифференцируемыми посредством аблаута гл. *греметь* и сущ. *гром*, немецкое языковое поле проводит параллель между прил. *grimm* и сущ. *Grimm*.

Drohen, гл. «грозить, угрожать» – *травить* гл.

К славянским лексическим параллелям нем. *drohen* относятся: ст.слав. *травити*, рус. *травить*, укр. *травити* «переваривать, потреблять, травить», сербохорв. *trávit* «кормить травой», чеш. *trávit* «переваривать, потреблять, отравлять», словац. *trávit'*, польск. *trawić* «проводить (время)», «истреблять, переваривать» [88, т. 4, с. 92].

В славистике сложилось мнение о связи лексем *травить* и *тереть*: М. Фасмер указывает на серб.церк.слав. *трыти*, болг. *трѣя* «тру, вытираю» [там же]. М. Фасмер, П.Я. Черных указывают также на **traviti*, как на каузатив **truti*

(рассматриваемый, в свою очередь, как аблаутная основа **tryti* «тереть») [88, т. 4, с. 92; 93, т. 2, с. 255]. Не вызывает сомнений в среде языковедов и родство *травить* с лексемой *трава* (реализующей в славянских языках чередование *a:ě*), где **traviti* > **trava*: укр. *трава*, др.рус. *трава*, ст.слав. *трава*, *трѣва*, болг. *трѣва*, *травá*, словен. *tráva*, польск. *trawa*, в.луж. *trawa*, н.луж. *tšawa* [88, т. 4, с. 91]. На чередование гласных указывает и Р. Дерксен: *trāva* – *trēva* [108, р. 496–497]. А. Мейе отмечает, что славянский звук *ě* обозначался в ст.слав. как *ѣ*, в рус. как *е*, неспособное в ударной позиции произноситься как *ě*, что свидетельствует о его (*ě*) «йотированности» [48, с. 39]. По мнению исследователя, общеслав. *ě*, будучи очень долгим и открытым *e*, образует пару с *a*, что находит свое отражение в дублетах *trѣва* (болг. *трѣва*) – *trava* (рус. *трава*) [там же, с. 39–40]. А. Мейе отмечает стремление старославянского языка к объединению **^br* и **^bṛ* (мягкого и твердого *r*) [там же, с. 83].

Восхождение *травить* к индоевропейскому субстрату является общепризнанной точкой зрения в современной славистике: ст.слав. *травити* < общеслав. **truti* < и.-е. **treu-* (: **trōñ-: *trū-*) < и.-е. **ter-* «тереть» [93, т. 2, с. 255; 141, Bd. 1, S. 1071–1073].

Лексическое значение *травить* отмечено трансформациями в диахроническом аспекте. СлРЯ XI–XVII вв. фиксирует следующие значения исследуемой лексики: «портить, вытаптывать» – *А сказали волостные люди, что травятъ тое пустоши проезжие всякие люди, потому что стала та пустошь... на большои дороги* (16 в.); «совершать потраву, выпуская на посевы скотину» – *У тихъ пустошей сенные покосы травятъ животомъ Яковъ... да Семейко* (16 в.); «причинять вред» – *А огородовъ намъ въ осень до Здвиженъева дни честного креста на всякъ годъ не разгораживати и скоту намъ въ поля не пущати, другъ друга не травити* (1589 г.); «расходовать, тратить на корм животным» – *А ловчему нашему, и охотникомъ, и псаремъ у нихъ не стояти, и не начевати, ни сена, ни овса не травити, ни собакъ не кормити* (1495 г.); «напускать, натравливать» – *Иныхъ хотѣли пытать и собаками травить* (1621 г.); «уничтожать, истреблять» – *Лишняя стужа, внутрь вогнанная, травит*

причины многихъ болезнейъ и... дѣлаетъ долгое житіе (16 в.); «обрабатывать поверхность кислотой для получения узора» – *Самопаль съѣе жеи..., замокъ весь травленъ водками* (1589 г.) [72, вып. 30, с. 89–90]. СлЦСРЯ фиксирует лексему *травить* как морской термин – «ослаблять, отпускать понемногу веревку, канат» [73, т. 4, с. 291–292]. СлРНГ отмечает прямо противоположные значения: «колдовством вызывать болезнь» – Новг. *Когда человек, который колдует, он вредит людям, травит дворы, скотину, портит людей*; «лечить» – Камышл. *Сейчас на дому перестали травить*; «тратить, расходовать что-л. понапрасну, без пользы» – Новг. *Без ума суму кроить, только кожу травить*; «накладывать запрет на что-л.» – Том. *И почету теперь нет, ну, травили это все*; «сердить, подзадоривать, дразнить»; «несколько раз пахать землю, мелко бороновать перед посевом» [71, вып. 44, с. 337–338]. В современном русском языке встречаем также и простореч. *травить* – «заниматься болтовней, рассказывать небылицы» [59, с. 806].

В поговорках и фразеологических единицах, предъявляющих чаще всего отрицательную коннотацию, лексема *травить* реализуется в значениях «расходовать без пользы», «рассказывать небылицы»: *травить байки, травить баланду* [89, с. 688]; *Корм коня дороже. Этот конь корму не стоит. Не в коня корм травить* [28, т. 2, с. 41]; *Чужое бережи – не свое травить* [там же, с. 111]; *С умом суму кроить, а без ума – только кожу травить* [там же, с. 378].

Первые упоминания нем. *drohen* датируются лексикографическими источниками 8 в.: др.в.н. *throuwen, threwen* (ок. 800 г.), др.сакс. *githrōon*, ср.н.н. *drouwen*, ср.нидерл. *druwen*, нидерл. *drouwen*, др.фриз. *brūwan*, др.англ. *brēagan, brēawian* «упрекать, пороть, наказывать, угрожать, нападать» [113, Bd. 1, S. 308].

В. Пфайфер с АК приходят к выводу, что др.в.н. *throuwen*, ср.в.н. *drouwen, drewen, dröuwen, dröun* находят свое продолжение в нов.в.н. умлаутной форме *dräuen* «угрожать», которая сохраняется в качестве составной единицы поэтической и исторической лексики, а безумлаутные формы исчезают [там же]. Ф. Клуге, в свою очередь, помечая форму *dräuen* как устаревшую, рассматривает ее как продукт влияния субстантивных форм ср.в.н. *drō, drouwe* «угроза».

В. Пфайфер и возглавляемый им АК относят к стяженным формам ср.в.н. *drōn* и нов.в.н. *drohen* (где *-h-* является орфографическим маркером долготы) [там же].

Не вызывает сомнений в среде языковедов в восхождении нем. *drohen* к зап.герм. *þrawjan* «грозить, угрожать», с последующей этимологизацией до индоевропейского субстрата: нем. *drohen* < зап.герм. *þrawjan* < и.-е. **treu-* (**trū-*) «толкать, давить» < и.-е. **ter-* «тереть» [113, Bd. 1, S. 309; 127, S. 217; 141, Bd. 1, S. 1073].

В семантическом поле нем. *drohen* реализует значения: «грозить, угрожать, запугивать кого-л.» – *jmdm. mit dem Finger, mit der Faust, mit dem Stock drohen* «грозить кому-л. пальцем, кулаком, палкой» [112, S. 448]; «грозить наступлением чего-л. неприятного» – *ihm droht Gefängnis* «ему грозит тюрьма» [54, с. 228]; «собираться сделать что-л. опасное, неприятное» – *Es droht ein Gewitter* «собирается гроза» [там же]; *Er drohte vor Erschöpfung zusammenzubrechen* «он грозил (был готов) рухнуть от истощения» [112, S. 448].

Квантитативный показатель реализации нем. *drohen* в области фразеологии довольно низок: *Wer lange droht, macht dich nicht tot* «кто много грозит, тот мало вредит» [14, т. 1, с. 228].

Таким образом, лексические параллели *drohen* – *травить* предъявляют восхождение к общему индоевропейскому архетипу. Рассматривая лексемы в ракурсе структурно-языковых характеристик, мы обнаруживаем сходство их функциональных макрокомпонентов (функционально-стилистических, функционально-темпоральных, функционально-частотных микрокомпонентов) и макрокомпонента грамматического (частеречность). *Drohen* – *травить* демонстрируют разную степень широты семантического охвата, особенно в ракурсе диахронии. Славянское лексическое поле указывает на родство исследуемой лексики со словом *травя*, в то же время германские языки исключают наличие лексических единиц с подобным значением в парадигме *drohen*. Область фразеологии отмечена разной степенью квантитативности лексических параллелей *drohen* – *травить* (в русском языке уровень квантитативности выше, чем в немецком).

Fluchen, гл. «ругаться, проклинать» – *плакать* гл.

К славянским лексическим параллелям нем. *fluchen*, восходящим к общеслав. **plakati* относятся: др.рус. *плакати*, рус. *плакать*, укр. *пла́кати*, брл. *пла́каць*, сербохорв. *пла̀кати*, словен., чеш. *plakati*, польск. *plakać*, в.луж. *plakać*, н.луж. *plakaś* [93, т. 2, с. 37–38].

Славянское лексическое поле располагает также возвратной формой исследуемого глагола: *плакати* – *плакатисѧ* [76, т. 2, с. 950–951], *плакати* – *плакатися* [72, вып. 15, с. 70–71]. А. Мейе указывает, что для выражения значения, передававшегося в общеиндоевропейском языке медиальными окончаниями, славянские языки (утратившие эти окончания) предъявляют присоединение безударного винительного падежа возвратного местоимения *сѧ* [48, с. 263]. Реализуя значение возвратности, местоимение *сѧ* маркирует в старославянском языке и семантическую дифференциацию слов: *плакахомъ вамъ* – *плакати сѧ*, где вторая лексема выражает чувство субъекта – «плакать» (по аналогии с *молити* «молить» – *молити сѧ* «молиться») [там же]. В. Махек также усматривает значение возвратности в мест. *se* в лексическом гнезде *плакать* (чеш. *plakati*) [132, S. 453].

Позднее указанный семантический нюанс нивелируется и исследуемая лексема со своей возвратной формой реализуют следующие значения: «плакать» – *Яко же и кръвоточивая приде къ Хсѹ плачюшти и трепечюшти, своя дѣля кръвьныя нечистоты* (1076 г.) / *Съ стражуштимѣ страдаѣ, и съ плачюштимѣ зѣло плакати сѧ* (1057 г.); «оплакивать» – *Съгрѣшаюштааго плачи, а не убожаюштааго; венъчати бо сѧ иматъ сѣи, а онъ мучити* (1076 г.) / *Слышан бысть плачь и рыдание и вѣплъ мѣногъ, Рахииль плачуущѣ чядѣ своихъ* (1057 г.); «оплакивать свои грехи (вид покаяния)» – *Затворивъ же сѧ въ пещерь и подѣстѣлавъ себѣ вѣртище и попелъ, не вѣста от земля, ни прѣста плача* (11 в.) / *Старѣцъ же моляше сѧ гл҃я: простите мя, оѣи, плакати сѧ грѣхъ своихъ* (11 в.) [72, вып. 15, с. 70–71]. СлРЯ XI–XVII вв. приводит уточняющую дифференциацию по следующим значениям: «просить с плачем (что?)» – *На уличи скѣрбъ другъ съ другомъ, дома тѣска, зряще дѣтѣи плачюще хлѣба*

(1230 г.) / «просить о чем-л. с плачем» – *Плакахся къ бѹ, да бы видѣль чюда* (1418 г.); «горько жаловаться, плакаться (на кого?)» – *И снохи мои должникомъ заплатятъ... чтобы на мене должники мои не плакали* (1452 г.) / «горько жаловаться, плакаться» – *Николи же не прѣзьри убога плачущия ся, да не прѣзьримы будутъ слезы мольбы твоя* (1076 г.) [там же].

В современном русском языке исследуемая лексема реализует одно основное значение «плакать» и несколько переносных (демонстрирующих метонимический перенос, основанный на физической форме или эмоциональном состоянии), зафиксированных в лексикографических источниках: разг. «быть предназначенным кому-н. (о чём-нибудь неприятном)» – *Палка по нему плачет*; «покрываться каплями выделяемой влаги» – *Запотевшие окна плачут*; «о том, что пропало, что могло бы быть, но уже не будет» – *Плакал твой отпуск* [59, с. 520].

Славистика выработала единый подход к семантической трансформации *плакать*. Так М. Фасмер, П.Я. Черных и В. Махек указывают на первоначальное значение, возникшее на славянской почве – «бить себя в грудь (в исступлении, в скорби)» [88, т. 6, с. 272; 93, т. 2, с. 38; 132, S. 453]. Значение «бить, ударять» имеет и.-е. основа **plāk-: *plāg-: *plēk-: *plēg-*, к которой восходит общеслав. **plakati* (< рус. *плакать*), о чем говорят Р. Дерксен, П.Я. Черных, В. Махек и Ю. Покорный [108, р. 402; 93, т. 2, с. 38; 132, S. 453; 141, Bd. 1, S. 832].

В ракурсе ономастики рус. *плакать* реализуется в антропонимах *Осип Плаксин*, крестьянин (1597 г.); *Василий Никонович Плакса Бутурлин*, стольник (1625 г.); *Плаксень*, крестьянин (1564 г.) [17, с. 246]. Также рус. *плакать* встречается как атрибутивный компонент фитонимов – *Плакучая ива*, *Плакучая береза*, *Плакучий кедр* [59, с. 520]; и как собственно фитоним – *плакун* (*Veronica longifolia*) [6, с. 377].

Во фразеологическом поле рус. *плакать* реализует семы «горевать», «жаловаться», предъявляя высокую квантитативность (особенно в поговорках): *Не плачут в Рязани по псковскому недороду* [28, т. 2, с. 118]; *Все видят, как веселюсь, а никто не видит, как плачу* [там же, т. 1, с. 131]; *Не послушался нас, так плачься на себя* [там же, т. 2, с. 129]; *плакать (плакаться) в жилетку* [90, с. 321].

Первые письменно зафиксированные упоминания нем. *fluchen*, восходящие к герм. **flōkan-* «хлопотать, оплакивать, сетовать» [129, р. 148], датируются в лексикографических источниках 9 в.: др.в.н. *fluohhōn*, *fluohhan*, ср.в.н. *vluochen*, др.сакс. *flōkan*, ср.н.н. *vlōken*, ср.нидерл., нидерл. *vloeken* «поносить, проклинать, ругать», др.англ. *flōcan* «аплодировать», гот. *flōkan* «сетовать» [113, Bd. 1, S. 454].

Дальнейшая этимологизация герм. **flōkan-* приводит к и.-е. **plāk-/plāg-* [127, S. 306; 113, Bd. 1, S. 454]. Р. Дерксен уточняет, что очевидное несоответствие герм. **flōk* и праиндоевроп. **pleh₂k-* может быть результатом влияния итератива **flakk / gon* [129, р. 148].

Лексическая трансформация нем. *fluchen* не вызывает сомнений в среде языковедов. Так, Ф. Клуге отмечает взаимосвязь процесса проклятия и аффективного жеста – битья в грудь [127, S. 306]. В. Пфайфер с АК уточняет, что значение «проклинать, желать кому-л. зла» в современном немецком языке чаще выражается лексемой *verfluchen*, в то время как нем. *fluchen* реализует значение «грубо ругаться» [113, Bd. 1, S. 454].

Квантитативный показатель исследуемой лексики в области немецкой фразеологии достаточно низок, при этом сами фразеологические единицы с компонентом *fluchen* предъявляют отрицательную коннотацию: *er flucht wie ein Landsknecht* «он ругается как извозчик» [15, т. 1, с. 691]; *j-m alles Böse an den Hals fluchen* «желать кому-л. всяческих напастей» [там же].

Таким образом, исследуемые лексические параллели *fluchen* – *плакать* демонстрируют восхождение к общей индоевропейской основе и общий вектор семантической трансформации в диахроническом аспекте. Обнаруживается сходство исследуемых лексем в ракурсе структурно-языковых характеристик: функционально-стилистических и функционально-темпоральных микрокомпонентов и грамматического макрокомпонента (частеречность). Реализуемая степень квантитативности лексических параллелей *fluchen* – *плакать* в области фразеологии различна (в русском языке уровень квантитативности выше, чем в немецком). В славянском лексическом поле рус.

плакать характеризуется неоценочностью, в то время как нем. *fluchen* предьявляет коннотативную оценку.

§ 2.3.2 Лексико-семантическая группа «Любовь, привязанность»

Lieb, прил., «милый, дорогой, любимый» – *любий*, прил.

К славянским лексическим параллелям нем. *lieb*, восходящим к праслав. **l'ubъ(jь)* «милый, приятный» относятся: ст.слав. *любъ* «милый, приятный», *любо*, нареч. «угодно», сербохорв. *ľub* «дорогой, любимый», словен. *ljũb*, *ljũba* «милый, дорогой», *ljubi* «любимый», чеш. *libũ* «милый, дорогой, приятный», словац. *l'ubũ* «милый, дорогой; привлекательный, приятный», в.луж., н.луж. *luby* «милый, дорогой, любимый», польск. *luby* «милый, любимый, дорогой, приятный», др.рус., рус.церк.слав. *любыи* «любимый, возлюбленный, дорогой» [97, вып. 15, с. 181–182].

Лексическое гнездо праслав. **l'ubъ* весьма обширно. В его орбиту включены гл. *любить* (<**l'ubiti*) – укр. *любити* (но *кóхати* в значении «переживать привязанность к кому-л.») [93, т. 1, с. 497], блр. *любiць* (но *кахаць* в значении «переживать привязанность к кому-л.») [там же], болг. *любя*, макед. *љуби* «любить, целовать», словен. *ljũbiti* «любить, ласкать, обещать, заверять, нравиться», сербохорв. *ľubiti* «любить, целовать, желать, вожделать», словац. *l'ubiti* «любить», польск. *lubić* «любить», др.рус., рус.церк.слав. *любити* [97, вып. 15, с. 174–175]; и сущ. *любить* (<**l'uby*) – ст.слав., др.рус. *любы*, укр. *любов*, блр. *любоў*, ст.чеш. *luby*, болг. *любов*, сербохорв. *љубав*, *љубов*, словен. *ljubav* [96, вып. 9, с. 199]. Трансформация формы им. п. ед. ч. *любы* > *любовь* оценивается исследователями как результат влияния косвенных падежей [там же, 48, с. 344].

В славистике не сложилось единого мнения о производности гл. *любити* от прил. *любий*. Так Н.М. Шанский и А.Ф. Журавлев усматривают **l'ubi-ti* < **l'ubъ* [96, вып. 9, с. 198]. А. Мейе придерживается схожей точки зрения, уточняя, что образование каузативных глаголов на *-iti* могло осуществляться от любых имен

или отименных образований: *любъ* > *любить* [48, с. 191–192]. Э. Бернекер также является сторонником гипотезы деноминативности **l'ubiti* (< **l'ubъ*) [102, Bd. 1, S. 757]. В свою очередь О.Н. Трубачев усматривает относительную семантическую и грамматическую самостоятельность **l'ubiti*, указывая на невозможность рассмотрения глагола как производного от прил. **l'ubъ* [97, вып. 15, с. 175–176]. Исследователь отмечает, что гл. **l'ubiti*, обладая внешними признаками типичного каузатива (-*iti*), реализует значение переходного глагола, предъявляя тем самым доказательство наличия более длительных, древних отношений: праслав. **l'ubiti* < и.-е. **leubhej-* (сюда же др.инд. *lobháyati* «вызывать, возбуждать желание») [там же, с. 176].

Принадлежность праслав. **l'ubъ* к индоевропейскому субстрату – **l'ubъ* < **leubh-* [97, вып. 15, с. 182; 141, Bd. 1, S. 683–684; 93, т. 2, с. 498; 108, р. 281], как и невозможность германского заимствования не подвергаются сомнению в славистике: **l'ubъ* < **leubh-* [88, т. 2, с. 545; 102, Bd. 1, S. 757–758].

Исследуемая лексема *любый* принадлежит к пласту устаревшей лексики, что отражают соответствующие пометы в современных толковых словарях [66, т. 2, с. 106]. В исторических лексикографических источниках слово предстает в качестве полисемической единицы: в значении «любимый, возлюбленный, дорогой» – (С)ну мои любыи, врьмя съконьчания ми приспѣ (1076 г.) [72, вып. 8, с. 341]; в значении «нравящийся, отвечающий чьим-л. склонностям, вкусам» – Добро почитанье и любое оученье дхѣны(х) встѣхъ [70, т. 4, с. 480]; в значении «приятный, угодный» – И потомъ собра(х) словца си любая. и складохъ по раду и написа(х) (1096 г.) [там же].

Ф.П. Филин, помимо вышеуказанных значений «милый», «приятный», «такой, который приходится по душе», фиксирует употребление *любый* в значении «красивый» (в форме *любѣ*) – Мурман. Пана река любе (1970 г.) [71, вып. 17, с. 241]; в качестве сущ.: в значении «любовник», «возлюбленная» – Волог. У Ванюхи есть любая [там же]; в значении «любимец» – Арх. Любой, вишь, он у ей был, дак ему и лопотину отцовскую отдала (1885 г.) [там же]. К

этому же лексическому гнезду относятся слова со значением «любой, какой угодно»: рус. *любóй*, укр. *любій*, блр. *любý* [97, вып. 15, с. 182].

Что касается гл. *любить*, то его лексическое значение претерпело некоторые трансформации в диахроническом аспекте. Так в современном русском языке исчезли значения «целовать, ласкать» – *Любаще тѣло стѣо* [76, т. 2, с. 83]; «любоваться» – *Послаша ему мечь и ино оружье, и принесоша к нему, онъ же приимъ нача хвалити и любити и цѣлова црѣя* [72, вып. 8, с. 327]. Отметим и зафиксированную форму *любится*: «любить друг друга, быть в дружбе» – *Съ грѣшникъмъ ли любииши или ненавидиму отъ бѣ помогаеши*; «нравиться» – *Не всѣхъ члѣкъ едино есть довольство и достоинство и не у всѣхъ народовъ подобонравны суть приличности и неприличности: и не разсуждением един строи любитя или не любитя* (1073 г.) [там же]. В современном русском языке Д.Н. Ушаков фиксирует гл. обл. *любиться* в значении «быть в любовных отношениях с кем-н.» – *Он с ней любитя уже третий год* [80, т. 2, с. 104]. Также обнаруживаем современное просторечно-разговорное, преимущественно в речи раскрепощённой молодёжи, *заниматься / заняться любовью*, что предполагает исключительно физиологическое значение слова *любить*, *любовь*, то есть – десублимацию значения основы.

Широкое распространение рус. *любый* получило как компонент фитонимов: *Люб трава* (*Platanthera Bifolia*) [6, с. 407], *любимник* (*Geum Urbanum L.*) [там же, с. 157], *любим* (*Echinospermum Lappula*) [там же, с. 130]. Реализация исследуемой лексемы в славянских антропонимах также характеризуется большой количественностью: болг. *Любен* [78, с. 148], слав. *Любим* «любимый» [там же], слав. *Любислав* (*любить* и *слава*) [там же], слав. *Любомир* (*любить* и *мир*) [там же], *Любава* (1623 г.) [17, с. 188], *Любовников Иван Иванович* (1535 г.) [там же], *Дмитрий Любивцев*, помещик (1578 г.) [там же], *Любятинские*, помещики (16 в.) [там же]. Отметим, что антропоним *Любивцев* означает, что существовал апеллятив «любовник» или «любитель», а *Любятин(ские)* – апеллятив «любые». Как производные антропонимов, высокой частотностью употребления характеризуются и топонимы с ономастическим компонентом *любо*: г. *Любим* (с

16 в., Ярославская обл.) [62, с. 117], г. Люблин (с 12 в., Польша) [там же], г. Любек (ФРГ) [56, с. 244].

Диапазон реализации употребления *любый* как фразеологического компонента достаточно широк, причем семантическое значение лексемы определяется как «любимый», «приятный»: *Левый глаз к слезам свербит, правый – на любого глядеть* [28, т. 2, с. 391]; *Осенью любого гостя потчуют молоком, нелюбого – медом* [там же, с. 370]; *Торг любое дело. Торг знает меру, вес да счет* [там же, с. 370]; *Кумушка любая – бабка суженая* [там же, т. 1, с. 341].

Квантитативность производных единиц *любить* и *любовь* превышает аналогичный показатель у *любый* в силу различности функционально-темпоральных компонентов (принадлежность к пласту стандартного / устаревшего лексического запаса): *Не молодца любят, денежку* [там же, т. 2, с. 237]; *Кого журю (или: браню, бью), того люблю* [там же, т. 1, с. 186]; *Привет за привет и любовь за любовь, а завистливому – хрену да перцу, и то не с нашего стола* [там же, т. 2, с. 235]; *Старый друг лучше новых двух. Старая любовь помнится* [там же, с. 226].

Первые зафиксированные упоминания нем. *lieb*, восходящего к герм. **leuba-* «любимый», датируются 8 в. (рунич. *liob* – 6 в. [127, S. 576]): др.в.н. *liob*, ср.в.н. *lier*, др.сакс. *liof*, ср.н.н. *lēf*, ср.нидерл., ср.нидерл. *liefе*, др.англ. *lēof*, англ. устар. *lief*, др.сканд. *ljūfr*, швед. *ljuv*, гот. *liufs* [11, Bd. 2, S. 1014]. Производными от прил. *lieb* являются гл. *lieben*: др.в.н. *liobōn* (с 8 в.), *liuben* (с 9 в.), ср.в.н. *lieben*; и, возникшее позднее, абстрактное сущ. *Liebe*: др.в.н. *liubī* (с 9 в.), *lioba* (с 11 в.), ср.в.н. *liebe* [там же].

Помимо фонетических переходов, лексемы *lieben*, *Liebe*, с 16 и 15–16 вв. соответственно, отмечены семантической трансформацией – их современное значение вытеснило более старое, выражаемое сегодня лексемами *Minne*, *die* (сущ.) и *minnen* (гл.) «обожание, служение рыцаря любимой даме (обычно замужней и обладающей более высоким статусом женщине)» [там же].

Дальнейшая реконструкция германской основы в среде современных лингвистов не предьявляет единства мнений. Так Ю. Покорный, В. Пфайфер с АК

и Г. Кроонен усматривают герм. **leuba-* < и.-е. **leubh-* «увлекаться, желать, любить» [141, Bd. 1, S. 683–684; 113, Bd. 2, S. 1014; 129, p. 332]. В свою очередь Ф. Клуге в качестве отправной точки полагает и.-е. **lub^h-* «прийти в беспорядок, быть взволнованным», возводимое далее до и.-е. **(a)leu-* «блуждать, быть не в духе» и затем до и.-е. **alə-* «блуждать, быть в замешательстве» [127, S. 577].

В современном немецком языке нем. *lieb* реализует значения: «милый, дорогой, любимый» – *Er ist mir lieb und wert* «Я его люблю и ценю» [15, т. 2, с. 46]; «приятный, очаровательный, прелестный» – *Ein lieber Kerl* «славный парень» [там же]; «любезный» – *Alle waren sehr lieb zu mir* «все были очень любезны со мной» [112, S. 1128]. Также исследуемая лексема является компонентом одного из народных иносказательных имён Девы Марии, земной матери Иисуса Христа – *Unsere Liebe Frau*, и, как следствие, компонентом производного экклезионима – *Liebfrauenkirche* (частое название церквей посвященных Деве Марии) [46, с. 1007–1008].

Как компонент фитонимов, нем. *lieb* предьявляет достаточно высокую количественность: *Liebäugel* (*Cynoglossum Officinale*), чернокорень лекарственный [6, с. 119]; *Liebekraut* (*Thymus Vulgaris*), тимьян обыкновенный [там же, с. 355]; *Liebesblume* (*Agapanthus Umbellatus*), агапантус [там же, с. 12]. Зафиксированы и примеры присутствия исследуемой лексемы в составе орнитонимов и инсектонимов: *Liebestaube* «антильская горлица» [9, с. 110]; *Liebstockelrößler* «скосарь люцерновый» [там же, с. 175].

Широкое распространение лексического гнезда герм. **leuba-*, как, впрочем, и праслав. **l'ubъ*, попало в сферу внимания Ф. Миклошича, усматривающего сходство славянских и германских слов, как в ракурсе совпадения определенных значений, так и в присутствии общего эпентетического *-j-* [135, S. 171]. Также как и в русском языке, в немецком отмечается широкая реализация нем. *lieb* в ракурсе фразеологии. При этом, несмотря на присутствие положительной коннотативной оценки в значении исследуемой лексемы, коннотация всего фразеологизма может быть и отрицательной: *um des lieben Frieden willen* «чтобы только не ссориться» [15, т. 2, с. 46]; *das ist mir das liebste* «это я люблю, другого я и не хочу, большего

мне не надо» [30, с. 461]; *j-n lieb und teuer halten* «нежно, горячо любить кого-л.» [11, с. 406]; *sich bei j-m lieb Kind machen* «подлизываться к кому-л.» [30, с. 461]; *Nein, nein, mein Lieber! Das glaube ich dir nicht* «Нет, нет, милый мой! Я тебе не верю!» (сопровождает выражение неприятного: недоверия, предупреждения, угрозы) [там же, с. 460]; *mein lieber Schwan!* «вот это да!, ну знаешь ли!» [там же, с. 461].

Таким образом, исследуемые лексические параллели *lieb* – *любий* демонстрируют восхождение к индоевропейскому субстрату. Однако если в славистике выработан единый подход к реконструкции праслав. **l'ubъ*, дальнейшая этимологизация герм. **leuba-* предполагает различные варианты. Широкое распространение славянского и германского лексических гнезд обуславливает высокую квантитативность *lieb* – *любий* в области фразеологии и в качестве компонентов фитонимов. Славянское лексическое поле реализует исследуемую лексему в ракурсе ономастики – в топонимах и антропонимах. Лексические параллели *lieb* – *любий* характеризуются совпадением в структуре лексического значения по денотативному и коннотативному элементам. Структурно-языковая парадигма исследуемых лексических единиц предъявляет сходство грамматического макрокомпонента. В структуре функционального макрокомпонента *lieb* – *любий* совпадение прослеживается в функционально-территориальном ракурсе. Различие функционально-темпорального компонента исследуемых лексических параллелей (*любий* принадлежит к пласту устаревшей лексики) обуславливает и различие компонента функционально-частотного.

Mögen, гл., «любить» – *мочь*, гл.

К славянским параллелям нем. *mögen*, восходящим к праслав. **mogti*, относятся: др.рус. *мочи* «быть в состоянии, в силах (делать что-л.), быть здоровым», укр. *мочи́, могті́* «мочь», блр. *магчы́* «мочь», польск. *móc* «иметь достаточно сил, мочь», чеш. *moci* «мочь», словац. *môcť*, в.луж. *móc*, н.луж. *móc*, словен. *móci*, болг. *мога*, макед. *може* «мочь, знать уметь», сербохорв. *моћи* «мочь» [96, вып. 10, с. 339].

В славистике сложилось устойчивое мнение о возможности реконструкции праслав. **mogni* до уровня древней глагольной атематической основы [97, вып. 19, с. 109; 48, с. 171]. Указывая на восхождение праслав. **mogni* к нередуцированному перфекту атематического глагола и обозначая тематическую форму настоящего времени как вторичную, О.Н. Трубачев предполагает существование асимметричного аориста с исследуемым корнем в праславянском языке, приводя в качестве доказательства др.болг. *могъ, може, могомъ* [97, вып. 19, с. 109]. Исследователь заостряет внимание на акцентной дихотомии наст. вр. – аорист, сложившейся в результате становления парадигмы настоящего времени [там же].

Аналогичное мнение высказывает А. Мейе, указывая на примеры в сербском языке: наст. вр. *може* – аорист *може*, наст. вр. *леже* – аорист *леже*, наст. вр. *рече* – аорист *рече* [48, с. 171]. Языковед также полагает, что причастие настоящего времени в функции прилагательного является атрибутом старой окситонированной основы: рус. *могучий*, укр. *могучий*, серб. *могућ*, болг. *могъщ* [там же]. Восхождение праславянской основы к индоевропейскому субстрату не подвергается сомнению в современной славистике: праслав. **mogni* < и.-е. **magh: *māgh-* [141, Bd. 1, S. 695; 108, р. 321].

Трансформация лексического значения рус. *мочь* в диахронии отмечена сужением семантической амплитуды: «быть в состоянии, в силах (делать что-л.)» – *Яко себе не могли учить, и инѣхъ начиная учить мнози имать ругателя на ся* (1076 г.) [72, вып. 9, с. 282]; «иметь силу, значение» – *Много может молитва правдынааго* (1076 г.) [там же]; «быть здоровым, не болеть» – *По грѣху по моему была мнѣ въ дорогѣ болѣзнь и здѣсь былъ есмь позанемогъ, а нынѣ, благодарю бога, могу* (1597 г.) [там же]; «быть состоятельным иметь состояние (определенного размера)» – *Да был... в Ржеве доброй человек Борис Горохов, мог не за одну тысячу рублей* (16 в.) [там же]. Зафиксировано употребление рус. *мочь* при реализации значения «не думай что-л. делать», «ни в коем случае не делай чего-л.», т.е. в качестве вспомогательного глагола в императивных высказываниях: *Не мози похвалити* [76, т. 2, с. 182]; *Государь*

храбрый витез(ь), не моги меня, горкие вдовы, пугубит(ь) (17 в.) [72, вып. 9, с. 282] и в значении «может быть» – *И сии бо может бытии заблудят бѣ ищуще и хотящи обрѣсти* [там же].

Лексикографические источники современного русского языка фиксируют сужение семантического поля исследуемой лексики. Так С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова отмечают следующие значения лексики *мочь* в современном русском языке: «быть в состоянии, иметь возможность», «может быть» [59, с. 368]. Ф.П. Филин, в свою очередь, указывает на значение, перешедшее в современный язык, но уже в качестве диалектной единицы: «быть здоровым» – Волог. *Здрастуй, Нюрушка, как можете-то?* [71, вып. 18, с. 321].

В русской фразеологии *мочь* реализует чаще всего сему «быть в состоянии», «уметь»: *Не всякая болезнь к смерти. Не могу, а ем по пирогу* [28, т. 1, с. 347]; *Я любить не люблю, отказать не могу* [там же, т. 2, с. 5]; *Севши в пиру на ряду, не говори: плясать не могу* [там же, т. 2, 145].

Первые зафиксированные упоминания нем. *tögen* датируются 8 в. и восходят к герм. **tag-* «могу» [127, S. 630]: др.в.н. *tagan*, *tigan*, ср.в.н. *mügen*, *tügen* «быть сильным, быть в состоянии, иметь возможность, быть должным», др.сакс. *tigan*, ср.н.н. *tōgen*, ср.нидерл. *tōghen*, *teughen*, *tueghen*, нидерл. *togen*, др.англ. *tagan*, англ. *tau*, др.сканд. *tega*, швед. *tå*, гот. *tagan* [113, Bd. 2, S. 1118].

В среде лингвистов выработалась единая точка зрения о принадлежности исследуемой лексики к претерито-презентным глаголам [127, S. 630; 113, Bd. 2, S. 1118; 129, р. 373]. Г. Кроонен предполагает первоначальную принадлежность нем. *tögen* к классу первичных нередуцированных перфектов, уточняя, что в различных германских диалектах для образования инфинитивов был приспособлен либо *a-*, либо *o-* вокализм [129, р. 373].

Для Ф. Клуге представляет трудности определение отношений аблаута в германских лексемах по причине отсутствия такового (*a / ō* аблаута) [127, S. 630]. Восхождение исследуемой лексики к индоевропейскому архетипу не

подвергается сомнению современными лингвистами: нем. *mögen* < и.-е. **magh-*: **māgh-* [141, Bd. 1, S. 695; 129, p. 373; 127, S. 630; 113, Bd. 2, S. 1118].

Исследуемый глагол, в ранненововерхненемецком для выражения возможности постепенно вытесняемый глаголом *können* и все чаще употребляемый в значении желательности, оставляет за собой это значение в современном немецком языке [8, с. 48]. Развитию значения вероятности, в свою очередь, способствовало употребление ср.в.н. *tugen* в форме опатива с инфинитивом глагола *sin* (*sein*) [там же, с. 47]

Процесс семантической трансформации нем. *mögen* «быть в состоянии сделать что-то» → «любить, хотеть», начавшийся в 16 в. и развившийся из отрицательных значений исследуемого глагола (*nicht mögen*), окончательно оформился в 17 в.: «не быть в состоянии» → «не хотеть» → «хотеть» → «любить» [127, S. 630; 113, Bd. 2, S. 1118; 129, p. 373].

В современном немецком языке помимо значения «любить кого-л., что-л.» – *Magst du viel Zucker in den Kaffee?* «Ты любишь класть в кофе побольше сахара?» [15, т. 2, с. 151], исследуемая лексема реализует различные значения модальности: как форма вежливости, для выражения просьбы, желания, предложения – *Ich möchte Sie um dieses Buch bitten?* «Можно попросить у Вас эту книгу?» [там же]; для выражения пожелания – *Mögest du glücklich sein!* «Будь счастлив!» [там же]; для выражения допущения какой-л. возможности – *das mag sein* «возможно, может быть» [112, S. 1214]; для выражения позволения или предостережения, угрозы – *Darüber mag er selbst entscheiden* «пусть он сам решает» [15, т. 2, с. 151], *möge er kommen!* «пусть только попробует прийти!» [там же]. Значение «мочь» зафиксировано в лексикографических источниках как устаревшее и поэтическое – *O lieb, solange du lieben magst* «люби, пока можешь» [там же]. В области немецкой фразеологии исследуемая лексема реализует в основном свое модальное значение – предположение, возможность: *mag kommen, was da will* «будь, что будет!» [11, с. 440]; *der Henker (Teufel, Geier) mag es wissen...* «черт знает...» [там же].

Таким образом, лексические параллели *mögen* – *мочь* демонстрируют восхождение к общему индоевропейскому архетипу. Изначально ядерной семьей

исследуемых лексических единиц являлась сема «быть в состоянии, в силах сделать что-то», однако уже в 16–17 вв. в результате семантической трансформации, *tögen* в качестве ядерной семы предьявляет «любить, нравиться». Структурно-языковая парадигма лексических параллелей *tögen* – мочь отмечена сходством грамматического макрокомпонента. Также сходство прослеживается в функционально-территориальном, функционально-темпоральном и функционально-частотном компонентах исследуемых лексем.

§ 2.4. Лексико-семантическое поле «Биосфера»

§ 2.4.1 Лексико-семантическая группа «Животный мир»

Bär, der, сущ., м.р., «медведь» – *медведь*, сущ., м.р.

К славянским лексическим параллелям нем. *Bär*, восходящим к праслав. *medvěď*, относятся: церк.слав. *медвѣдь*, болг. *медвед*, сербохорв. *медвед*, словен. *médved*, словац. *medved'*, чеш. *medvěd*, польск. *niedźwiedź*, в.луж. *tjedwjedź*, н.луж. *tjadwjeź*, др.рус. *медвѣдь*, укр. *ведмідь*, блр. *мядзвѣдзь*, рус. *медведь* [97, вып. 18, с. 65–66].

Исследуемая лексема является результатом сложения основ **medv-ed-* < **med-ěsti* «поедатель меда» [64, т. 1, с. 519; 88, т. 2, с. 589; 93, т. 1, с. 519; 97, вып. 18, с. 66; 101, Bd. 2, S. 30]. О.Н. Трубачев, в этой связи, проводит параллель между праслав. *medvěď* и индоевропейским сложением **medhu-ed-* «едающий мед» [97, вып. 18, с. 66], указывая, в качестве возможного тождественного примера др.инд. *madhuvád-* «едающий сладкое» (на этот же пример делают акцент М. Фасмер [88, т. 2, с. 589] и Э. Беренекер [101, Bd. 2, S. 31]). Интересна точка зрения П.Я. Черных, рассматривающего вторую часть сложения **ěd-ь* не в качестве *Nomen agentis*, а в качестве обычного отглагольного существительного «еда», и, таким образом, переосмысливающего *медведь* как «медовая снедь»

(«поедающий мед» – вторично, по мнению исследователя) [93, т. 1, с. 519]. В народной этимологии присутствует толкование *мед-ведь*, т.е. *мед ведающий* [64, т. 1, с. 519].

Для номинации медведя в и.-е. языковом поле применялась основа **ǵḱṛo-s* «медведь», сохранившаяся в др.инд. *ṛkṣas*, греч. *ἀρκτος*, лат. *ursus* и исчезнувшая в славянских, балтийских и германских языках [88, т. 2, с. 589; 93, т. 1, с. 519; 97, вып. 18, с. 66]. Языковеды сходятся во мнении, что причиной отсутствия и.-е. **ǵḱṛo-s*, в том числе и в славянском языковом поле, является процесс табуирования – запрет называть своим именем зверя (на которого охотишься или перед которым испытываешь страх). О.Н. Трубачев полагает возможный вектор трансформации и.-е. основы в славянском лексическом поле, как и.-е. **ǵḱso-* > слав. **rъsъ*, возможные следы которого слились с названием другого опасного хищника – *рыси* [97, вып. 18, с. 66].

Следы табуирования находят свое отражение и в фонетической форме исследуемой лексемы в славянском языковом поле. Так, в чеш. *nedvěd*, польск. *niedźwiedź* анлаутное *n-* является результатом сближения с отрицанием и дистантной ассимиляции [88, т. 2, с. 589; 101, Bd. 2, S. 30].

В славистике выдвигается гипотеза о сближении *медведь* и *мешкать* «медлить, не торопиться». Так, Э. Бернекер, указывая в качестве причины внешнее сходство действия – «переваливаться с ноги на ногу, как медведь», определяет как деноминатив от рус. устар. *мешька* (уменьшительное от *медведь*) рус. *мешкать*, чеш. *meškati* «задерживаться, упустить», польск. устар. *mieszkac'* «медлить, колебаться» (сейчас – «проживать», т.е. «задержаться в одном месте») [101, Bd. 2, S. 310]. Подобной точки зрения придерживается и А.Г. Преображенский [64, т. 1, с. 582]. Гипотезу категорически отвергает М. Фасмер [88, т. 2, с. 615].

Исследуемая лексема широко реализуется в качестве компонентов различных онимов. Так, в ракурсе топонимики находим: *Медведица*, реки, притоки Волги и Дона [61, с. 264]; *Медвежий остров*, Норвегия (норв. *Björn ö*, где *björn* «медведь» и *ö* «остров») [там же]; *Медвежьегорск*, Карелия [там же].

В антропонимике характеризуются высокой количественностью имена собственные, производные от *медведь* – *Медведица Василий Михайлович*, боярин (1571 г.) [17, с. 195]; *Медведковы*, крестьяне (1627 г.) [там же]; *Медведь Кондратко*, крестьянин (1495) [86, с. 246]. В русском языке присутствуют примеры антропоморфизации *Мишка*, *Михаил Иванович Топтыгин*, происходящие от имени собственного *Михаил* [там же, с. 631]. Вероятнее всего, здесь имеет место процесс табуирования, основанный на сходстве анлаутного элемента.

Широкое распространение праслав. *medvĕdъ* поучает и в качестве компонента названий растений – *Медвежий корень* (*Angelōphyllum ursinum*) [6, с. 37]; чеш. *Medvědice* (*Arctostāphylos*) [там же, с. 43]; *Медведник* (*Rubus corylifolius*) [там же, с. 303]; в качестве компонента названий насекомых – *медведки* (*Gryllotalpidae*) [77, с. 632].

Вообще же роль образа медведя в лингвокультурологической картине России переоценить трудно – *Русский медведь*, как символ российского государства известен по всему миру. Также медведь является распространенной гербовой фигурой в славянской геральдике – присутствует на гербах российских регионов и городов (Карелия, Хабаровский край, г. Пермь, г. Норильск, г. Ярославль, г. Екатеринбург и др.), польских населенных пунктов (г. Равич, сельская волость Хелм), белорусских (г. Сморгонь) и т.д.

В русском языке исследуемая лексема, рассматриваемая в диахронической перспективе, реализует, чаще всего, значение «крупное хищное млекопитающее»: •Ġ• *дѣти ругаюшася дѣвѣма медвѣ(дѣ)ма погуби* (1073 г.) [72, вып. 9, с. 56]; ... *тацѣмъ же запрѣщениѣмъ покорити подобаетъ. и влачащаѣ медвѣди или таковыѣ животы нѣкакы на роуганиѣ. и врѣдъ простѣмъ и полоучениѣ и рожество и роѡдословествѣмъ. и таковыхъ нѣкихъ глѣ. народъ на прѣльстѣнюю блаѣство приглашающаѣ* (12 в.) [70, т. 4, с. 515]; *Бурый медведь* [59, с. 347]. Также отмечаются случаи передачи значения, в основе которого лежат элементы метонимии «мех медведя, изделия из такого меха»: *Шапка болияя рогожная, опушена медвѣдемъ* (17 в.) [72, вып. 9, с. 56–57]. В качестве

переносного, лексема реализует значение «неуклюжий человек» [59. с. 347; 80, т. 2, с. 169].

СлРНГ предлагает применение рус. *медведь* для обозначения деревянной самодельной молотилки (Костром.) (ср. поговорку *В темной избе медведь ревет (жернова)* [28, т. 2, с. 50]); ждя обозначения лодочного стояка, к которому прикрепляются бортовые доски (Урал.); катка для укладки дорог (Нижегор.); ветра (Смол.) [71, вып. 18, с. 66] (возможно, основано на сходстве физических характеристик – силе, размере зверя).

Обладая незэмоциональностью и неэценочностью в составе структуры своего коннотативного макрокомпонента исследуемая лексема репрезентует в области фразеологии чаще всего семы «сила», «злоба», «глупость», «неловкость»: *Богатый силен, что медведь* [28, т. 1, с. 82]; *В лесу медведь, а в дому мачеха* [там же, т. 1, с. 343]; *Хозяин в дому, что медведь в бору (что как хочет, так и ворочат)* [там же, т. 2, с. 96]; *Медведь пляшет, а цыган (или: а поводатарь) деньги берет* [там же, т. 1, с. 164]; *медвежьи объятья* [59, с. 345]; *медвежья услуга* [там же].

К первым зафиксированным упоминаниям нем. *Bär* «медведь», датируемым 8 в. и восходящим к герм. **beran* «медведь», относятся: др.в.н. *bero*, ср.в.н. *ber*, ср.н.н. *bāre, bār, bēre*, ср.нидерл. *bere*, нидерл. *beer*, др.англ. *bera*, англ. *bear* [113, Bd. 1, S. 123].

Принадлежность нем. *Bär* к пласту табуированной лексики не вызывает сомнений в среде современных лингвистов. При этом единство мнений о семантической основе табуирования в германистике отсутствует. Так, В. Пфайфер со своим АК указывает на атрибутивный признак «коричневый», лежащий в основе эвфемизма, реконструируя, в след за Ю. Покорным, герм. **beran* «медведь» < и.-е. *bher-* «коричневый» [113, Bd. 1, S. 123; 141, Bd. 1, S. 136].

Ф. Клуге, как и Г. Кроонен, помимо вышеозначенной соотнесенности нем. *Bär* с цветом меха животного, указывают на возможность проведения семантической параллели «медведь» – «дикое животное», основанное на реконструкции герм. **beran* < праиндоевроп. **g^huēr* «дикое животное» [127, S. 90;

129, S. 60]. Г. Кроонен, при этом, такую гипотезу отмечает как сомнительную, основанную на сомнительном фонетическом переходе праиндоевроп. $*g^{wh}/g^h u-$ → прагерм. $*b$ [129, S. 59–60].

Фонетические трансформации исследуемой лексемы идентифицируются современными языковедами достаточно единообразно. Не подвергается сомнению принадлежность герм. $*beran$ к n -основе, замещенной в скандинавских языках u -основой $*bernu$ – др.сканд. *björn*, фарер. *björn*, эльвд. *buönn* [113, Bd. 1, S. 123; 127, S. 90; 129, S. 59–60]. Г. Кроонен выдвигает гипотезу о возникновении форм с u -основой из аккузативных плюральных форм $*bernu < *bernuns < *b^her-n-ís$ [129, S. 59–60].

Исследуемая лексема характеризуется широкой реализацией в качестве компонента обозначений растений и животных: *Bärenklaue*, die, (Acānthus) «борщевик» [6, с. 3]; *Bärentraube*, die, (Arctostāphylos) «толокнянка» [там же, с. 43]; *Bärlapp*, der, (Lycopōdium) «плаун» [там же, с. 203]; *Bärenklaumotte*, die, «морковная моль» [77, с. 219]; *Bärenklau(blatt)laus*, die, «тля» [там же, с. 62].

Медведь, как геральдический символ, достаточно распространенный элемент в немецком социально-культурном континууме. Так, символ *Берлина* – шагающий медведь (*Berliner Bär*), известен с 1280 г. Л.Г. Маркина указывает на возможность возникновения топонима *Берлин* (*Berlin*, город, столица ФРГ) от др.в.н. *bero* «медведь» [46, с. 97]. Исследователь в своих выводах опирается на имевшую когда-то место распространенность т.н. «говорящих» гербов, ведущих свое происхождение от названий населенных пунктов, причисляя к таким, в качестве примера, г. *Бернау* (*Bernau*, город в ФРГ, недалеко от *Берлина*), г. *Бернсдорф* (*Bernsdorf*, город в ФРГ, Саксония) – города, на гербах которых изображены медведи [там же]. Е.М. Поспелов, рассматривая топоним *Берлин*, заявляет о гипотезе: др.слав. $*birl/*berl$ «топь, болото» > *Berlin*, как о наиболее жизнеспособной [61, с. 66].

В современном немецком языке *Bär*, в качестве основного, реализует значение «медведь». Также в лексикографических источниках зафиксированы такие значения как тех. «баба молота, ползун пресса» (ср. рус. Костром. *медведь* –

деревянная самодельная молотилка [71, вып. 18, с. 66]) и «кабан» (по-видимому, основано на сходстве физических составляющих – силе и цвете шерсти) [15, т. 1, с. 240].

В ракурсе фразеологии исследуемая лексема предъясвляет широкую квантитативность. Являясь по сути неочечным и неэмоциональным, нем. *Bär* в различных фразеологических единицах выступает, зачастую, в качестве элемента с отрицательной коннотацией: *ein ungeleckter Bär* «грубый, неотесанный человек» [там же]; *Bärenkälte* «собачий холод» [30, с. 100]; *Bärendienst* «медвежья услуга» [там же]; *den Bären machen* «ходить у кого-л. на поводу» (как медведь на поводке на ярмарке), «использоваться для любых услуг» [15, т. 1, с. 240]. Отметим, что фразеологизмы с компонентом *Bär* могут реализовывать и положительную коннотацию: *Bäringesundheit* «богатырское здоровье» [30, с. 100], *bärenstark* «сильный, могучий, здоровый как бык» [там же].

Таким образом, лексические параллели *Bär* – *медведь* представляют собой результат имевшего когда-то место табуирования. При этом основой эвфемизации в славянских языках стала пищевая привычка зверя – поедатель меда, а в германских языках – цвет меха животного. Предположительно обе исследуемые лексемы возникли на праиндоевропейской почве. Рассматривая лексические параллели в структурно-языковом ракурсе, отметим совпадение их макрокомпонентов – грамматического (частеречность, родовая принадлежность) и функционального (соответствие функционально-стилистического, функционально-социального, функционально-территориального, функционально-темпорального и функционально-частотного компонентов). Реализация исследуемых лексем в области фразеологии достаточно квантитативна, причем фразеологические единицы с компонентом *медведь* в большинстве своем имеют отрицательную коннотацию, в то время как фразеологизмы с компонентом *Bär* несут в себе, в том числе, и положительную коннотативную нагрузку.

Biber, *der*, сущ., м.р., «бобр» – *бобр*, сущ., м.р.

К славянским параллелям нем. *Biber*, восходящим к праслав. **bebrь/*bobrь/*bьbrь* «бобр», относятся: укр. *бібр*, др.рус. *бебръ, бобръ*,

церк.слав. *бебрь*, *бобрь*, болг. *бѣбрь*, *бѣбрь*, *бѣбер*, сербохорв. *дабар*, словен. *bóbər*, *bébər*, *brébər*, чеш. *bobr*, польск. *bóbr*, влуж. *bobr*, *bébr*, н.луж. *bober*, *bobər* [88, т. 1, с. 180–181].

Праславянский период обнаруживает несколько вариантов основ, реализующих исследуемую лексему и ее производные – **bebrь*/**bobrь*/**bьbrь*. О.Н. Трубачев делает попытку их хронологической дифференциации, основываясь в своих исследованиях на характере и масштабах имеющихся, как славянских, так и неславянских языковых соответствий. Так, языковед предполагает, что наиболее древней является праслав. **bebrь* – редулицированная форма, восходящая к и.-е. **bhe-bhr-u-s* «коричневый» [97, вып. 1, с. 174–175] (праслав. **bebrь* < и.-е. **bhe-bhr-u-s* «коричневый» < и.-е. **bher* «светло-коричневый» – является общепринятым вектором реконструкции в современном языкознании [88, т. 1, с. 180–181; 93, т. 1, с. 98; 141, Bd. 1, S. 136]). Маркируя праслав. **bobrь* как вероятно более позднюю форму, О.Н. Трубачев в то же время говорит о ее принадлежности к древнему пласту *u*-основ [97, вып. 1, с. 174–175]. Исследователь, таким образом, приходит к выводу об определенной самостоятельности и древности праслав. **bebrь* и **bobrь* [97, вып. 2, с. 145–146].

Р. Дерксен также усматривает вероятность принадлежности праслав. **bobrь* к *u*-основам, аргументируя свои выводы тем, что исследуемый этимон не был затронут генерализацией акцентной подвижной парадигмы (имеющей балто-славянский характер) в *o*-основах мужского рода [108, р. 34].

Наряду с общепринятой гипотезой реконструкции праслав. **bebrь*, базирующейся на цвете меха животного, в современной лингвистике существует и альтернативная точка зрения, выраженная Ф.А. Вудом: праслав. **bebrь* < и.-е. **bhere-*, **bherēi-* «ударять, резать, формировать» [162, р. 352]. Исследователь полагает, что основой номинации животного послужил такой его признак, как способность валить, подгрызая, деревья и строить свое жилище.

СлРЯ XI–XVII вв. указывает на реализацию рус. *бобр* двух значений – животное, грызун и мех этого животного: *Звърей множество: ... лисицы, выдры, медвѣди, бобры, птицы, орлы, гуси* (11 в.); *Гѣне, не помори насъ, но перекорми ны*

собѣ, пошли гсѣне к нам'ъ жито свое продаять, а мы ради купимъ, чего восхочешъ воску ли, бѣли ль, бобровъ ли, черныхъ ли кунъ, серебра ль, мы ради дамы (1279 г.) [72, вып. 1, с. 253].

Современные лексикографические источники также указывают на значения «грызун с ценным мехом» и «мех бобра», дифференцируя значения лексемами *бобр* и *бобер* соответственно [59, с. 52].

Исследуемый этимон находит широкое распространение в области ономастики: как компонент антропонимов – *Бобр*, *Бобровы* (15 в.), *Бобрешенок Федор* (15 в.), *Бобринец Игнатий* (15 в.), *Бобровников* (15 в.) [17, с. 42]; как компонент топонимов – г. *Бобров*, Россия (название связано с осуществлением бобрового промысла в этом месте) [61, с. 71], г. *Бобруйск*, РБ [там же], сербохорв. *Bèbrina*, село в Словении [97, вып. 1, с. 174], сербохорв. *Bebrevnica*, село в Хорватии [там же]; как компонент гидронимов – *Biebrza*, река в Польше [97, вып. 1, с. 175], *Bobrowo*, озеро в Польше [там же, вып. 2, с. 145], *Большая* и *Малая Бобрава*, реки на Украине [там же, с. 144], *Бобровое море* (старое название Берингова моря) [61, с. 66].

Исследуемая лексема реализуется и при номинации растений – *Бобровник*, польск. *Bobrek* (*Menyanthes*) [6, с. 215], *Бобровик* (*Genista scoraria*) [там же, с. 153] и в качестве атрибутивного компонента названий насекомых – *бобровые блохи* [77, с. 111].

О роли, которую играл бобровый промысел в России, свидетельствуют множественные деривации рус. *бобр*, апеллирующие к различным сферам хозяйственной деятельности человека: *бобровати* «охотиться на бобров» – *И весновали на Ишиме, и как вода располилась, и они де поехали бобровать в лотках вверх по Ишиму* (1640 г.) [72, вып. 1, с. 253]; *бобровина* «мясо бобра» – *Ядять [латини] со псы и с кошками... ядять желвы, и дикие кони, и ослы... и медвѣдину и бобровину, и хвостъ бобровъ* (14–15 вв.) [там же]; *бобровник* «ловец бобров» и «скорняк» – *Мои князи и ратные воеводы и дѣти боярские и всякие ездоки и псари и ловчие и бобровники в тѣхъ въ их селех и в дѣрєвнях не ставятца, ни кормов, ни проводниковъ у них не емлют* (1470 г.) [там же]; *Казенному*

бобровнику Степанку Павлову на 9 бобровъ, на харчъ, на муку и на сало, 6 ал. (1613 г.) [там же]; *бобровый гон* «место, угодья, где водятся и ловятся бобры» – *Даль в домъ святого спаса и святого благовъщенья свои рыбные ловли по Сурь рѣкѣ... и заводи, и пески, и съ падучими рѣками, и бобровые гоны* (1393 г.) [там же, с. 254]; *Бобровые деревни* «деревни, где живут ловцы бобров» – *А учинится у нихъ въ бобровыхъ деревняхъ душегубство, а не будетъ душегубца въ лицѣхъ, и они дадутъ намѣстникомъ моимъ Дмитровскимъ въры за голову четыре рубли* (1509 г.) [там же].

В области фразеологии рус. *бобр* реализует чаще всего семы «богатство», «нечто лучшее» (вероятно на основе метонимического переноса ценности бобрового меха): *Не убить бобра, не нажить (или: не видать) добра* [28, т. 1, с. 44]; *Все мужья добры, купили женам бобры, а мой муж неуклюж: невидаль, корову купил* [там же, с. 328]; *Свинья не родит бобра, а сова не высиживает орла* [там же, т. 2, с. 208]; *Убить бобра* (обмануться в расчетах, получить плохое вместо хорошего) [80, т. 1, с. 159]. А.Е. Аникин указывает также на превалирующую эротическую и брачную семантическую составляющую лексемы *бобр* в славянском фольклоре: *на бобре* «на ягодицах» [5, вып. 3, с. 287–288].

Первые письменно зафиксированные упоминания нем. *Biber*, восходящие к герм. **bebru-* «бобр», датируются 9 в.: др.в.н. *bibar*, ср.в.н. *biber*, др.сакс. *biċar*, *beċar*, ср.н.н., ср.нидерл. *bēver*, нидерл. *bever*, др.англ. *beofor*, англ. *beaver*, др.сканд. *bjōrr* [113, Bd. 1, S. 165].

В германистике сложилась общепринятая точка зрения о восхождении герм. **bebru-* к индоевропейскому архетипу **bher-* «коричневый» (как и в случае с нем. *Bär*), однако посредством редупликации и чередования: герм. **bebru-* < и.-е. **bhe-bhru-s* / **bhe-bhro-s* [113, Bd. 1, S. 165; 127, S. 119; 141, Bd. 1, S. 136].

Исследуемая лексема характеризуется высокой квантитативностью в области топонимики: *Biberach an der Riß*, *Biberach* – города в ФРГ; *Biberwier*, *Biberbach* – коммуны в Австрии (на гербах всех этих населенных пунктах изображен бобр). Также нем. *Biber* предьявляет определенную широту реализации в названиях растений: *Biberhödchen* «чистяк весенний» (*Ficaria*

ranunculoides) [6, с. 144], *Biberbaum* «магнолия» (*Magnolia*) [там же, с. 206], *Biberkraut* «золототысячник зонтичный» (*Erythraea umbellatum* Gilib) [15, т. 2, с. 325].

В современных лексикографических источниках отмечены такие значения нем. *Biber*, как «бобр», «мех бобра» и «бобрик» (сукно со стоячим ворсом) [там же]. Также исследуемая лексема предъясвляет широкую парадигму композит, компонентом которых она является: *Biberfang* «лов бобров», фарм. *Bibergeil* «бобровая струя», *Biberschwanz* «плоская черепаца», «ручная пила» (досл. хвост бобра) [там же].

Реализация нем. *Biber* в области фразеологии достаточно узкая: *Biber, der* – шутл. «борода» [30, с. 120].

Таким образом, лексические параллели *Biber* – *бобр* являются полными лексическими соответствиями, как с точки зрения совпадающего вектора реконструкции до уровня индоевропейского архетипа, так и в структурно-языковом ракурсе. Исследуемые лексемы получили широкую реализацию в области ономастики. Различие количественного коэффициента в сфере фразеологии может основываться на осознании в русской концептосфере бобра, как промыслового зверя с ценным мехом – отсюда частота употребление лексемы *бобр*, выражающей семы «богатство», «прибыль» в поговорках.

Habicht, der, сущ., м.р., «ястреб» – *кобец* / *кобчик*, сущ., м.р., «малый ястреб».

К славянским параллелям нем. *Habicht*, восходящим к праслав. **kobьсь* относятся: болг. диал. *кобъц* «сокол», макед. *кобец* «кобчик», сербохорв. *kòbas* «кобчик», словен. *kóbес*, словац. *kobес* «дербник» (хищная птица, мелкий сокол), польск. *kobies* «чеглок» (хищная птица семейства соколиных), др.рус. *кобець* «кобчик», укр. *кібець*, рус. *кобец*, *кобчик* «малый ястреб» [97, вып. 10, с. 101–102].

В современной славистике дальнейшая реконструкция праслав. **kobьсь* представляется затруднительной, и дискуссия ведется в области родства указанной основы с праслав. **kobь* (по А. Брюкнеру **kobь* – праславянское слово, для обозначения птиц [107, с. 240]; по О.Н. Трубачеву «гадание, ворожба,

колдовство» и «рок, судьба, зло» [97, вып. 10, с. 90]; согласно Р. Дерксену к этой основе восходят лексемы со значением «судьба», «зло», «успех» [108, р. 227]), к которой восходят ст.слав. *кобь* «гадание по птичьему полету или встрече», др.рус., рус.церк.слав. *кобь* «гадание по полету птиц, их крику и другим предзнаменованиям; предзнаменование; колдовство» [97, вып. 10, с. 101].

Так, А.Брюкнер, О.Н. Трубачев и Н.М. Шанский усматривают **kobyсь* < **kobiti* < **koby* [107, с. 240; 97, вып. 10, с. 102; 96, вып. 8, с. 178]. О.Н. Трубачев подкрепляет свое мнение природой суффикса *-сь*, характерного для глаголов на *-iti* (*kobiti* «гадать») [97, вып. 10, с. 102]. Отметим, что и О.Н. Трубачев, и Э. Бернекер (хотя и отрицающий **kobyсь* < **kob*) полагают родство **kobyсь* и **kobuzь*/**kobъзь* (рус. *кобуз* «вид коршуна, сокола» [88, т. 2, с. 268], польск. *kobuz* «чеглок», птица семейства соколиных), рассматривая последнюю основу как родственное нем. *Habicht* [там же, с. 92; 102, Bd. 1, S. 535].

В свою очередь, А.Г. Преображенский, Э. Бернекер, М. Фасмер, Р. Дерксен, хотя и говорят о нем. *Habicht*, как о возможном соответствии праслав. **kobyсь*, отрицают родство между **kobyсь* и **koby* [64, т. 1, с. 325; 102, Bd. 1, S. 535; 88, т. 2, с. 267–268; 108, р. 227]. Р. Дерксен определяет **koby* как субстратную единицу [108, р. 227].

Лексема *кобец* указывается в СлРЯ XI–XVII вв.: *А ястреб молвит: я у вас боярин... Кобец молвит: а я у вас стану в гонцахъ гонятъ* (15–16 вв.) [72, вып. 7, с. 208]. В современных лексикографических источниках присутствует эквивалент устар. *кобец* – орнитол. *кобчик*, хищная птица рода соколов [59, с. 279; 80, т. 1, с. 1387].

Исследуемая единица широко реализуется в ракурсе антропонимики: *Кобец Чеглоков* сын Карачаров (1527 г.); *Игнатий Кобцев*, крестьянин (16 в.); *Кобузов Василий Ананьич* (1492 г.); *Васюк Кобузов*, холоп (1522 г.); *Афанасий Иванович Кобузов* (1527 г.) [17, с. 145].

Первые упоминания нем. *Habicht*, восходящие к герм. **habuka-* «ястреб» датируются 8 в.: др.в.н. *hebih*, ср.в.н. *habech*, *habich*, др.сакс. *haḅuk*, ср.н.н. *hāvek*,

ср.нидерл. *hāvic*, нидерл. *havik*, др.англ. *heafoc*, англ. *hawk*, др.сканд. *haukr*, швед. *hök* [113, Bd. 2, S. 623–624].

Германистика не выработала единого подхода к реконструкции нем. *Habicht*. Так, Ю. Покорный, Ф. Клуге и В. Пфайфер, в содружестве со своим АК, усматривают возможность восхождения исследуемой лексемы к и.-е. **kar-* «хватать» (у двух последних исследователей посредством варианта данной основы – и.-е. **kabh-*) [141, Bd. 1, S. 527–528; 127, S. 382; 113, Bd. 2, S. 623–624]. Ф. Клуге не исключает и возможность заимствования (не только в германское, но и в славянское лексическое поле) из языка субстрата (ср. у Р. Дерксена **koby* – субстратная единица [108, p. 227]).

Г.Кроонен придерживается противоположной точки зрения, маркируя исследуемую лексему как не обладающую индоевропейской этимологией [129, s. 197]. Сравнивая прагерманские и праславянские основы, **habuka-* и **kobyсь*, исследователь приходит к выводу об отсутствии звуковых соответствий, характерных для и.-е. фонетических законов: одновременное появление глухого и аспирированного звонкого взрывного согласных в одном корне. Причисление герм. **habuka-* к гнезду и.-е. **kar-* «хватать», по мнению Г. Кроонена, базируется на семантической трансформации «хватать» → «хватаящая птица», в основе которой лежит народная этимология. Исходя из результатов своего исследования, языковед приходит к выводу, что в данном случае речь идет о т.н. странствующем (бродячем) слове, распространившемся в Европе с появлением соколиной охоты. Это событие тесно связано с вторжением гуннов и аланов и датируется 4 в., что, по мнению Г. Кроонена, является датой неточной и более поздней [там же].

Мнение о вторичности *-t*, которое становится составной частью нем. *Habicht* не ранее 15 в., не подвергается сомнению в современной лингвистике [113, Bd. 2, S. 623–624; 127, S. 382; 129, s. 197].

Исследуемая лексема реализуется как компонент названий животных и растений: *Habichtsadler* «орел длиннохвостый», *Habichtskraute* «ястребинка» (*Hieracium* L.) [15, т.1, с. 808]; *Habichtbiss* – «кульбаба» (*Apargia hirta* L.) [6, с. 41].

Как компонент фразеологизмов и паремий нем. *Habicht* характеризуется достаточно высокой квантитативностью, передавая качества присущие птице – остроту зрения, крепкие когти, охотничьи инстинкты: *Habichtsauge* «ястребиный взгляд», «зоркий глаз»; *Habichtsnase* «ястребиный (горбатый) нос»; *Habichtskorb* «ловушка (для хищных птиц)», досл. «ястребиный коготь» [15, т.1, с. 808]; *Den Habicht zum Taubenwächter machen* «пусти козла в огород» (досл. *Поставить ястреба голубей охранять*) [160, Bd. 2, S. 245]; *Er will einem Habicht im Fluge die Nägel abschieden* «Он на лету подметки рвет» (досл. *Он ястребу в полете ногти сострижет*) [там же]; *Einem Habicht braucht man das Hühnerrupfen nicht zu lehren* «Не учи орла летать» (досл. *Не учи ястреба оципывать курицу*) [там же]; *Ein Habicht halt seine Beute fest* «Что волку в зубы попало, считай, пропало» (досл. *Ястреб свою добычу держит крепко*) [там же].

Таким образом, исследуемые соответствия *Habicht* – *кобец*, хотя и рассматриваются лингвистами как лексические параллели, характеризуются отсутствием однозначного вектора реконструкции. Так, в славистике, отрицается восхождение рус. *кобец* к и.-е. основе. Германисты же, в большинстве своем, не подвергают сомнению восхождение нем. *Habicht*, а следовательно и рус. *кобец* к индоевропейскому лексическому пласту. При этом и среди славистов, и среди германистов, существует гипотеза о субстратности исследуемых лексем.

Habicht – *кобец* характеризуются полным совпадением грамматического макрокомпонента (частеречность, родовая принадлежность) и отличиями в компоненте функционально-темпоральном (рус. *кобец* принадлежит к пласту устаревшей лексики). По-видимому, достаточно узкий семантический охват лексемы *кобец*, а тем более ее современного эквивалента орнитол. *кобчик* (значительно более узкий, чем семантика апеллятивов, обозначающих весь род / семейство / отряд птиц – соколы, коршуны и т.п.) является определяющим фактором в вопросе низкой реализации исследуемой лексемы в области фразеологии.

Mücke, die, сущ., ж.р., «комар» – *муха*, сущ., ж.р.

К славянским лексическим параллелям нем. *Mücke* «комар», восходящим к праслав. **тиха* относятся: ст.слав. *моуха* «муха», болг. *муха*, макед. *мува*, сербохорв. *муха*, *муа*, *мува*, словен. *tiha*, чеш. *toucha*, словац. *tucha*, в.луж. *tucha*, н.луж. *tucha*, полаб. *таихо*, польск. *tucha*, др.рус. *мұха*, укр. *муха*, рус. *муха* [97, вып. 20, с. 170–172].

Славистика определяет несколько взаимосвязанных праславянских основ, имеющих отношение к рус. *муха*. Так, О.Н. Трубачев говорит о праслав. **тиха*, сопряженной на основе чередования гласных с праслав. **тъха* (< рус. *моха* «мошка») и ее суффиксальной производной (*-ica*) праслав. **тъšica* (< ст.слав. *мъшица* «комар», словен. *tešica* «комар, мошка», чеш. *tšice* «мошка, тля», словац. *tšica* «вошь», польск. *mszyca* «тля, мошка», укр. *мишиця* «тля, травяная вошь») [там же, вып. 20, с. 211; там же, вып. 21, с. 15]. Такими же данными оперируют М. Фасмер [88, т. 2, с. 667; там же, т. 3, с. 19] и Р. Дерксен [108, р. 330–331, 332, 335–336]. При этом восхождение вышеозначенных праславянских основ к и.-е. **mī-* / **mus-* не подвергается сомнению в современном языкознании.

Рассматривая и.-е. **mī-* / **mus-* в качестве исходной основы для обозначения славянских апеллятивов с лексическим значением «муха», Ю. Покорный маркирует ее как звукоподражательную [141, Bd. 1, S. 752]. Ономотопею в данном случае отмечают П.Я. Черных и А.Г. Преображенский [93, т. 1, с. 551; 64, т. 1, с. 573].

Ф. Миклошич, рассматривая семантику **mīcha*, проводит параллель с болг. *тиѡа* «жалить» [135, S. 206]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов также объявляют в качестве исходной семантической основы исследуемого этимона значения «жалещее», «насекомое с жалом» (ср. чеш. диал. *toucha* «пчела»; болг. диал. *муá* «муха, слепень»; укр. диал. *муха* «пчела» [97, вып. 20, с. 170–172]) [22, ч. 2, с. 534–535].

О.Н. Трубачев, хоть и не отрицает в качестве атрибутивных причин номинации звукоподражание и значение «жалить», больше склоняется к определению цветового фактора «серая» в качестве ключевого. На почве принадлежности к гнезду и.-е. **mus-*, исследователь проводит параллель между

праслав. **тиха* и **тушь* «мышь», усматривая в последней основе элемент табуирования по признаку «серая» [97, вып. 20, с. 172; там же, вып. 21, с. 66]. Н.М. Шанский и А.Ф. Журавлев также склоняются в пользу этой гипотезы, хотя и не отвергают возможность семантической трансформации *мышь* → *летучая мышь* → *летающее насекомое* [96, вып. 10, с. 370]. В свою очередь, А.Г. Преображенский этимологическую номинативную модель *серая мышь* → *серая муха* считает маловероятной [64, т. 1, с. 573].

В исторических лексикографических источниках исследуемый этимон передает значение «муха»: *възбѣдѣноуємъ. ѡко же и въпадѣшаѡ моухы въ поставѣ паоучѣ* (12–13 вв.) [70, т. 5, с. 45]; имеет собирательный характер и предстает в качестве апеллятива для обозначения небольших крылатых насекомых (мошек, жуков): *Добро убо есть... не примѣшатися ихъ, да не обязавѣшесѣ стѣтми ихъ възбѣдѣноуємъ гонести, якоже и въпадѣша мухы въ поставѣ паучѣ* (11 в.) [72, вып. 9, с. 316]; используется для обозначения вредных насекомых (*песѣи мухи*): *Придоша пѣсія муха и мышца въ вся предѣлы ихъ* (1296 г.) [там же]. Также в СлРЯ XI–XVII вв. указывается *муха шпанская*, как в значении «насекомое», так и в значении медицинского средства: *Надобна-де... къ тому лекарству... мухъ шпанскихъ четыре золотника* (1658 г.) [там же]. СлДРЯ XI–XIV вв. предлагает лексему *мѣшица* в значении «мошка, комар»: *како стѣдиши въ островѣ семь толку суцю || зноу и мѣшицамъ* (1383 г.) [70, т. 5, с. 79].

В СлРНГ рус. *муха*, помимо апеллятива, обозначающего крылатых насекомых – Ставроп. Самар. *благая муха* «овод», Вят. «пчела» – посредством метонимического переноса реализуется в значениях: Волог. «назойливый, надоедливый человек», «низкорослый человек» (ср. сербохорв. *Muha* – фамилия, произошедшая из прозвища человека низкого ростом или назойливого [97, вып. 20, с. 171]); Ленингр. «мальчик-воришка, проникающий в жилье через форточку» [71, вып. 19, с. 35]. Составители словаря отмечают также значения «толстый конец бревна, выступающий за угол сруба», «деревянная скоба для засова», «вид детской игры» [там же].

На современном этапе развития языка рус. *муха* фиксируется в лексикографических источниках в значении «двукрылые насекомые» [59, с. 371; 80, т. 2, с. 284]. В переносном значении лексема реализует сему «алкоголь», предьявляя отрицательную коннотацию: *мух давить* (пьянствовать) [59, с. 371], *быть под мухой* (быть в нетрезвом состоянии) [там же]. Также встречается устойчивое выражение *белые мухи* «порхающие снежинки» [там же].

Исследуемая лексема предьявляет высокую квантитативность в ракурсе антропонимики: польск. *Johannes Mucha* [97, вып. 20, с. 171]; *Васюк Муха*, митрополичий дяк (1526 г.) [17, с. 209]; *Муханов, Степан Иванович* (1580 г.) [там же]. Проявляет себя этимон и в качестве гидронима: р. *Муха*, бассейн Днестра [55, с. 380]. Реализация исследуемой лексемы как компонента названий животных (чаще тех, для кого мухи являются кормовой базой) и растений (отпугивающих или истребляющих мух) также характеризуется довольно высоким количественным показателем: *мухоловка* (вид многоножек); *мухоловковые* (семейство воробьевых птиц) [9, с. 350]; *мухоловка* (*Aprocynum androsaemifolium*) [6, с. 41]; *мухомор* (*Agaricus muscarius*) [там же, с. 14]; *мухогон* (*Plectranthus fruticosus*) [там же, с. 407].

В области фразеологии рус. *муха* предьявляет высокую квантитативность, реализуя, чаще всего, семы «маленький», «слабый», причем речь идет не только о физических характеристиках, но и социальном статусе: *Его муха крылом перешибет. Еле-еле душа в теле* [28, т. 1, с. 347]; *Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет* [там же, с. 347]; *Нужда – мизгирь, а заемщик, что муха* [там же, т. 2, с. 46].

Первые письменно зафиксированные упоминания нем. *Mücke* датируются 8 в.: др.в.н. *tugga*, *тисса*, ср.в.н. *tugge*, *tügge*, *tucke*, *tücke*, др.сакс. *tuggia*, ср.н.н. *tügge*, ср.нидерл. *tugghe*, нидерл. *tug*, др.англ. *тусг*, англ. *midge*, др.сканд. *туг* [113, Bd. 2, S. 1131].

В. Пфайфер и руководимый им АК придерживаются гипотезы о взаимосвязанных аблаутных герм. основах **tiwjo(n) > *tugjo(n)* (> др.в.н. *tugga*, ср.в.н. *tugge*, др.сакс. *tuggia*) и **tiwja- > *tūja-* (> др.англ. *тусг*, англ.

midge) [там же]. Г. Кроонен также усматривает **mijja-* > швед. **mygg*, возникшее как результат характерного фонетического перехода **-jj-* → **-gg(j)*, объясняя последующую геминацию возникшего веляра ожидаемым результатом геминации, присущей западногерманским языкам [129, р. 380]. При этом исследователь призывает отличать эту веляризацию, от веляризации *-w-*, произошедшую в основах **mīwī* > **mijjōz* [там же]. Г. Кроонен полагает, что появление краткого **u* в исследуемой лексеме объясняется Законом Дыбо, предполагающим претоническую трансформацию долгих гласных в краткие в германском языковом фоне [там же]. Восхождение нем. *Mücke* к и.-е. **mī-* / **mus-* «комар, муха» в современном языкознании не оспаривается [113, Bd. 2, S. 1131; 127, S. 637; 129, р. 380; 141, Bd. 1, S. 752].

Исследуемая лексема предьявляет широкую реализацию в качестве компонента названий растений, птиц, насекомых: *Mückenkraut* (*Inula Conyza*) «девясил растопыренный», «мушник» [6, с. 176]; *Mückenfang* (*Lychnis Viscaria*) «смолка обыкновенная», «мухолов» [там же, с. 201]; *Scharfes Mückenkraut* (*Polygonum Hydropiper*) «горец» [там же, с. 265]; *Mückenfresser* «гусеницеедовы» (семейство воробьиных) [9, с. 233]; *Mückenfänger* «комароловка» (род птиц) [9, с. 341]; *Mückenhafte* «комаровки» [77, с. 190]; *Mückenwanze* «клоп комаровидный» [там же, с. 90].

В современном немецком языке *Mücke* характеризуется полисемией, реализуя, помимо «комар, мошка», значения: «бегунок» (в текстильном производстве); устар. «мушка»; *fliegende Mücke* «летающие перед глазами мушки» [15, т. 2, с. 164].

В области фразеологии исследуемая лексема предьявляет достаточно высокую квантитативность, реализуя чаще всего семы «маленький», «слабый», «быстрый»: *aus einer Mücke einen Elefanten machen* «делать из мухи слона» [11, с. 444]; *das nimmt eine Mücke mit dem Schwanz hinweg* «кот наплакал» [15, т. 2, с. 164]; *Mückenbein* «ничтожная малость» [там же]; *Mücken seigen und Kamele verschlucken* «за мелочами не замечать главного» [145, Bd. 2, S. 659]; *eine Mücke machen* «исчезнуть, быстро уйти» [30, с. 507].

Таким образом, *Mücke* – *муха* принадлежат к общей и.-е. основе **mī-* / **mus-*. Славистика не выработала общего взгляда на этимологию семантического компонента исследуемой лексемы, чего нельзя сказать о германском языковом поле. С точки зрения структурно-языкового анализа, лексические параллели предъявляют схожесть функционального макрокомпонента и макрокомпонента грамматического (частеречное и родовое совпадение). Рассматривая исследуемые лексемы в ракурсе лексического значения, можно отметить совпадение их денотативного и коннотативного показателей. В области фразеологии *Mücke* – *муха* характеризуются достаточно высокой квантитативностью и схожестью некоторых реализуемых сем – «маленький», «слабый».

§ 2.4.2 Лексико-семантическая группа «Растительный мир»

Erle, die, сущ., ж.р., «ольха» – *ольха*, сущ., ж.р.

К славянским лексическим параллелям нем. *Erle*, восходящим к праслав. **elъxa* / **olъxa*, относятся: церк.слав. *ольха*, болг. *елха́* «ель, ольха», макед. *евла* «ольха», словац. *jelcha* «ольха», польск. *olcha* «ольха», др.рус. *ольха*, сербохорв. *jóxa*, укр. *вільха*, блр. *вольха*, рус. *ольха* [97, вып. 6, с. 23–24; там же, вып. 32, с. 81].

Современная славистика не выработала единый подход в вопросе принадлежности этимона к и.-е. субстрату. Равно как не перестает быть дискуссионным и вопрос фонетического оформления лексемы в ракурсе диахронии. Так, усматривают определенные трудности при объяснении анлаута в славянском языковом поле А.Г. Преображенский и Р. Дерксен, что, по мнению последнего, может служить почвой для сомнений в и.-е. происхождении исследуемой лексемы [64, т. 1, с. 648; 108, р. 371].

В свою очередь Э. Бернекер объясняет славянское ослабление по анлауту **jel* / **ol* влиянием сандхи, вызвавшего развитие **ǎlъcha* и **ǎlъcha* из и.-е. основы **alisā*, уточняя: **ǎlъcha* > **olъcha*, **ǎlъcha* > **jelъcha* [102, Bd. 1, S. 453]. Большинство исследователей-славистов относят рус. *ольха* к индоевропейскому

лексическому пласту: рус. *ольха* < праслав. **elъxa* / **olъxa* < и.-е. **alisā* < и.-е. **el-* «красный, коричневый» (О.Н. Трубачев указывает, не конкретизируя, на светлый цвет [97, вып. 6, с. 24]; П.Я. Черных говорит о древесине ольхи – светлой, но краснеющей на воздухе [93, т. 1, с. 597]) [141, Bd. 1, S. 302–303; 97, вып. 6, с. 24; 93, т. 1, с. 597].

Исследуемый этимон реализует значение «лиственное дерево», отраженное как в лексикографических источниках современного русского языка [59, с. 452], так и в исторических словарях: *А от зимней дорого и от олхи с признакою вверх по край вертеи* [72, вып. 12, с. 362].

Повсеместное произрастание ольхи в ареале проживания славян послужило стимулом применения апеллятива в качестве компонента топонимов и гидронимов: сербохорв. р. *Јошевица* [97, вып. 6, с. 24]; с. *Ольховка*, Белгородская обл.; р. *Ольховка*, Московская обл.; с. *Ольшанка*, Пензенская обл.; р. *Ольшанка*, Саратовская обл.

Реализация исследуемого этимона в области антропоники также достаточно широкая: *Грицко Ольховик*, крестьянин (1618 г.), *Иван Ольховка*, полоцкий сельчанин (1601 г.) [86, с. 289].

Исследуемая лексема широко представлена в СлРНГ как компонент названий животных и растений, основанием номинации которых, в той или иной степени послужили либо ареал их распространения, либо их цветовые характеристики: Новг. *ольхóвик*, грибы, растущие под ольхой; Ленингр. *óльховик*, гриб рыжик; Ленингр. *ольховка*, летняя, ярко-рыжая белка; *ольшанный ястреб* (до линьки – с красновато-желтыми перьями, после линьки – с белыми) [71, вып. 23, с. 193].

Рассматривая структуру коннотативного макрокомпонента рус. *ольха*, отметим незмоциональность и неоценочность лексемы, что, вкупе с узким семантическим охватом (растение – дерево или кустарник) может служить причиной низкой количественности этимона в области фразеологии: *Коли береза перед ольхой лист распустит, то лето будет сухое; если ольха наперед – мокрое* [28, т. 2, с. 371].

Первые письменно зафиксированные упоминания нем. *Erle*, восходящие к germ. *alizō*, датируются 9 в.: др.в.н. *erila*, *elira*, ср.в.н. *erle*, др.сакс. *elis*, ср.н.н. *alre*, *elre*, *else*, *eller*, ср.нидерл. *else*, нидерл. *els*, др.англ. *alor*, *aler*, англ. *alder*, др.сканд. *elri*, *elrir*, *alri*, дат. *el* [113, Bd. 1, S. 372].

Германисты сходятся во мнении о присутствующей в этимоне метатезе *l / r* (др.в.н. *elira* (9 в.) – *erila* (10 в.)), однако, о ее роли в деле дальнейшей этимологизации лексемы общего подхода не выработано. Так, Ю. Покорный и В. Пфайфер, с возглавляемым им АК, реконструируют нем. *Erle* до индоевропейского уровня, усматривая в качестве основы номинации цветовую характеристику «красный», «коричневый», «желтый» [141, Bd. 1, S. 302; 113, Bd. 1, S. 372].

В свою очередь Г. Кроонен, привлекающий в орбиту своих исследований славянские лексические параллели, сомневается в и.-е. происхождении исследуемой лексемы (ср. измышления Р. Дерксена о реконструкции праслав. **olъxa* / **elъxa* [108, р. 371]) [129, р. 22]. В качестве подтверждения своей гипотезы языковед указывает на слав. суффикс *-is-*, имеющий соответствие в др.в.н. *elira* < **alizō(n)*, как на почву для предположений о некогда существовавшем вторичном гласном в суффиксе – др.англ. *alor* < **aluz*. С одной стороны – это признак некогда произошедшей трансформации лексемы в *s*-основу, с другой – это противоречит факту первоначального склонения лексемы как именной основы, т.е. основы, сформировавшейся при помощи присоединения флективного окончания напрямую к корню, без помощи промежуточного суффикса [129, р. 22].

В современном немецком языке лексема реализует единственное значение «ольха» [15, т. 1, с. 584], что, вероятно, наряду с ее незмоциональностью и неоценочностью ограничивает реализацию нем. *Erle* в области фразеологии.

Распространенность растения в центральной Европе, привела к довольно частому употреблению этимона в качестве компонента топонимов и гидронимов: р. *Erle*, земля Тюрингия, ФРГ; *Erlensee*, коммуна в земле Гессен, ФРГ; *Erlenbach*, коммуна в земле Баден-Вюртемберг, ФРГ.

Широкая реализация нем. *Erle* в качестве компонента названий птиц и насекомых основана на признаках «среда обитания», «кормовая база», «цвет»: *Erlentyrann*, der, «лесной эмпидонакс», птица отряда воробьиных (номинация по среде обитания) [9, с. 241]; *Erlenzeisig*, der, «чиж» (номинация по желтоватому оперению) [там же, с. 439]; *Erlenblattstiellaus*, die, «тля осиновая» [77, с. 58]; *Erlenblattkäfer*, der, «листоед ольховый» [там же, с. 155]; *Erlenbastkäfer*, der, «лесовик ольховый» [там же, с. 212].

Таким образом, *Erle* – ольха представляют собой линейные соответствия с полным совпадением денотативного макрокомпонента (реализация ядерной семы), и коннотативного (неоценочность и неэмоциональность). Повсеместное произрастание ольхи в Европе обусловило широкое распространение исследуемых лексем в области топонимики. Реализация *Erle* – ольха в качестве компонента названий животных, птиц, насекомых, растений основана на наличие у последних таких физических характеристик, как красный / коричневый / желтый цвет, селение / произрастание в ольшаниках, употребление листьев ольхи в пищу. Принадлежность исследуемых лексических параллелей к индоевропейскому лексическому пласту некоторыми лингвистами ставится под сомнение.

Lauch, der, сущ., м.р., «лук» – лук, сущ., м.р.

К славянским лексическим параллелям нем. *Lauch*, восходящим к **lukъ*, относятся: ст.слав. *лоукъ* «лук, чеснок», болг. *лук* «лук, чеснок», макед. *лук* «чеснок», сербохорв. *луќ* «лук», словен. *lùk* «лук», полаб. *lauk* «чеснок», польск. *luk* «чеснок, гиацинт», др.рус., рус.церк.слав. *лукъ*, рус. *лук* [97, вып. 16, с. 172].

В славистике общепринятой является гипотеза о германском заимствовании исследуемой лексики, однако, модальность следования данной точке зрения в среде лингвистов различна. Так, Э. Бернекер, А. Мейе, М. Фасмер, Н.М. Шанский, О.Н. Трубачев с уверенностью указывают на общеславянское заимствование из германского лексического поля [102, Bd. 1, S. 744; 48, с. 410; 88, т. 2, с. 531; 96, вып. 9, с. 185; 97, вып. 16, с. 172].

А.Г. Преображенский, соглашаясь с этим устоявшимся мнением, задается вопросом о самой германской этимологии, пометая ее как неясную [64, т. 1,

с. 477]. П.Я. Черных идет еще дальше в своей трактовке реконструкции рус. лук. С одной стороны, исследователь принимает появление в праслав. **lukъ* звука *-k* вместо ожидаемого *-g* в качестве указания на германское заимствование, однако, озвученное А.Г. Преображенским сомнение представляется ему веской причиной не ставить точку в исследованиях по определению архетипа славянского этимона. Языковед, в качестве возможного вектора исследований, указывает на поиск пока что неизвестного источника заимствования, общего как для славянского, так и для германского языковых полей [93, т. 2, с. 494].

В современных и исторических лексикографических источниках исследуемой лексеме присуща моносемия: *подобаетъ ꙗсти брашьна ·в·... оустроено обою съ дрѣвнымъ маслѣмъ и съ лоукѣмъ* (12–13 вв.) [70, т. 4, с. 434]; *Не точью воломъ и козломъ и псомъ и трепястѣкомъ угажаху, но и чесновитку и луку* (13–14 вв.) [72, вып. 8, с. 296]; *репчатый лук*; *головка лука* [59; с. 334].

В области ономастики исследуемый этимон предъявляет высокую количественность в качестве компонента топонимов и антропонимов: ст.укр. с. *Лоуковиця* в Молдавском княжестве [97, вып. 16, с. 170]; с. *Луковик*, Сербия [там же]; с. *Łukówiec*, Польша [там же, с. 171]; *Луковица Михаил*, крестьянин (1495 г.) [17, с. 186].

Реализация рус. лук в области фразеологии достаточно широкая, при этом исследуемый этимон чаще всего выражает значения «здоровье» (укрепляющие и лечебные свойства растения), «бедность» (даже бедные люди могли себе позволить купить лук, или вырастить его, не прилагая особых физических и материальных затрат): *Кто ест лук, того Бог избавит от вечных мук*; *Лук да баня все правят*; *Луком торговать, луковым плетнем и подпоясываться*; *Голо, голо, а луковка во щи есть* [29, т. 2, с. 277–278].

Первые упоминания нем. *Lauch*, восходящего к герм. **lauka-* «лук», в письменных источниках датируются 9 в.: др.в.н. *louh*, ср.в.н. *louch*, др.сакс., ср.н.н. *lōk*, ср.нидерл. *loos*, нидерл. *look*, др.англ. *lēas*, англ. *leek*, др.сканд. *laukr*, швед. *lök* [113, Bd. 2, S. 980].

Современное языкознание признает этимологию исследуемой лексемы неясной, однако, причисление этимона к индоевропейскому гнезду является общепринятой точкой зрения. Так, Ю. Покорный, В. Пфайфер, с возглавляемым им АК и Г. Кроонен усматривают: герм. **lauka-* < и.-е. **leug-* «сгибать», «закрывать». Причем В. Пфайфер со своим АК отталкиваются от значения «сгибать», как от основного номинативного признака (у лука изогнутые вниз листья), в то время как Ю. Покорный и Г. Кроонен в качестве признака номинации указывают значение «закрывать» (как листья лука закрывают точку роста самой луковицы) [141, Bd. 1, S. 685; 113, Bd. 2, S. 980; 129, р. 329].

Отличную гипотезу выдвигает Ф. Клуге. Исследователь, опираясь на др.сканд. *lauka* «лук», указывает на композиту др.сканд. *laukagarðr*, обозначающую и «место посадки растения», и «сад, где растет лук». Дальнейшие измышления приводят языковеда к выводу о возможном восхождении нем. *Lauch* к и.-е. **al-* «расти» [127, S. 562].

В современном языке, нем. *Lauch* часто является компонентом названий растений – *Lauchrraut, das*, «чесночник» [15, т. 2, с. 23]; *Knoblauch, der*, «чеснок» (ср. болг. лук «лук, чеснок», макед. лук «чеснок») [113, Bd. 2, S. 980]; *Bärenlauch, der* «черемша», «лук медвежий» [там же].

Исследуемый этимон реализуется и в области топонимики: *Lauchheim*, город в земле Баден-Вюртемберг, ФРГ; *Laucha*, деревня в земле Тюрингия, ФРГ.

Как компонент фразеологических единиц нем. *Lauch* предъявляет достаточно низкую квантитативность: *Schnittlauch auf allen Suppen sein* «выделяться из окружения», досл. «быть луком (шнитт-луком) в каждом супе» (возможно, паремия основана на ярком цвете растения, ср. *lauchgrün* «зеленоватый») [145, Bd. 2, S. 1051].

Таким образом, *Lauch* – лук являются линейными языковыми соответствиями, реализующими интерсему «лук, травянистое растение» и предъявляющими неценочность и неэмоциональность. Рассматривая структурно-языковой компонент исследуемых лексем, отметим полное соответствие грамматического макрокомпонента (частеречность и родовая принадлежность) и

функционального (лексемы принадлежат к пласту межстилистической, общераспространенной, современной, употребительной лексики). Этимология лексических параллелей неоднозначна. Славистика, в качестве общепринятой, предъявляет гипотезу о германском заимствовании, не углубляя уровень дальнейшей этимологизации. Реконструкция нем. *Lauch* достигает индоевропейского уровня, хотя и вызывает определенные разногласия в среде языковедов.

Выводы по главе 2

Лексические параллели, как важный компонент праязыкового наследия, являются одним из результатов, когда-то имевших место этнических контактов. Аккумулируя следы языковых трансформаций, они позволяют исследователю определить уровень и вектор культурно-исторического онтогенеза, а также степень взаимовлияния славянского и германского этносов, выступая в качестве материальной субстанции особенностей национальной концептосферы.

Из 39 исследованных лексических параллелей большинство (29) реконструируются до уровня индоевропейского архетипа. Не всегда исследовательскому континууму удастся выработать единую точку зрения в этом вопросе, однако мы опирались на гипотезы об индоевропейской идентичности, выдвинутые учеными – флагманами славянской и германской этимологии.

Остальные 10 пар исследуемых лексических параллелей демонстрируют разные уровни глубины этимологизации, возможные заимствования и принадлежность не к индоевропейскому архетипу.

Так восхождение двух компонентов лексических параллелей к тюркскому языковому полю обнаружено в одном случае – *Dolmetscher, der*, сущ., м.р., «устный переводчик» – *толмач*, сущ., м.р., «переводчик». При этом представлено 5 примеров, где один или оба компонента лексических параллелей обладают неясной этимологией: *Adel, der*, сущ., м.р. «дворянство, аристократия» – *отец*,

сущ., м.р.; *Erle, die*, сущ., ж.р., «ольха» – *ольха*, сущ., ж.р.; *Habicht, der*, сущ., м.р., «ястреб» – *кобец / кобчик*, сущ., м.р., «малый ястреб»; *Kürschner, der*, сущ., м.р., «скорняк, меховщик» – *корзно*, сущ., с.р., «мантия (знати в Киевской Руси), плащ с меховой опушкой»; *Lauch, der*, сущ., м.р., «лук» – *лук*, сущ., м.р.

Реконструкция лишь до уровня общей германской основы обнаружена в 1 случае: *gelten*, гл., «стоять, цениться, быть действительным, иметь силу, считаться, предназначаться» – *желести*, гл., «платить, искупать вину».

Также зафиксированы 4 примера возможного заимствования: *Kürschner, der*, сущ., м.р., «скорняк, меховщик» – *корзно*, сущ., с.р., «мантия (знати в Киевской Руси), плащ с меховой опушкой»; *Lauch, der*, сущ., м.р., «лук» – *лук*, сущ., м.р.; *Maut, die*, сущ., ж.р. «таможня», «таможенная пошлина» – *мыто*, сущ., с.р.; *Kaiser, der* сущ., м.р. «император» – *царь*, сущ., м.р. (последнее из латинского антропонима *Caesar*).

В ракурсе структурно-языкового значения менее половины рассмотренных лексических параллелей демонстрируют различия по грамматическому мегакомпоненту. Так расхождения в родовой принадлежности отмечены у 13 пар лексем, например: *Bart, der*, сущ., м.р. «борода» – *борода*, сущ., ж.р.; *Brust, die*, сущ., ж.р. «грудь» – *брюхо*, сущ., с.р.; *Nase, die*, сущ., ж.р. «нос» – *нос*, сущ., м.р.; *Magen, der*, сущ., м.р. «желудок» – *мошна*, сущ., ж.р.;

Частеречные различия представлены лишь в 3-х лексических параллелях: *Baron, der*, сущ., м.р. «барон» – *бороть*, гл.; *nähen*, гл., «шить» – *нить*, сущ., ж.р.; *leihen*, гл. «давать займы, одалживать, брать займы» – *лихо*, сущ., с.р.

Менее трети рассмотренных лексических параллелей, а точнее 11, являются линейными соответствиями: *Bär, der*, сущ., м.р., «медведь» – *медведь*, сущ., м.р.; *Biber, der*, сущ., м.р., «бобр» – *бобр*, сущ., м.р.; *Erle, die*, сущ., ж.р., «ольха» – *ольха*, сущ., ж.р.; *Lauch, der*, сущ., м.р., «лук» – *лук*, сущ., м.р.; *Leute, die (pl)*, сущ., мн.ч. «люди» – *люди*, сущ., мн.ч.; *Ohr, das*, сущ., с.р. «ухо» – *ухо*, сущ., с.р. и др.

Признаки имевшего места в древности табуирования были обнаружены в трех германо-славянских соответствиях: *Bär, der*, сущ., м.р., «медведь» – *медведь*,

сущ., м.р.; *leihen*, гл., сильн., «давать займы, одалживать, брать займы» – *лихо*, сущ., с.р.; *Zunge, die*, сущ., ж.р. «язык» – *язык* сущ., м.р.

Функциональный макрокомпонент представленных лексических параллелей отмечен существующими различиями, большая часть которых проявляется в функционально-темпоральном ракурсе – присутствуют 5 историзмов (*Wittum, das*, сущ., с.р. «виттум, право пожизненного пользования определенным имуществом, предоставленное вдове по завещанию» – рус. *вѣно* «выкуп за невесту», сущ., с.р.; *Maut, die*, сущ., ж.р. «таможня», «таможенная пошлина» – *мыто*, сущ., с.р. и др.) и 6 архаизмов (*Arm, der*, сущ., м.р., «рука» – *рамо* «плечо», сущ., с.р.; *Habicht, der*, сущ., м.р., «ястреб» – *кобец* / *кобчик*, сущ., м.р., «малый ястреб»; *lieb*, прил., «милый, дорогой, любимый» – *любий*, прил.; *Miete, die*, сущ., ж.р., «плата за наем, квартирная (арендная) плата» – *мзда*, сущ., ж.р. и др.) в качестве хотя бы одного из компонентов лексической пары.

ГЛАВА 3. СЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ НЕМЕЦКИХ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ И АФФИКСОВ В СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Одной из основных причин возникновения лексикографической литературы является необходимость описания знаменательных слов, как основного элемента высказывания. Преуменьшать роль служебных слов в высказывании не представляется возможным. В процессе онтогенеза когнитивной деятельности человека увеличивается коммуникативная нагрузка речевого акта, и как результат, усложняется структура самого высказывания. Регуляция отношений между элементами высказывания, соединение их в одну целую систему, является основной функцией служебных слов [92, с. 84].

Несмотря на ослабленное лексическое значение и сниженную (по сравнению со знаменательными словами) функциональную нагрузку [79, с. 156], синкатегорематические единицы обеспечивают лексико-грамматическую согласованность языковых элементов в процессе продуцирования и восприятия высказывания, что и делает служебные слова актуальным предметом современных лингвистических исследований.

Аффиксы, как функциональные единицы словообразования, выступая в качестве предмета исследования, помогают выяснить производность лексемы, т.е. определить последовательность *производящая основа* → *производная основа*. Отметим, что, несмотря на принадлежность аффиксов к морфологическому языковому уровню, их коррелятами в славянском языковом поле выступают лексические единицы. Этот факт дает нам право говорить о наличии у этимологий исследуемых германских словообразовательных единиц славянских лексических параллелей. Значимость полученных в результате такого исследования данных для сравнительно-исторического языкознания переоценить сложно. О важности приложения диахронического подхода к словообразованию говорил еще

О.Н. Трубачев, утверждавший, что оно «в своей сущности исторично и поэтому принадлежит к той же области, что и этимология» [84, с. 154].

Таким образом, в деле уточнения хронологических и этнографических характеристик славянского и германского лексического корпусов, а также уровня их взаимовлияния, привлечение славянских параллелей немецких этимологий служебных слов и аффиксов также актуально, как и славянских параллелей немецких этимологий слов знаменательных.

§ 3.1 Славянские лексические параллели этимологий немецких служебных слов в сравнительно-историческом освещении

§ 3.1.1 Славянские лексические параллели немецких предлогов в сравнительно-историческом ракурсе

Auf, предл. «на», «в», «по» (положение на поверхности предмета, направление к поверхности) – *высокий* прил.

К славянским параллелям нем. *auf*, восходящим к праслав. **ǫrso-* «высокий», относятся: ст.слав., др.рус. *высокъ*, рус. *высокий*, укр. *високий*, болг. *висо́к*, сербохорв. *viśōk*, словен. *visōk*, чеш., словац. *vysoký*, польск. *wysoki*, в.луж., н.луж. *wusoki* [96, т. 1, вып. 3, с. 231–232].

В славистике сложилось мнение, об образовании исследуемой лексемы посредством суффикса *-окъ-*, отсутствующем в сравнительной форме (рус. *выше*, сербохорв. *višē*) [96, т. 1, вып. 3, с. 231–232; 93, т. 1, с. 174; 108, р. 535; 132, S. 705]. Н.М. Шанский, П.Я. Черных и Р. Дерксен указывают также на протетическое *-в-*, развившееся перед начальным *и-* [96, т. 1, вып. 3, с. 232; 93, т. 1, с. 174; 108, р.; 132, S. 705].

Рассматривая фонетические трансформации рус. *высокий*, Ф. Кортландт причисляет исследуемую лексему к деривациям сущ. *высь*, которое, в свою

очередь, предъявляет первоначально фиксированного ударение на первом слоге – показатель древнего акутного тона [128, р. 37]. Исследователь полагает, что начальное и.-е. *и в славянских языках дает акутное ву- под ударением, либо претоническое въ- [там же]. Р. Дерксен уточняет, что рефлекс *ву- возникает, вероятно, из ударной позиции [108, р. 535].

Реконструкция рус. *высокий* до и.-е. *ups-, предложенная Ю. Покорным [141, Bd. 1, S. 1106–1107], не подвергается сомнению в современной славистике.

СлРЯ XI–XVII вв. предъявляет следующие значения рус. *высокий*: «высокий» – *Въ храмъ ли краснь и висоць възлежиши: въвед(и) ски(таюш)аагося по улицамъ въ домъ свои* (1076 г.) [72, вып. 3, с. 250]; «выпуклый, рельефный» (о шитье) – *Оплечье шито золотомъ и серебромъ высокимъ шитьемъ по червчатому бархату* (1683 г.) [там же]; «большой, значительный по размерам, количеству» – *И счастье мое есть высоко, зане же звездословцы мои от звезд усмотриша и всякое добро ми скоро прорекоша* (1672 г.) [72, вып. 3, 250–251]; «высококачественный» – *Серебряной поднось и двъ чистаго серебра чашки, которыя были весьма высокои работы* (17–18 вв.) [72, вып. 3, 251]; «обладающий большим саном, властью; могущественный, великий» – *Назвал он [султан] высока себя, будто он выше всѣхъ земскихъ царей* [там же]; «знатный» – *Достоиновѣрни да будутъ послуши, и не неци высоци или богати, ниже нижни, ни убози* (12–13 вв.) [там же]; «возвышенный, полный глубокого содержания, значения» – *Буди пониженъ главою, высокъ же умъмъ, очи имѣя въ земли, умнѣи же нбѣи* (1076 г.) [там же]; «гордый, надменный, заносчивый» – *Азъ быхъ, брате, вина твоему ослеплению, повѣдахъ ти смерть, хотя души твоей пользу сътворити и высокый твой разумъ на смирение привести* [там же]; «поднимающийся высоко» (о птицах) – *Красносмотрителень же и радостень високова сокола летъ* (1656 г.) [там же]; «тонкий» (о звуках) – *Муסיкия вся степени гласовомъ имущая... и языкомъ словеса по степенехъ водящихъ, и гласъ нижайший, средний же и высокий издающая* (1681 г.) [там же].

Современные лексикографические источники предлагают схожую парадигму значений исследуемой лексемы: «высокий» – *высокий рост* [80, т. 1,

с. 504]; «очень сильный, большой» (перен.) – *высокие цены* [59, с. 119]; «выдающийся, важный, почетный» – *высокая награда* [там же]; «имеющий отличные качества» – *высокие сорта товаров* [80, т. 1, с. 504]; «знатный, высокопоставленный» – *высокие договаривающиеся стороны* [там же]; «возвышенный» – *высокий стиль* [59, с. 119]; «тонкий, звонкий» (о звуках) – *высокая нота* [80, т. 1, с. 504].

В качестве компонента ономастической единицы рус. *высокий* встречается в антропонимах: *Высокого (Высокий) Степан Васильевич* (1568 г.), Ярославль [17, с. 75]; *Вышегородов Федор* (1565 г.), подьячий, Волок Ламский [там же]; *Вышемерный Некрас* (1585 г.), посадский человек, Псков [там же]; *Вышеславцев Михаил Матвеевич* (середина 15 в.), Суздаль [там же]; *Вышеславцевы* (16 в.), Суздаль и Великий Новгород [там же]. Как компонент топонимов, исследуемая лексема представляет собой распространенное название укрепленных пунктов у славян, означавшее замок, укрепление на возвышенном месте, буквально «высокий город» (возможно значение «место власти» – замок феодала) – рус. *Вышгород*, польск. *Wyśógród*, чеш. *Вышеград* [56, с. 91]; г. *Вышний Волочек* [62, с. 76].

Как компонент фразеологической единицы рус. *высокий* обладает как положительной, так и отрицательной коннотацией и чаще всего реализует значения «высокий», «могущественный», «гордый»: *Мать и высоко подымет, да не больно опустит руку* [28, т. 1, с. 338]; *Ниже бога, выше царя (смерть)* [там же, с. 282]; *Молодой журавль высоко взлетел, да низко сел* [там же, с. 310]; *Не летать было вороне в высокие (в боярские) хоромы* [там же, т. 2, с. 120]; *Из высоких дворян, чьи терема под небеса ушли* [там же, с. 197].

Первые зафиксированные на письме упоминания нем. *auf*, восходящего к герм. **ur(a)* датируются 8 в.: др.в.н., ср.в.н. *īf*, др.сакс. *ur(p)*, др.англ. *īr*, *urp*, др.сканд., швед. *urp*, дат. *or*, гот. *iur* [127, S. 71; 113, Bd. 1, S. 93–94].

Ф. Клуге и В. Пфайфер, с возглавляемым им АК сходятся во мнении, что форма с долгим гласным в др.в.н., ср.в.н. *īf*, распространенная в южнонемецких диалектах, является основой дифтонгизированной формы в современном

немецком языке (в то время как для Северогерманских и Западногерманских языков характерна геминация согласного с укороченным гласным) [там же]. При этом, по мнению Ф. Клуге консонантизм нем. *auf* неясен: германские формы должны были либо восходить к варианту с и.-е. *-b-*, либо избегать германского звукового сдвига путем геминации [127, S. 71].

По мнению Г. Кроонена, определить наличие у германской основы **urp* / **eur* суффикса **-e/*-a* представляется затруднительным, а геминация является регулярным случаем в локативе **urrai* [129, р. 120–121]. Исследователь не исключает и обратного вектора возникновения герм. **urp* / **eur* – путем удаления окончания у локатива [там же]. Г. Кроонен также уточняет, что долгота гласного в др.в.н. *īf* и нем. *auf* обусловлена моносиллабическим удлинением [там же].

Гипотеза о восхождении нем. *auf* к индоевропейской основе – нем. *auf* < и.-е. **uro-* не подвергается сомнению в среде исследователей-этимологов [127, S. 71; 113, Bd. 1, S. 94; 141, Bd. 1, S. 1106].

Современные лексикографические источники рассматривают нем. *auf* как предлог, управляющий дательным (D) и винительным (A) падежами и применяемый для выражения следующих значений: (D), «указание местонахождения» *на, в, по – auf einer Bank sitzen* «сидеть на скамейке» [112, S. 193]; *auf dem Eise gleiten* «скользить по льду» [15, т. 1, с. 149]; (A), «указание направления» *на, в – auf das Zimmer gehen* «идти в комнату», *auf den Tisch legen* «положить на стол» [там же]; (A), «указание временного промежутка» *на, до – auf ein paar Tage verreisen* «уехать на пару дней» [112, S. 193]; *wie lange ist es noch auf Ostern?* «сколько остается еще до Пасхи?» [15, т. 1, с. 149]; (A), «указывает на образ действия» – *auf diese Weise* «таким образом» [там же]; (A), «указывает на направленность на кого-л., на что-л.» – *Hoffnung auf Besserung* «надежда на выздоровление» [там же]. Также значение исследуемой лексемы зависит от управления используемого глагола.

Одно из реализуемых значений нем. *auf* в качестве наречия – «вверх, туда» (ср. рус. *высокий*): *auf und ab [nieder]* «вверх и вниз» [там же].

Таким образом, лексические параллели *auf* – *высокий* реконструируются до общего индоевропейского архетипа. Структурно-языковая парадигма исследуемых лексем отмечена различием грамматического макрокомпонента – разной частеречностью, что и определяет их принадлежность к словам служебным (*auf*) и знаменательным (*высокий*). Последнее дифференцирует семантическую нагрузку *auf* – *высокий* и количественность их реализации в области фразеологии и ономастики. Обе исследуемые лексемы претерпели существенные фонетические трансформации в своем историческом развитии. Семантика *auf* – *высокий* обнаруживает определенную взаимосвязь *место положения, направление движения* → *выступающий из плоскости, тянущийся далеко вверх*.

Unter, предл. «под», «между» (пространственно более низкое положение или направление по отношению к точке отсчета, принадлежность к группе, множеству, указание на сопутствующее обстоятельство, состояние, в котором что/кто-л. находится или в которое что/кто-л. поставлено) – *внутри* нареч., предл.

К славянским параллелям нем. *unter*, восходящим к праслав. **ǫtrь* «то, что находится внутри», относятся: ст.слав. *вънѣтрь* «внутри, внутри», др.рус. *утрь* «внутри, внутри», рус. *внутри*, болг. *въ́тре, внѣ́тре* «внутри», сербохорв. *унѹ́тар*, словен. *nȍtār*, чеш. *vnitř* «внутри», словац. *vnutor, vñútor*, польск. *wewnątrz* «внутри», в.луж. *wnutŕ*, н.луж. *wnutś* [88, т. 1, с. 329].

В современной славистике рус. *внутри* рассматривается как результат сложения предлога *вън-* и именной основы **ǫtrь* [96, т. 1, вып. 3, с. 122; 88, т. 1, с. 329; 93, т. 1, с. 158; 97, вып. 40, с. 85–86]. П.Я. Черных уточняет, что исследуемая лексема представляет собой застывший косвенный падеж от праслав. **ǫtrь* [93, т. 1, с. 158]. А.Ф. Журавлев и Ж.Ж. Варбот, в свою очередь, полагают, что праслав. **ǫtrь* следует понимать как *i*- локатив консонантной основы, причем приставка *вън-* реализует усиление локатива в функции наречия [97, вып. 40, с. 85–86]. Исследователи указывают и на морфемную трансформацию, появившуюся как результат переразложения префикса *вън-*: **вън-ǫtrь* > **въ-nǫtrь*, уточняя, что вторичная форма **nǫtrь* стала функционировать как самостоятельная

лексема (рус. *нутро*) [там же, с. 86]. Р. Дерксен высказывает схожую точку зрения по этому вопросу [108, р. 387].

Не вызывает сомнений в среде лингвистов этимологизация рус. *внутри* до индоевропейского уровня [96, т. 1, вып. 3, с. 122; 93, т. 1, с. 158; 97, вып. 40, с. 85; 141, Bd. 1, S. 313–314]. Н.М. Шанский усматривает восхождение исследуемой лексемы к и.-е. **enter-: *onter* «между» [96, т. 1, вып. 3, с. 122]. П.Я. Черных, увеличивая семантическую амплитуду, указывает на и.-е. **enter-: *nter-* «между», «внутри» [93, т. 1, с. 158]. Ю. Покорный также указывает на и.-е. **enter-*, **nter-* «между», **en-tero-* «внутри» [141, Bd. 1, S. 313–314]. По мнению А.Ф. Журавлев и Ж.Ж. Варбот праслав. **otrь* реконструируется до и.-е. **ontro-m*, основанном на чередование вокализма **e: *o* [97, вып. 40, с. 85]. При этом исследователи рассматривают **en-/ *on-* как предлог-приставку «в», а *-tr-* как формант с пространственно-компаративной функцией [97, вып. 40, с. 85].

СлДРЯ XI–XIV вв. датирует первые письменные упоминания др.рус. *въноутрь* 11 в.: *Рече гб... нѣкии же троудъ въноутрь тѣчю азыка съдрѣжати въ ѣстьствѣмъ чѣртозѣ* (1076 г.) [70, т. 2, с. 187]. Лексикографический источник указывает на др.рус. *въноутрь* с разными частеречными пометами – наречие и предлог, причем более ранним считается наречие. Также, в СлДРЯ XI–XIV вв. помимо современного, отмечены такие значения (предлога) как: «по другую сторону, с внутренней стороны чего-л.» – *И градьскѣи законъ бранитъ. прибѣгъшимъ гѣсти. или съдѣти въноутрь црѣкве. нѣ шествовати. и пребывати съ твердынею. въноутрь первыхъ двери въ тѣхъ притворѣхъ. и в банѣхъ. и в вградѣхъ* (1296 г.) [там же, с. 188]; «на протяжении, в продолжение какого-л. отрезка времени» – *Въноутрь трии м(с)цѣ. еп(с)пмъ да створяють поставление... аще же в реченое время не поставитъ. запрѣщение да приметъ* (1284 г.) [там же].

В современном русском языке отмечается сужение семантического охвата рус. *внутри*: «во внутреннюю часть, во внутренность» (нареч.) – *Лекарство принимается внутри*; с род.п. «внутри кого-л., в границы чего-л.» – *Проникнуть внутри помещения* [59, с. 88].

Исследуемая лексическая единица реализуется в славянской топонимике – болг. *Вътро поле* «поле между горами» [97, вып. 40, с. 85].

Также примеры реализации лексемы встречаются и в области фразеологии. При этом рус. *внутри* предьявляет неэмоциональность и неоценочность, как основные элементы коннотативного компонента значения: *С личика яичко, а внутри болтун* [28, т. 2, с. 187]; *В лес дорога, на пупке тревога, внутри ярмарка (улей)* [там же, с. 419].

Первые письменно зафиксированные упоминания нем. *unter*, восходящие к герм. **under* «под», «между» датируются 8 в. [127, S. 943]. Этимология исследуемой лексемы включает в себя: др.в.н. *untar* «в», «под», «между», ср.в.н. *under*, др.сакс. *undar*, ср.н.н. *under*, ср.нидерл., нидерл. *onder*, др.англ., англ., швед. *under*, др.сканд. *undir*, гот. *undar* [113, Bd. 3, S. 1876].

Ф. Клуге усматривает взаимосвязь дифференциации лексических значений исследуемой лексемы «под» и «между» с дифференциацией двух векторов реконструкции – и.-е. **nd^her* и **nter* соответственно [127, S. 943].

В. Пфайфер, с возглавляемым им АК, также усматривает семантическую разницу «под» – «между» и приводит в этой связи гипотезу о совпадении двух изначально разных предлогов [127, Bd. 3, S. 1876–1877]. Значение «в», «внутри», по мнению исследователей, восходит к предлогу, этимологизируемому до и.-е. **enter*, **nter* «между...внутри» (денотация «между» сохранилась в современном нем. *unter uns* «между нами», *unter vier Augen* (досл. между четырьмя глазами) «с глазу на глаз»), которое, в свою очередь, образовалось при помощи присоединения сравнительного суффикса к предлогу и.-е. **en* «в» [там же]. Значение «под», по мнению В. Пфайфера и его АК, восходит к другому предлогу, этимологизируемому до и.-е. **nd^her* «под» [113, Bd. 3, S. 1877].

Современные лексикографические источники указывают следующие значения исследуемого предлога, управляющего дательным (D) и винительным (A) падежами: «под», (D), местонахождение – *unter dem Baum* «под деревом» [15, т. 2, с. 713]; «под», (A), направление движения – *sich unter den Baum stellen* «встать под дерево» [там же]; «среди, между», (D), местонахождение – *nur einer u.*

vierzig Bewerber wurde schließlich engagiert «только один из сорока кандидатов в конечном итоге был нанят» [112, S. 1857]; «среди, между», (A), направление движения – *er setzte sich unter die Zuschauer* «он занял место среди зрителей» [15, т. 2, с. 714]; «указание на падение, спуск ниже определенного уровня», (D), (A) – *die Temperatur liegt unter dem Gefrierpunkt* «температура ниже точки замерзания» [112, S. 1856]; «зависимость, подчинение», (D), (A) – *unter ärztlicher Kontrolle* «под медицинским наблюдением» [там же]; «указание на условия, обстоятельства, образ действия», (D) – *unter der Bedingung* «при условии», *unter Tränen* «со слезами»; «период времени, на который распространяется что-л., в течение которого что-л. происходит» (ср. др.рус. *въноутрь*, предл. «на протяжении, в продолжение какого-л. отрезка времени» [70, т. 2, с. 187]), (D) – *unter der Woche hat sie keine Zeit* «у нее нет времени в течение недели» [там же].

Одно из реализуемых значений нем. *unter* в качестве наречия – «меньше чем, менее чем»: *die Bewerber waren unter 30 [Jahre alt]* «заявители были моложе 30 лет» [там же, S. 1857].

В качестве ономастического компонента, исследуемая лексема встречается в составе годонима: *Unter den Linden* – одна из главных улиц Берлина, известная за пределами Германии как символ города (досл. «Под липами») [46, с. 1008].

В ракурсе фразеологии нем. *unter* встречается в выражениях с различной коннотацией: *etw. unter der Hand besorgen* «достать что-л. по знакомству» [15, т. 2, с. 713]; *j-m etw. unter die Nase halten* «тыкать кого-л. носом во что-л.» [там же]; *er will unter die Soldaten* «его тянет в армию» [там же, с. 714].

Таким образом, лексические параллели *unter* – *внутри* демонстрируют восхождение к индоевропейскому субстрату. При этом этимологизация немецкой лексемы рассматривается исследователями как двухвекторная (в зависимости от реализуемого лексического значения), совпадающая в одной из реконструируемых индоевропейских основ с русской этимологией. Структурно-языковая парадигма исследуемых лексических параллелей отмечена сходством реализации грамматического компонента (частеречности): обе лексемы реализуются как в качестве предлога, так и в качестве наречия, причем для

предлогов в русском и немецком языках характерно управление разными падежами. Семантический охват современного нем. *unter* шире чем рус. *внутри*. Реализация исследуемых лексем в ракурсе ономастики достаточно узкая. В ракурсе фразеологии *unter – внутри* обладает низкой квантитативностью.

§ 3.1.2 Славянские лексические параллели немецких союзов в сравнительно-историческом ракурсе

Weder, союз «ни» (в современном нем. только в связке: *weder... noch* «ни... ни») – *который* мест., союзн. сл.

К славянским параллелям нем. *weder*, восходящим к праслав. **koterъjъ* / **kotorъjъ* «который, какой», относятся: ст.слав. *которъ, которыи, котерыи*, болг. *кóтрый*, серб.церк.слав. *которъ* «какой», сербохорв. *koteri, kotori*, словен. *kotéri, kateri*, словац. *koterý, kotorý, kotrý* «который, какой», в.луж. *kotry* «какой, который», н.луж. *kótary* «который», др.рус., рус.церк.слав. *котерыи* «какой» [97, вып. 11, с. 201–202].

О.Н. Трубачев рассматривает праслав. **koterъjъ* как первичное образование, от которого, в результате выравнивания, образовано праслав. **kotorъjъ* [там же, с. 202]. М. Фасмер в качестве первоначального значения **kotorъ* указывает «который из двух», в то время как семантика **kъjъ* – «который из многих» [88, т. 2, с. 354].

В славистике сложилось единогласное мнение о реконструкции праслав. **koterъjъ* до индоевропейского субстрата [97, вып. 11, с. 202–203; 88, т. 2, с. 354; 93, т. 1, с. 436; 102, Bd. 1, S. 676]. О.Н. Трубачев усматривает восхождение праслав. **koterъjъ* к и.-е. **kʰo-ter-o*, реконструируемое, в свою очередь, до и.-е. **kʰo* (вопросительное местоимение) [97, вып. 11, с. 202]. Аналогичную точку зрения высказывают П.Я. Черных [93, т. 1, с. 436] и Э. Бернекер [102, Bd. 1, S. 675]. О.Н. Трубачев уточняет, что и.-е. вопр. мест. **kʰo* имеет параллель в славянском языковом поле – праслав. **kъjъ* «какой, каков, который»,

представляющее собой, в свою очередь, адъективное производное от праслав. мест. **kь-* (*ko-*) [97, вып. 11, с. 202; там же, вып. 13, с. 176–177]. Исследователь отмечает, что и.-е. **k^uo-ter-o* является по своей сути суффиксальным образованием – с и.-е. суффиксом сравнительной степени *-ter-* [97, вып. 11, с. 202]. П.Я. Черных проводит аналогичную этимологию, уточняя, что и.-е. суффикс *-ter(o)-* в русском языке представлен формой *-tor(o)-* [93, т. 1, с. 436].

СлДРЯ XI–XIV вв. предлагает следующие значения др.рус. *которыи* (как мест., так и союзн. сл.): «который, какой из нескольких, какой именно», вопр. мест. – *Тотъ же въпроша ихъ бѣжи. члѣкъ глѣ. которааго же отъ трии тѣхъ боле боитеса* (1076 г.) [70, т. 4, с. 275]; «какой (по качеству, свойству)», вопр. мест. – *аще бо запрѣщенію повиненъ есть двоженецъ котвроуе будетъ произв(оу)теру помилование* (1284 г.) [там же]; «какой-либо», неопр. мест. – *праведно бо се отъ бѣа и члѣкъ. ꙗже ни цркви тѣшитеты которыє подѣе* (12 в.) [там же]; «какой именно, какой из нескольких», союзн. сл. в придат. изъяснит. – *оувѣжъ же прѣмоудре. которыи w(t) м(с)цѣ кдѣ ноны имоуть* (1280 г.) [там же, с. 276]; «какой (по качеству, свойству)», союзн. сл. в придат. изъяснит. – *и расужаетъ судии... котораа знаменѣе под(б)аетъ|приимати* (1284 г.) [там же, с. 276–277]; «какой, который», союзн. сл. в придат. определит. – *розлюбѣе на сторону w(t)вѣречи. которое было межю немци и смолнаны* (1229 г.) [там же, с. 277].

СлРЯ XI–XVII вв. не фиксирует исследуемую лексему в качестве союзн. сл., однако приводит ее более широкую семантическую реализацию в качестве местоимения, уточняя значения отмеченные в СлДРЯ XI–XIV вв. и приводя новые. Так, в роли вопросительного местоимения лексема приобретает уточняющие значения «кто?», «кто именно?» – *Цесарь вопроша встѣхъ съдѣищихъ при столѣ и около стоящихъ глаголя имъ повѣждѣте ми который из дву насъ есть цесарь* (1688 г.) [72, вып. 7, с. 385]; в роли неопределенного местоимения – уточняющие значения «кто-то, кто-нибудь» – *Сыну, азъ съ твоимъ отцемъ, а съ своимъ братомъ съ Андрѣемъ крестъ цѣловал на том, яко которои ся нас останет, то тои будет обоимъ дѣтемъ отецъ* (1155 г.) [там же]. Помимо этого, в

СлРЯ XI–XVII вв. рус. *который* указывается как определительное местоимение со значением «какой, какой именно», «который» – *Придоша языци незнаеми, их же добръ никтоже не вѣсть: кто суть, и отколе изидоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ* (1373 г.) [там же]; и как относительное местоимение со значением «кто; те, кто» – *Магнушь... ижеру почаль крестити въ свою вѣру, а которые не крестятся, на тѣхъ рать роспустилъ* (1347 г.) [там же]. Также в словаре зафиксировано значение «никакой», приобретаемой исследуемой лексемой с отрицанием – *А простите мя, братие, еже любо си мало слово изрекох отъ худоумья моего, а вамъ бо се добръ вѣдущимъ. Но вы сами вѣдаете, оже язъ не который книжникъ* (12 в.) [там же].

Современные лексикографические источники рассматривают рус. *который* как союзное слово, вопросительное, неопределенное и относительное местоимение [59, с. 301; 80, т. 1, с. 1489].

В области фразеологии исследуемая лексема обладает высоким уровнем количественности в поговорках, реализуясь в качестве относительного местоимения: *Который гость рано подымается, тот ночевать хочет* [28, т. 2, с. 267]; *Который бог вымочит, тот и высушит* [там же, т. 2, с. 267]; *Который час ударит, тот и сосчитаем* [там же, т. 1, с. 397].

Первые упоминания нем. *weder* датируются лексикографическими источниками 8 в.: др.в.н. *(h)wedar* мест. «который из двух», в качестве союза в значении «ли, разве», *ni(h)wedar* «никто из обоих» (9в.), ср.в.н. *weder* «который из двух или нескольких», *neweder*, *enweder* «никто из обоих», др.сакс. *hwedar* «который, кто из обоих», др.англ. *hweþer* «кто из двух»; аблаутные формы в др.англ. *hwæþer*, др.сканд. *hvaðarr* «кто из обоих», гот. *hwaþar* «кто из обоих» [113, Bd. 3, S. 1946].

Ф. Клуге усматривает восхождение нем. *weder* к сущ. с.р., происходящего от общей зап.герм. основы **hwedera-* «который их обоих», реконструируемой, в свою очередь, до уровня местоименной индоевропейской основы, представленной также в нем. *wer* «кто» [127, S. 974]. Соглашаясь с Ф. Клуге, В. Пфайфер с

руководимым им АК уточняют: нем. *weder* < и.-е. **kyo-*, **kye-* [113, Bd. 3, S. 1946].

Исследователи указывают на выполнение нем. *weder*, в более ранние периоды развития языка, функции вопросительного местоимения [127, S. 975; 113, Bd. 3, S. 1946] с и.-е. суффиксом *-toro-*, *-tero-* [113, Bd. 3, S. 1946]. В этой роли исследуемая лексема выступала в качестве первого компонента в альтернативных вопросах, откуда и получила свое современное значение: ср.в.н. *weder slāfe ich oder wache?* «что мне делать, спать или бодрствовать?» [127, S. 975; 113, Bd. 3, S. 1946]. Употребление нем. *weder* в качестве союза получило свое развитие от др.в.н. *ni(h)wedār... noh*, ср.в.н. *enweder... noch* – *enweder übel noch quōt* «ни плохое, ни хорошее» (т.е. ничего из обоих, ни плохое, ни хорошее), также в ср.в.н. появляется и без отрицательной частицы – *weder... noch* [там же]. Реализация нем. *weder* в качестве сравнительной частицы со значением «как, словно» было достаточно распространенным явлением в ран.нов.в.н. (2-я половина 15 в. – 17 в.) [113, Bd. 3, S. 1946].

Современные лексикографические источники определяют нем. *weder* как союз, реализуемый в речи только в связке с *noch* (*weder... noch*) в значении «ни... ни» – *Dafür habe ich weder Zeit, noch Geld* [112, S. 1991]; с территориальной пометой исследуемая лексема представлена в значении «вероятно, по-видимому»: швейц. *eher weder nicht* [15, т. 2, 849].

В ракурсе фразеологии, нем. *weder* встречается в паремиях, реализуя сему «нечто не имеющее четкого определения»: *Weder Fisch noch Fleisch* «ни рыба, ни мясо» [52, с. 75]; *Weder warm noch kalt* «ни тепло, ни холодно» [там же, с. 76]; *Das ist weder gehauen noch gestochen* «ни то, ни се», досл. «ни порезано, ни поколото» [145, Bd. 1, S. 395]. Последний фразеологизм имеет несколько версий происхождения. Доминирующая гипотеза рассматривает его как выражение, перешедшее из языка фехтовальщиков и обозначающее настолько неуклюжее владение оружием, что невозможно понять, был ли это удар шпагой наотмашь (*gehauen*), или укол шпагой, совершаемый при выпаде (*gestochen*) [там же]. Возможно, что выражение описывает огнестрельные раны, вызванные ни ударом

сабли, ни уколом шпаги [там же, S. 395–396]. Согласно еще одной гипотезе, фразеологизм обозначал неуклюжих мясников, которые не знали, как правильно забивать скот [там же, S. 396].

Таким образом, лексические параллели *weder – который* демонстрируют восхождение к общему индоевропейскому субстрату и общий словообразовательный вектор в диахроническом аспекте. Обнаруживается сходство исследуемых лексем в ракурсе функционально-стилистических и функционально-темпоральных микрокомпонентов и различие грамматического макрокомпонента (различная частеречность), причем немецкая лексема предьявляет частеречную трансформацию *местоимение* → *союз*. Во фразеологическом поле лексические параллели *weder – который* реализуются с разным уровнем квантитативности (в русском языке выше, чем в немецком).

§ 3.2 Славянские лексические параллели этимологий немецких аффиксов в сравнительно-историческом ракурсе

§ 3.2.1 Славянские лексические параллели немецких префиксов в сравнительно-историческом ракурсе

Ver-, преф. (указание на перемещение, удаление, соединение, прекращение действия; служит для образования некоторых переходных глаголов от сущ. и прил.) – *про-*, *пере-*, преф.; предл.; *перст*, сущ. м.р. «палец».

К славянским параллелям нем. *ver-*, восходящим к праслав. **pro*, относятся: ст.слав., др.рус., рус. *про-* [88, т. 4, с. 370], укр., блр., болг., сербохорв. *про-*, словен., чеш., польск. *pro-*, в.луж. *pře*, н.луж. *pśe* [93, т. 2, с. 68]. Сюда же относится и аблаутное праслав. **pra-*, реализуемое в именных сложениях [88, т. 4, с. 370]: сербохорв. *prādjed* «прадед», *prābaba* «прабабушка», польск. *pradziad* «прадед», *prababa* «прабабушка», рус. *прадед*, *прабабушка* [156, S. 229–230].

Р. Дерксен уточняет в этой связи, что глоттальный смычный в варианте **pra-*, вероятно, был заимствован у существительных с начальным гортанным [108, р. 420].

П.Я. Черных указывает, что *про* «о», «об», устар. «для», «ради» в качестве предлога, управляющего вин. п., присутствует в восточнославянских языках, чешском и лужицких [93, т. 2, с. 68].

Утверждение А.Г. Преображенского, Ю. Покорного, П.Я. Черных о восхождение праслав. **pro* к и.-е. **pro*, **prō* «вперед, впереди» не оспаривается в современной славистке [64, т. 2, с. 127; 141, Bd. 1, S. 813–814; 93, т. 2. С. 68].

В СлРЯ XI–XVII вв и в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского отмечены следующие случаи реализации др.рус., рус. *про* в качестве предлога: для обозначения предмета действия «о», «об» – *Стѣславъ а Кондоувдыа, Торцького княза, по вбадѣ, и присла к нему Рюрикъ свать, жалоуа про нь, зане бѣ моужь дерзъ и надобенъ в Роуси* (6698 г.) [76, т. 2, с. 1507]; для указания перехода мысли «относительно», «что касается до» – *А про полонъ, кто кде заточенъ, или члѣкъ или конь Русьскыи и Новгородьскыи, то исправи* (1270 г.) [там же]; для указания на предмет, лицо в пользу которого что-л. делается – *Купил колачеи про гостей на два алтѣна* (1605 г.) [72, вып. 20, с. 93]; при указании на объект, как причину действия «из-за кого-л., чего-л.» – *Стрѣльцемъ стре(ля)ющимъ обоимъ межи... полкома...и побѣгоша... и про то мнози убѣжаша, яко не знати [по вар.] ратныхъ бѣ ту* (1176 г.) [там же]; для обозначения цели действия «ради» – *Про сеи миръ троудилися дѣбрии людиѣ* (1229 г.) [76, т. 2, с. 1507]; для обозначения замены «вместо, за, в обмен» – *Аже не ож(ь)жетъс(я), то про муки не платити ему, но едино желѣзное* (12 в.) [72, вып. 20, с. 93–94]; при указании на что-л., кого-л., для борьбы с которым предпринимаются действия «против» – *Князь велики Всеволодъ Юрьевъ сынъ Долгорукаго... про свата своего иде на Олговичи къ Чернигову и вшедъ въ землю ихъ и въ волости ихъ, поима грады ихъ Вяческиа, и землю ихъ пусту сотвори* (1197 г.) [там же, с. 93]; при указании причины совершения возмездия «за» – *По*

Исаковъ же смѣрти людѣ на снѣ юго вѣсташа про зажъжение градъноѣ и за пограбленіе манастирьское (6712 г.) [76, т. 2, с. 1508].

Современные лексикографические источники определяют следующие значения рус. *про*, предл.: «о ком-л., о чем-л.» – *Рассказывать про экскурсию* [59, с. 604]; простореч. «для, ради» – *Те каштаны не про нас* [80, т. 3, с. 885–886].

В функции вербальной приставки рус. *про-* образует глаголы, реализующие семы: «действие, направленное сквозь что-л.» – *пробить, протечь*; «действие, распространяющееся во всей полноте на весь предмет» – *прокрасить, прогреть*; «полностью законченное, исчерпавшее себя действие» – *пропеть, пронумеровать*; «действие, осуществляемое в один прием» – *прошуметь, пробарабанить* [59, с. 604].; «действие, развивающееся во всем объеме в определенный временной промежуток» – *просидеть, проболеть* [80, т. 3, с. 886]; «утрата, нежелательность результата действия» – *проиграть, прозевать*; «упущение» – *прогулять*; «предел действия» – *прочитать, проговорить* [59, с. 604].

Как именной и адъективный префикс, рус. *про-* образует сущ. и прил. со значением: «сторонник чего-л.» – *промоде́рист, проангли́йский*; «местоположение между чем-л.» – *прожи́лок, проу́лок*; «неполнота признака» – *прозе́лень*; «заменяющий кого-л., что-л.» – *проре́ктор, прогимна́зия* [там же].

К славянским параллелям нем. *ver-*, восходящим к праслав. **per-*, относятся: ст.слав. *прѣ-*, рус. *пере-*, укр. *пере-*, блр. *пера-*, болг. *пре-*, сербохорв. *пре-*, словен., словац. *pre-*, чеш. *pře-*, польск. *prze-*, в.луж. *pře-*, н.луж. *pśe-* [93, т. 2, с. 20].

М. Фасмер и П.Я. Черных отмечают, что в словац., ст.польск., в.луж. и н.луж. языках исследуемая морфема также выступает в качестве лексемы – предлога со значением «через», «по», «ради», «для» управляющего вин. п. [88, т. 3, с. 236; 93, т. 2, с. 20].

В славистике выработалось единое мнение о восхождении праслав. **per-* к и.-е. **per*, **peri* «вперед, через, вон, над, чрезмерно» [93, т. 2, с. 20; 141, Bd. 1, S. 810–811]. Ю. Покорный, рассматривая и.-е. **per*, **peri* в качестве локатива корневого слова **per* «вывод за пределы», указывает на их функционирование в

качестве преверба (отделяемой глагольной приставки), предлога и наречия [141, Bd. 1, S. 810–811].

И.И. Срезневский отмечает 12 значений рус. *пере-*, маркируя его как «слитный предлог»: «движение, действие с целью перемещения с одного места на другое» – *перескок*; «движение поперек чего-л., через что-л.» – *перегородити*; «движение вокруг» – *перевазка*; «действие заходящее за предел» – *переорати*; «действие превосходящее другое подобное» – *переключати*; «действие чрезмерное, излишнее» – *пересолити*; «вторичное действие, с целью перемены» – *перековати*; «повторение одного и того же действия над многими» – *переграбити*; «взаимное действие» – *переговоритиса*; «промежуточное действие» – *переждати*; «действие с целью отмены, уничтожения» – *перепъвати*; «отрицание действия» – *перезръти* [76, т. 2, с. 896].

Современные лексикографические источники указывают также такие значения исследуемого префикса, как: «обозначение невысокой степени действия» – *перекусить* [59, с. 499] и «обозначение чрезвычайной многократности действия» (чаще всего страдательные причастия) – *думано-передумано*, *хожено-перехожено* [80, т. 3, с. 92]. При этом отмечается возможность функционирования рус. *пере-* не только как вербального, но и как именного и адъективного префикса [59, с. 499].

К славянским параллелям нем. *ver-*, восходящим к праслав. **pъrstь*, относятся: ст.слав., др.рус. *пръсть*, рус. *перст*, укр. *перст*, болг. *прѣст(ъм)*, сербохорв. *прѣст*, словен. *pṛst*, чеш., словац. *prst*, польск. *parst*, влуж. *porst* [88, т. 3, с. 244].

Ю. Покорный и П.Я. Черных усматривают восхождение праслав. **pъrstь* к и.-е. **pr̥-/per-* «вперед, наружу» [141, Bd. 1, S. 813; 93, т. 2, с. 24–25].

Этимология рус. *перст* неоднозначна и включает в себя различные мнения и гипотезы. Так В. Махек, рассматривая исследуемую лексему как балтославянский языковой продукт [133, р. 58], отмечает возможность ее сближения со слав. *pъrsi* «грудь» в ракурсе семантики («нечто выдающееся, выступающее») на почве этнологии [там же. р. 59–60]. Исследователь ссылается

на обычай, распространенный среди некоторых народов Памира (напр. киргизов), давать новорожденному для кормления вместо груди безымянный палец, обмакнутый в животное молоко или жидкую кашу [там же, р. 60]. В. Махек указывает на возникающую при такой этимологии неясность существования суффикса *-to-*, не соответствующего ни одному продуктивному способу словообразования, характерного для данного форманта [там же, р. 65]. Языковед, однако, рассматривает данный факт не как препятствие в своей гипотезе, но как доказательство глубокой древности слав. *pr̥stь* [там же].

А.Г. Преображенский, в свою очередь, также рассматривает *персть* как суффиксальное образование: *перс-ть* (суффикс *-то-*) [64, т. 2, с. 46].

А. Вальде, усматривая родство ст.слав. *pr̥stь* с лат. *postis* «столб, дверной косяк», рассматривает морфологическую структуру последнего (аналогично по отношению к славянской лексеме), как сложение лат. *per* «через», «сквозь» и лат. *stō* «стоять», [159, Bd. 2, S. 349].

С подобным морфологическим членением согласен и Ю. Покорный, причисляя др.церк.слав. *pr̥stь* к числу композит с формой *stā* [141, Bd. 1, S. 813]. По мнению А. Мейе, ясность в вопросе морфологического членения ст.слав. *pr̥stь* отсутствует [48, с. 284].

В.М. Иллич-Свитыч рассматривает слав. *pr̥stь*, как пример закономерности соответствия славянских *o-* основ м.р. с окситонированной акцентуационной парадигмой и и.-е. баритонированных основ с.р. ед.ч. [37, с. 123–124]. Исследователь также усматривает семантическую реконструкцию *палец* < *нечто выступающее, торчащее* [там же, с. 128].

Р. Дерксен, придерживаясь вышеуказанного вектора семантического развития слав. *pr̥stь* (на почве родства с др.инд. *pr̥sthā* «спина, горный хребет», о чем заявляет и М.Фасмер [88, т. 3, с. 244]) и принимая во внимание санскритские и древнепрусские свидетельства, также склоняется к версии о восхождении исследуемой лексемы к балто-славянской окситонированной *o-* основе с.р., с произошедшим в последствии замещением **-o* на **-ъ* в им. п. ед. ч. [108, р. 428–429].

СлРЯ XI–XVII вв. указывает на употребление рус. *перст*, помимо обозначения пальца, в качестве обозначения меры толщины, средства счета, и средства знакового выражения числа: *И поимъ и единого отъ народа, вѣложи, прѣсты своя въ уши его... и абие разврѣзоста ся слуха его* (1057 г.); *Два же столпа створена мѣдяна... и златыми дѣсками перста въ толиѣе окова я* (11 в.); *Крѣстис<я> ѿ н<а>шъ Исъ Хсъ... мѣста ген<варя>въ ѿ в час ѿнощи, инд<и>к<та> ѿ с<о>лн<е>чнаг<о> ѿ, безыменног<о> перста, ѿ лун<ы> – распятыя... инд<икта> ѿ, в с<о>лн<е>чнаг<о> ѿ, средняг<о> п<е>рста, ѿ лун<ы>* (1494 г.); *Прѣсты число сказаетъ* (12 в.) [72, вып. 15, с. 13].

Современная лексикография помечает рус. *перст* в значении «палец» как книжное и устаревшее слово [80, т. 3, с. 236].

Исследуемая лексема реализуется в качестве компонента фитонимов: *перстенец* (*Cuscuta Epilinum*) [6, с. 397], *перстник* (*Dactylis glomerata*) [там же, с. 121–122], *наперстянка* (*Digitalis grandiflora*) [там же, с. 126]; в качестве компонента антропонимов: *Гридя Перстятин* (1495 г.) [17, с. 242].

В ракурсе фразеологии рус. *перст* обладает высокой квантитативностью в качестве компонента паремий, реализуя семы «палец», «размер», «счет»: *Смирен, смирен, а не суй перста в рот!* [28, т. 1, с. 222]; *Богу-то с перст, а черту-то с пест* (о свече) [там же, с. 31]; *Гол, как бубен, как сосенка, как перст* [там же, с. 73]; *Великий богослов: все праздники знает по перстам* (все праздники наизусть, на перечете) [28, т. 2, с. 21]. Также исследуемая лексема встречается во фразеологических выражениях: *перст указующий* (о непререкаемости распоряжения вышестоящего лица); *один как перст* [59, с. 512]; *дѣла прѣсть твоихъ* (результат чьей-л. работы) [72, вып. 15, с. 13]; *персть божии* (указание воли Божией) [там же].

В современном немецком языке префикс *ver-* характеризуется полисемичностью и реализует значения: «перемещение» – *verstellen* «переставлять»; «удаление» – *verreisen* «уезжать»; «постепенное угасание, замедление» – *verdampfen* «испаряться»; «израсходование, переработка» –

verarbeiten «перерабатывать»; «интенсивность действия» – *verschlucken* «проглотить»; «неправильность, неудачный результат» – *versalzen* «пересолить»; «противоположное действие» – *verlernen* «разучиться»; «соединение, связь» – *verbinden* «связывать» [15, т. 2, с. 735].

Также исследуемый префикс участвует в словообразовании переходных глаголов от именных и адъективных основ со значениями: «снабжение чем-л.» – *vergolden* «позолотить»; «изменение состояния» – *verstummen* «умолкнуть» [там же].

По сложившемуся в современном языкознании мнению, такая многозначность встречается уже в др.в.н. *fir-*, *far-*, ср.в.н. *ver-*, др.сакс. *far-*, *for-*, ср.н.н. *vor-*, ср.нидерл., нидерл. *ver-*, др.англ. *for-*, *fer-*, англ. *for-* [113, Bd. 3, S. 1888]. В. Пфайфер, с возглавляемым АК, видит причину этого явления в совпадении трех префиксов в готском языке *fra-*, *faír-*, *faúr-*, которые хоть и представляют из себя отдельные морфемы, четкие семантические различия не предъявляют [там же].

Ф. Клуге, также усматривающий лежащую в основе полисемантизма нем. *ver-* триаду готских префиксов, отмечает, однако, разницу в передаваемых ими значениях: гот. *faur-* указывает на пространственные отношения «за пределы чего-либо, в другое место и т.д.» – *versetzen* «перемещать»; гот. *fra-* реализует значения «расходование, переработка» – *verbrauchen* «потреблять, расходовать» и «противоположное действие» *verlernen* «разучиться»; гот. *faír-*, по мнению исследователя, не имеет четкого функционального соответствия [127, S. 949–950].

Оба языковеда сходятся во мнении о восхождении нем. *ver-* к и.-е. **per-* «выводить за предел чего-л.» [127, S. 949–950; 113, Bd. 3, S. 1888], при этом В. Пфайфер с возглавляемым АК уточняют реконструкции дифференцируемых готских префиксов: гот. *fra-* < и.-е. **proǵ-*, гот. *faír-* < и.-е. **per-*, гот. *faúr-* < и.-е. **pr-* [113, Bd. 3, S. 1888].

Таким образом лексические параллели *ver-* – *про-*, *пере-*, *перст* демонстрируют восхождение к общему индоевропейскому субстрату. В ракурсе сопоставления грамматического макрокомпонента исследуемые единицы, помимо

сходства *префикс* – *префикс*, обнаруживают и некоторое различие в частеречности *префикс* – *существительное* (*перст*). Любопытны семантические расхождения в случаях употребления родственных префиксов: *verbinden* «связывать», но рус. *перевязывать*, *verstammen* «умолкнуть», но рус. *промолчать*. Частеречное тождество определяет и тождество функционально-стилистических и функционально-темпоральных микрокомпонентов, в то время как частеречная дифференциация определяет их различие (рус. *перст* – книж., устар.). Принадлежность рус. *перст* к знаменательным словам объясняет широкую реализацию лексемы в области фразеологии и в качестве компонентов фитонимов и антропонимов.

§ 3.2.2 Славянские лексические параллели немецких суффиксов в сравнительно-историческом ракурсе

-Heit (*-keit*), суф. (у сущ. ж.р., при образовании обозначений качеств, свойств) – *чистый*, прил.

К славянским параллелям нем. *-heit*, восходящим к праслав. **čistъ(jь)* «чистый», относятся: ст.слав., др.рус. *чистъ*, рус. *чистый*, болг. *чист*, сербохорв. *чиџт*, словен. *čistъ*, чеш., словац. *čistý*, польск. *czysty*, в.луж. *čistý*, н.луж. *cysty*, полаб. *cáiste* [88, т. 4, с. 366].

П.Я. Черных рассматривает общеславянское **čistъ* как суффиксальное образование **čit-t-* (**čid-t-*) > **čist-* [93, т. 2, с. 391]. О присутствии суффикса говорит и А.Г. Преображенский [64, т. 1, ч. 1, с. 76]. Также П.Я. Черных указывает на общеславянское **cěditi* «цедить» как аблаутную форму праслав. **čistъ* [там же]. Связь между праслав. **čistъ* и **cěditi*, выраженную чередованием гласных, усматривают Э. Бернекер [101, Bd. 1, S. 158], М. Фасмер [88, т. 4, с. 366–367], О.Н. Трубачев [97, вып. 4, с. 122].

А. Мейе отмечает присутствие чередования *e/o* в парадигме исследуемой лексемы, предполагая его древнюю продуктивность – церк.слав. *цѣстити*

«чистить» является фактитивом от ст.слав. *чистъ* (на эту связь указывает и М. Фасмер [88, т. 4, с. 366]) – трансформировавшуюся впоследствии в традиционный фонетический элемент, свойственный славянскому языковому полю [48, с. 156–157]. О связи праслав. **cěstiti-* «очищаться» (о-вокализм) и **čistiti-* «чистить» (е-вокализм) говорит и О.Н. Трубачев [97, вып. 3, с. 189].

В славистике выработалось общее мнение о восхождении праслав. **čistъ* к индоевропейскому архетипу. Так, П.Я. Черных определяет праслав. **čistъ* < и.-е. *skēi-* «резать» [93, т. 2, с. 391]. Такой же вектор реконструкции полагает и Э. Беренекер [101, Bd. 1, S. 158]. Ю. Покорный, демонстрирующий аналогичный подход к проблеме этимологизации исследуемой лексемы, уточняет: и.-е. *skēi-* «резать, отделять, разделять» < (с дентальным расширением) и.-е. *skēi-d-* < праслав. **čistъ* [141, Bd. 1, S. 919–921].

Указывая на родство праслав. **čistъ*, **cěditi*, **cěstiti-*, **čistiti-* и принимая в расчет их общую индоевропейскую основу, П.Я. Черных предполагает следующую семантическую трансформацию: *резать* → *отсекать ненужное* → *отделять ненужное* → *очищать* [93, т. 2, с. 391]. О.Н. Трубачев, исследуя родственные связи праслав. **čistъ*, **cěditi*, **cěstiti-*, **čistiti-*, приходит к выводу о возможности компенсации больших утрат, произошедших на славянской почве, посредством балтийского параллелизма: лит. *skýstas* «жидкий», *skiedžiu*, *skiesti* «разжижать, разделять», латыш. *šķīsts* «жидкий» (ср. праслав. **cěditi*, рус. *цедить*) [97, вып. 4, с. 122]. Привлекая данные балтийских языков, исследователь рассматривает праслав. **čistъ*, как прич. страд. прош., остаток парадигмы праслав. гл. **čisti*, не сохранившегося в славянском языковом поле [там же].

И.И. Срезневский указывает более 15 значений рус. *чистый*, причем реализация лексемы в религиозном контексте характеризуется достаточно высокой квантитативностью: «не загрязненный, чистый» – *Въ чистахъ ризахъ въ црѣвь вѣлѣзли* (13 в.); «чистой» – *На чистое писати*; «без примесей» – *Того же лѣта начаша Псковичи денгами торговати, чистымъ серебромъ*; «неоскверненный» – *Жертва чта, стѣ и блѣговонна*; «верующий правильно» – *Арианы оубо и македоняны... и наватяны, глаголюшася чистыя...*,

приѣмлемъ даюшта написаниѧ; «праведный» – Доброе и чистоѹ житиѹ прѣдобнаго; «святой» – И вѣрж съхранивъ по чистоумоу апостолоу; «священный» – О чистыхъ трапезахъ прокоуждаша; «белый» (о хлебе) – Пшеница бо, много мучима, чистъ хлѣбъ подаетъ; «без зарослей» (о лесе) – Перебродився Двину и отѣхъ за 5 верстъ и ста шатры на бору чистъ; «открытый» – Пройдоша валь на чтое поле и поидоша бится; «беспрепятственный» – ѿ Смолѣньска чистымъ поуть до Ригы; «свободный от обязательств» – Аже гдѣ будетъ запродаѣ..., а то ему выкупити своимъ серебромъ, святому Спасу земля чиста; «полный, без исключения» – А моя половина сыну моему чиста; «ясный» – Блаженны же хотѣше мѣтѹ сътворити, и смысла чиста не бѣше въ немъ, нѣ тъкмо сънь и зѣнаніѹ и протѣганіѹ; «прямой, откровенный» – На чисто извести; «очистительный» – чистаѧ недѣля (первая неделя великого поста); «непорочный» – Блажени чисти сѣрдцьмъ; «совершенный» – Какъ бо естъ чистъ, аще естъ вписанъ или вредъ прѣмля [76, т. 3, с. 1532–1533].

В современном русском языке *чистый* также является многозначным, причем количественный показатель реализации исследуемой лексемы в религиозном контексте существенно ниже, чем в более ранний период: «свободный от скверны, не поганный, угодный божеству» – *В древних религиях в жертву богам разрешалось приносить только такой скот, который признавался чистым* [80, т. 4, с. 1281]. В процессе развития языка, некоторые лексические значения отпали – «верующий правильно», «белый» (о хлебе), «свободный от обязательств», «полный, без исключения», «святой»; некоторые сохранились в употреблении – «не имеющий грязи», «нравственно безупречный», «располагающий открытой поверхностью», «ясный», «без примесей» [80, т. 4, с. 1281–1283; 59, с. 886]. Современные лексикографические источники предъявляют и новые семантические элементы рус. *чистый*: «о более квалифицированной работе» – *Григорий делал чистую работу, ... жена сучила дратву, подклеивала поднаряд, делала набойки* [80, т. 4, с. 1281]; «тщательный, аккуратный» – *чистая*

работа [там же]; «лишенный всего» – *Сели за карты, через два часа я был чист* [там же, с. 1283].

Высокую количественность исследуемая лексема проявляет в качестве топонимического компонента: г. *Чистополь* (Татарстан, Россия) [56, с. 471]; *Чистые Пруды* (г. Москва, Россия) [87, с. 322]; в качестве элемента антропонимов: *Чистоба Григорий*, крестьянин, 1564 г. [17, с. 355]; как элемент фитонимов – *Чистец* (*Astragalus glycyphyllos*) [6, с. 57], *Чистотел* (*Chelidonium*) [там же, с. 93]; как компонент орнитонимов – *Чистик* (*Cerphus*) [9, с. 93] и ихтионимов – *Чистильщики* (*Xyrichthys*) [67, с. 315].

В области фразеологии рус. *чистый* также характеризуется высокой количественностью, реализуя значения: «нравственно безупречный» – *Чист, как стеклышко* (трезв, прав) [28, т. 1, с. 158]; *Хоть мошна пуста, да душа чиста* [там же, с. 78]; «белый» (о хлебе) – *У меня хлеб чистый, квас кислый, ножик острый, отрежем гладко, поедим сладко* [там же, т. 2, с. 261]; «лишенный всего» – *Чист молодец, промотался на голую кость* [там же, т. 1, с. 92], *У одного ничего, у другого совсем чисто* [там же, с. 87], *Башка чиста, так и мошна пуста* [там же, с. 378]; «святой, праведный, неоскверненный» – *Не бранись: не чисто во рту будет* [там же, с. 236], *Одолели черти чистое (святое) место* [там же, с. 224], *Какова погода в чистый четверг, такова и в Вознесенье* [там же, т. 2, с. 363].

Первые зафиксированные упоминания нем. *-heit* датируются 8 в. и восходят к герм. **heidu-* «светлый образ, явление»: др.в.н., ср.в.н. *heit* «облик, личность, положение, ранг, сущность, манера», др.сакс. *hēd* «состояние, положение», др.англ. *hād* «личность, ранг, положение, достоинство, сущность, вид», гот. *haidus* «способ, манера», др.сканд. *heidr* «честь, звание, награда, дар» [113, Bd. 2, S. 671].

В. Пфайфер, с возглавляемым им АК, отмечают, что герм. **heidu-*, в дальнейшем трансформировавшееся в *i-* основу **heidī-*, образовывало изначально композиты с элементами, обозначающими человека: др.англ. *mægdanhād*, др.в.н. *tagadheit* «девственность, невинность» [там же]. Исследователи указывают на дальнейший переход второго компонента композит в суффикс, употребляемый для обозначения собирательных существительных и, в связке с прилагательными

и причастиями, для обозначения абстрактных существительных, указывающих на некие свойства и состояния: др.в.н., ср.в.н. *-heit*, др.сакс. *-hēd*, ср.н.н. *-hēt*, ср.нидерл. *-heit*, *-heet*, *-heide*, нидерл. *-heid*, др.англ. *-hād-*, англ. *-hood*, *-head* [там же].

Возникновение в ср.в.н. суффиксальной формы нем. *-keit* языковедами рассматривается как результат присоединения нем. *-heit* к адъективной основе, оканчивающейся на: в др.в.н. *-ag*, *-īg*; в ср.в.н. *-ic*, *-ec* [там же].

В вопросе реконструкции нем. *-heit* до уровня индоевропейской основы современным языковедам удалось выработать единую точку зрения. Так, Ф. Клуге полагает возможным восхождение исследуемой единицы к и.-е. **kai-* «светить, сиять» (ср. рус. *сиять чистотой*) [127, S. 408]. Схожую точку зрения высказывают Ю. Покорный и В. Пфайфер с АК: нем. *-heit* < и.-е. *(s)kāi-* [141, Bd. 1, S. 916–917; 113, Bd. 2, S. 671].

Однако в вопросе славяно-германских соответствий наблюдаются некоторые разногласия. Так В. Пфайфер с АК в качестве соответствий нем. *-heit* из негерманского языкового поля приводят ст.слав. **čistъ*, таким образом ст.слав. **čistъ* < и.-е. *(s)kāi-* «светить, сиять» [113, Bd. 2, S. 671]. Ю. Покорный, в свою очередь, усматривает ст.слав. **čistъ* < и.-е. *skēi-d-* «резать, отделять, разделять» [141, Bd. 1, S. 919–921]. При этом и В. Пфайфер с АК, и Ф. Клуге, и Ю. Покорный, принимая в расчет балто-славянское языковое взаимодействие, соглашаются с и.-е. *(s)kāi-* «светить, сиять» > лит. *skáidrus* «светлый, ясный» [127, S. 408; 113, Bd. 2, 671; 141, Bd. 1, S. 916–917]. Р. Траутман, однако, полагает и.-е. *(s)kēi-* «резать, отделять» > лит. *skáidrus* «светлый, ясный» [156, S. 263–264].

Таким образом, исследуемые *-heit* (*-keit*) – *чистый*, в ракурсе их детерминации в качестве германо-славянских соответствий, не демонстрируют единого подхода языковедов. Рассматривая же их как таковые, можно прийти к выводу о различии их грамматического макрокомпонента (частеречность) и тождестве функционально-стилистических и функционально-темпоральных микрокомпонентов. Суффиксальная природа нем. *-heit*, в отличие от рус. *чистый*,

объясняет различную количественность исследуемых единиц в ракурсе фразеологии и ономастики.

Выводы по главе 3

Синкатегорематические единицы, как фактор лексико-грамматической согласованности речи, являются актуальным предметом исследования современной этимологии. Сопоставление служебных слов, равно как и аффиксальных образований, дальнеродственных языковых полей (славянского и германского) играет важную уточняющую роль в деле установления глубины языкового и культурно-исторического взаимовлияния – результата имевших место когда-то межэтнических контактов.

В 5 исследованных коррелятах немецкие компоненты являются: служебными словами (союз, предлог) – в 3-х парах, аффиксами (префикс, суффикс) – в 2-х парах соответствий. Славянские параллели, представленные лексемами (в случае присутствия нескольких славянских соответствий у одного этимона, хотя бы одно из них является лексемой), в большинстве своем являются знаменательными словами.

В 3-х парах исследуемых лексических параллелей, русские соответствия предъявляют двойную частеречность: *внутри* – нареч. и предл.; *который* – мест. и союзн. сл.; *про* – предл. и преф.

В одной паре исследуемых коррелятов один немецкий элемент обнаруживает три возможных соответствия: *ver-*, преф. – *про-*, *пере-*, преф.; предл.; *перст*, сущ. м.р. «палец».

Причисление *-heit* (*-keit*), суф. – *чистый*, прил. к германо-славянским соответствиям является спорным. Нами, однако, указанные единицы были рассмотрены как таковые, в силу их определения в качестве коррелятов группой авторитетных языковедов Академии Наук ГДР под руководством В. Пфайфера, разработчиками одного из самых широких по охвату лексического материала

этимологических словарей немецкого языка (Etymologisches Wörterbuch des Deutschen), существующих на данный момент.

Все исследованные в третьей главе германо-славянские соответствия имеют различия по грамматическому мегакомпоненту, а именно по компоненту частеречному, что, в свою очередь, определяет и количественные различия в реализации языковых элементов в аспекте ономастики и фразеологии.

В функционально-темпоральном ракурсе отличие обнаружено в коррелятах *ver-*, преф. – *про-*, *пере-*, преф.; предл.; *перст*, сущ. м.р. «палец», где один из компонентов (рус. *перст*) является архаизмом.

Все исследуемые лексические параллели реконструируются до уровня индоевропейского архетипа и имеют ясную этимологию. Заимствования в рассматриваемых единицах обнаружены не были.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках проведенного диссертационного исследования, нами были рассмотрены 44 пары славяно-германских лексических параллелей, из которых 39 примеров представляют собой славянские корреляты немецких этимологий знаменательных слов, 3 примера являются славянскими лексическими параллелями немецких этимологий служебных слов и 2 – славянскими лексическими параллелями немецких аффиксов.

До уровня индоевропейской праформы реконструируются абсолютное большинство, а именно 29 славянских параллелей, немецких знаменательных слов: *отец* – *Adel, der*, «дворянство, аристократия»; *люди* – *Leute, die*, «люди, общественность, члены коллектива»; *муж* – *Mann, der* «мужчина», «муж», «человек»; *барон* – *Baron, der*, «барон»; *раб, ребенок* – *Erbe, das* «наследство»; *мена* – *Meineid, der*, «лжесвидетельство»; *вено* «выкуп за невесту» – *Wittum, das* «виттум, право пожизненного пользования определенным имуществом, предоставленное вдове по завещанию»; *лихо* – *leihen* «давать займы, одалживать, брать займы»; *мзда* – *Miete, die* «плата за наем, квартирная (арендная) плата»; *плести* – *flechten* «плести, вить, заплетать»; *нить* – *nähen* «шить»; *распять*, *пнуть* – *spinnen*; *рамо* «плечо» – *Arm, der*, «рука»; *око* «глаз» – *Auge, das*, «глаз»; *брюхо* – *Brust, die*, «грудь»; *мошна* – *Magen, der*, «желудок»; *нос* – *Nase, die*, «нос»; *ухо* – *Ohr, das*, «ухо»; *ребро* – *Rippe, die*, «ребро»; *язык* – *Zunge, die*, «язык»; *борода* – *Bart, der*, «борода»; *шерсть* – *Haar, das*, «волос», собир. «волосы»; *греметь, гром* – *Grimm, der*, «ярость, гнев»; *травить* – *drohen* «грозить, угрожать»; *плакать* – *fluchen* «ругаться, проклинять»; *любой* – *lieb* «милый, дорогой, любимый»; *мочь* – *mögen* «любить»; *бобр* – *Biber, der*, «бобр»; *муха* – *Mücke, die*, «комар».

В свою очередь, не подвергается сомнению в отечественном и зарубежном научно-исследовательских континуумах восхождение к индоевропейскому субстрату исследованных в диссертации славянских лексических параллелей

немецких служебных слов и аффиксов: *чистый* – *-heit (-keit)*; *про-*, *пере-*, *перст* – *ver-*; *который* – *weder* «ни (... ни)»; *внутри* – *unter* «под», «между»; *высокий* – *auf* «на», «в», «по».

Квантитативный показатель заимствований в рассмотренных славянских лексических параллелях не существен: 2 германских заимствования *мыто* – *Maut, die*, «таможня», «таможенная пошлина»; *лук* – *Lauch, der*, «лук»; 1 тюркское заимствование *толмач* – *Dolmetscher, der*, «устный переводчик» и 1 латинское заимствование-антропоним (общее для славянского и германского лексических полей) *царь* – *Kaiser, der* «император».

Также низкий квантитативный показатель реализуют славянские лексические параллели с неясной этимологией: *желести* «платить, искупать вину» – *gelten* «стоять, цениться, быть действительным, иметь силу, считаться, предназначаться»; *корзно* «мантия (знати в Киевской Руси), плащ с меховой опушкой» – *Kürschner, der*, «скорняк, меховщик».

Большинство представленных славяно-германских лексических параллелей демонстрируют расхождения по грамматическому компоненту – 22 пары коррелятов. Так, различная частеречность присутствует в 9 примерах: *бороть*, гл. – *Baron* «барон», сущ.; *лихо*, сущ. – *leihen* «давать займы, одалживать, брать займы», гл.; *нить*, сущ. – *nähen* «шить», гл.; *греметь*, гл. – *Grimm* «ярость, гнев»; *чистый*, прил. – *-heit (-keit)* суф.; *перст*, сущ., *про* предл. – *ver-*, преф.; *который*, мест., союзн. сл. – *weder* «ни (... ни)», союз; *внутри*, нареч. – *unter* «под», «между», предл.; *высокий* прил. – *auf* «на», «в», «по» предл. Различная родовая принадлежность имеет место в 13 исследованных славяно-германских параллелях: *баба*, ж.р. – *Bube, Bub, der*, м.р.; *раб*, *ребенок*, м.р. – *Erbe, das*, с.р.; *мыто*, с.р. – *Maut, die*, ж.р.; *мена*, ж.р. – *Meineid, der*, м.р.; *корзно*, с.р. – *Kürschner, der*, м.р.; *рамо*, с.р. – *Arm, der*, м.р.; *брюхо*, с.р. – *Brust, die*, ж.р.; *нос*, м.р. – *Nase, die*, ж.р.; *мошна*, ж.р. – *Magen, der*, м.р.; *ребро*, с.р. – *Rippe, die*, ж.р.; *язык*, м.р. – *Zunge, die*, ж.р.; *борода*, ж.р. – *Bart, der*, м.р.; *шерсть*, ж.р. – *Haar, das*, с.р.

Основные различия по функциональному компоненту в рассмотренных славяно-германских лексических параллелях располагаются в плоскости

функционально-темпоральной: присутствуют 5 русских историзмов – *мыто, вёно, мошна, желести, корзно* и 7 архаизмов – *лихо, мзда, рамо, око, любый, толмач, перст*.

Расхождения в грамматическом и функциональном макрокомпонентах обуславливают различия по количественному показателю реализации славянских лексических параллелей и их немецких этимологий в области фразеологии.

Привлеченные в исследовании данные славянского лексического корпуса вносят существенный вклад в дело уточнения и расширения результатов уже имеющихся этимологических решений германских языковых единиц. Фонетические переходы, зафиксированные исследователями-славистами, соответствующие или, наоборот, противоречащие звуковым законам славянского языкового фона, равно как и изменения, затрагивающие морфологические признаки лексем в ракурсе диахронии, позволяют расширить представления о глубине реконструкции немецких этимонов, подтвердить, опровергнуть или поставить знак вопроса о включении конкретного германского этимона в индоевропейское лексическое гнездо. Исследование и описание семантических трансформаций, произошедших с течением времени в славянском лексическом корпусе, оказывают существенную помощь при попытке определения глубины культурно-исторического, языкового и неязыкового славяно-германского взаимодействия.

На сегодняшний день научно-исследовательское сообщество не выработало единого мнения по вопросу определения славянских лексических параллелей немецких этимологий; также отсутствует единство в вопросе вектора их этимологизации, что делает проведение дальнейших исследований в этой области необходимым и перспективным.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АК – авторский коллектив

Библия. В.З. Кн. Притч. Солом. – Библия, Ветхий Завет, Книга Притчей
Соломоновых

РБ – Республика Беларусь

СлДРЯ XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)

СлРНГ – Словарь русских народных говоров

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв.

СлЦСРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка

ФРГ – Федеративная Республика Германии

алеманд. – алемандский

анат. – анатолийский

англ. – английский

арх. – архаизм

Арх. – Архангельская губерния (область)

архит. – архитектурное

Астрах. – Астраханская губерния (область)

блр. – белорусский

болг. – болгарский

бот. – ботаническое

бран. – бранное

брет. – бретонский

букв. – буквально

в.луж. – верхнелужицкий

в.сакс. – верхнесаксонский

Верховаж. – Верховажский район Вологодской области

вин. п. – винительный падеж

Влад. – Владимирская губерния (область)

Волог. – Вологодская губерния (область)
вопр. мест. – вопросительное местоимение
Ворон., Воронеж. – Воронежская губерния (область)
высок. – высокий (стиль)
Вят. – Вятская губерния
галл. – галльский
геогр. – географическое
геометр. – геометрическое
герм. – германское
гл. – глагол
гот. – готский
греч. – греческий
д. – деревня
дат. – датский
диал. – диалектное
Дон. – Донское (по р. Дону)
досл. – дословно
др.англ. – древнеанглийский
др.болг. – древнеболгарский
др.в.н. – древневерхненемецкий
др.герм. – древнегерманский
др.инд. – древнеиндийский
др.ирл. – древнеирландский
др.рус. – древнерусский
др.сакс. – древнесаксонский
др.сканд. – древнескандинавский
др.слав. – древнеславянский
др.тюрк. – древнетюркский
др.фриз. – древнефризский
др.церк.слав. – древнецерковнославянский

ед. ч. — единственное число

ж.р. — женский род

жарг. — жаргонное

зап.герм. — западногерманский

и.-е. — индоевропейский

им. п. — именительный падеж

ирон. — ироничное

исл. — исландский

каз. — казанская губерния (по определению у В.И. Даля)

Камышл. — Камышловский район

Карпог. — Каргопольский район

кашуб. — кашубский

книжн. — книжное

Костром. — Костромская губерния (область)

Лаиш. Казан. — Лаишевский уезд Казанской губернии

лат. — латинский

лат.-герм. — латиногерманский

латв. — латвийский

латыш. — латышский

Ленингр. — Ленинградская область

лит. — литовский

м.р. — мужской род

макед. — македонский

мест. — местоимение

мн.ч. — множественное число

мрус. — малорусский язык (по определению А.Г. Преображенского)

Мурман. — Мурманская область

н.луж. — нижнелужицкий

нареч. — наречие

наст. вр. — настоящее время

нем. – немецкий

неодобр. – неодобрительное

неопр. мест – неопределенное местоимение

несов. – несовершенный вид

нидерл. – нидерландский

Нижегор. – Нижегородская губерния

Новг., Новгор. – Новгородская губерния (область)

о. – остров

обл. – область, областное, областной

общегерм. – общегерманский

общеслав. – общеславянский

Олон. – Олонецкая губерния.

Онеж. КАССР – Онежский район Карельской АССР

орнитол. – орнитологическое

осет. – осетинский

отриц. – отрицательное

перен. – переносное значение

Перм. – Пермская губерния (область)

Печор. – Печорское (по р. Печоре)

Пинеж. – Пинежский уезд (район) Архангельской губернии (области)

позд.лат – позднелатинский

Покр. – Покровский район

полаб. – полабский

Полев. Свердл. – Полевенский район Свердловской области

положит. – положительное

польск. – польский

Помор. – Поморское (у Белого моря)

пос. – поселок

поэтич. – поэтическое

праиндоевроп. – праиндоевропейский

пракельт. – пракельтский

праслав. – праславянский

предл. – предлог

преф. – префикс

придат. изъяснит. – придаточное изъяснительное

придат. определит. – придаточное определительное

прил. – прилагательное

прич. страд. прош. – страдательное причастие прошедшего времени

прост., простореч. – просторечное

Пск. – Псковская губерния (область)

Пудож. Олон. – Пудожский уезд Олонецкой губернии

р. – река

разг. – разговорное

ран.нов.в.н. – ранненововерхненемецкий

род.п. – родительный падеж

рунич. – рунический

рус. – русский

рус.церк.слав. – русскоцерковнославянский

с. – село

Свердл. – Свердловская область

серб.церк.слав. – сербоцерковнославянский

сербохорв. – сербохорватский

сильн. – сильное спряжение

слав. – славянский

словац. – словацкий

словен. – словенский

Смол. – Смоленская губерния (область)

союзн. сл. – союзное слово

спец. – специальное

ср.англ. – среднеанглийское

- ср.брет. – среднебретонский
- ср.в.н. – средневерхненемецкий
- ср.лат. – среднелатинский
- ср.н.н. – средненижненемецкий
- ср.нидерл. – средненидерландский
- Ставроп. Самар. – Ставропольский уезд, Самарской губернии
- ст.польск. – старопольский
- ст.слав. – старославянский
- ст.укр. – староукраинский
- ст.фр.– старофранцузский
- ст.чеш. – старочешский
- страд. – страдательный залог
- сущ. – имя существительное
- террит. – территориальное
- тех., техн. – техническое
- Том. – Томская губерния (область)
- укр. – украинский
- Урал. – Уральское.
- устар. – устаревшее
- фарер. – фарерский
- фарм. – фармакологическое
- хорв. – хорватский
- церк.слав. – церковнославянский
- чеш. – чешский
- швед. – шведский
- швейц. – швейцарский (диалект)
- шутл. – шутливое
- эльвд. – эльвдальский (диалект)
- Яросл. – Ярославская губерния (область)
- D – Dativ (дательный падеж)

A – Akkusativ (винительный падеж)

pl. – Plural (множественное число)

etw. – etwas (что-либо)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев, В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 5 т. / В.И. Абаев // АН СССР, Ин-т языкознания. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958–1995.
2. Ананьева, Н.Б. Пятиязычный словарь названий животных. Амфибии и рептилии. Латинский – русский – английский – немецкий – французский / Н.Б. Ананьева, Л.Я. Боркин, И.С. Даревский, Н.Л. Орлов. – М.: Русский язык, 1988. – 560 с.
3. Андреева, Р.П. Энциклопедия моды / Р.П. Андреева. – СПб. : Литера, 1997. – 416 с.
4. Аникин, А.Е. Проблемы русской диалектной этимологической лексикографии: автореф. дис. ... д. филол. наук в форме науч. докл.: 10.02.01 / Аникин Александр Евгеньевич. – Екатеринбург, 2000. – 42 с.
5. Аникин, А.Е. Русский этимологический словарь: в 13 вып. / А.Е. Аникин // РАН. Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова; Ин-т филологии Сибирского отд-ния РАН. – М.; СПб. : Рукоп. памятники Древней Руси; Знак; Нестор-История, 2007.
6. Анненков, Н.И. Ботанический словарь / Н.И. Анненков. – СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1878. – 646 с.
7. Анохина, В.В. Полесская терминология пчеловодства / В.В. Анохина, Н.В. Никончук // Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря. М. : Наука, 1968. – С. 320–365.
8. Бабакина, Т.Н. Развитие модального глагола *mögen* в немецком языке / Т.Н. Бабакина // Вестник ТГПУ. – 2013. – №3 (131). – С. 44–50.
9. Бёме, Р.Л. Пятиязычный словарь названий животных. Птицы. Латинский – русский – английский – немецкий – французский / Р.Л. Бёме, В.Е. Флинт. – М. : Русский язык, РУССО, 1994. – 845 с.

10. Берында, П. Лексикон славеноросский и имен толкование / П. Берында. – Киев : Типография Лавры, 1627. – 477 с.
11. Бинович, Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л.Э. Бинович. – М. : Аквариум, 1995. – 768 с.
12. Бирих А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – СПб. : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
13. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т.4.: Брасос-Веш / глав. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1971. – 500 с.
14. Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / Е.И. Лепинг, Н.П. Страхова, Н.И. Филичева [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1969.
15. Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / Е.И. Лепинг, Н.И. Филичева, М.Я. Цвиллинг. – 12-е изд., испр. – М. : Русский язык-Медиа; Дрофа, 2010.
16. Буслаев, Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
17. Веселовский, С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища, фамилии / С.Б. Веселовский // АН СССР. Отделение истории. Архив СССР. – М: Наука, 1974. – 382 с.
18. Волошина, О.А. «Митридат» Аделунга и теория происхождения языка // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского: – 2014. – №3–1. – С. 320–326.
19. Волошина, О.А. Фридрих Шлегель и Франц Бопп (флексия и агглютинация как две тенденции развития индоевропейского слова) / О.А. Волошина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2014. – №1. – С. 33–47.
20. Востоков, А.Х. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам / А.Х. Востоков. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1863. – 135с.

21. Востоков, А.Х. Филологические наблюдения / А.Х. Востоков. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1865. – 418 с.
22. Гамкрелидзе, Т.В., Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: в 2 ч. / Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванов; предислов. Р.О. Якобсон. – Тбилиси : Изд-во Тбил. ун-та, 1984.
23. Гёльтергоф, Ф. Российской Целлариус, или Этимологической российской лексикон, Купно с прибавлением иностранных в российском языке во употребление принятых слов, також с сокращенною российскою этимологиєю. / Ф. Гёльтергоф. – М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1771. – 656 с.
24. Горошук, А.В. Эволюция этимологической характеристики в словарях английского языка различных типов: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Горошук Анна Васильевна. – Иваново, 2009. – 169 с.
25. Горяев, Н.В. Опыт сравнительного этимологического словаря литературного русского языка / Н.В. Горяев. – Тифлис : Канцелярия главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1892. – 240 с.
26. Горяев, Н.В. Сравнительный этимологический словарь русского языка / Н.В. Горяев. – Тифлис : Канцелярия главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1896. – 451 с.
27. Грюненталь, О. Этимологические заметки / О. Грюненталь // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1913. – Т. XVIII. Кн. 4.– С. 127–147.
28. Даль, В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. – М. : Художественная литература, 1989.
29. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль – М.; СПб. : Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880–1882.
30. Девкин, В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: свыше 12000 слов / В.Д. Девкин. – М. : Русский язык, 1994. – 768 с.

31. Добровский, Й. Грамматика языка славянского по древнему наречию, на коем россияне, сербы и другие славяне греческого исповедания, и далматы-глаголиты римского исповедания имеют церковные книги: в 3 ч. / Й. Добровский / ч. 1 пер. с латин. М. Погодин / ч. 2–3 пер. с латин. С. Швырев. – СПб. : тип. Деп. нар. прос.; Тип. Импер. Акад. наук, 1833–1844.

32. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений), содержащий в себе объяснения малопонятных слов и оборотов, встречающихся в церковно-славянских и древне-русских рукописях и книгах: пособие для преподавателей русского и церковно-славянского яз. в низших и средних учебных заведениях ... : всех слов объяснено около 30000 / Г. Дьяченко. – М. : тип. Вильде, 1900. – 1120 с.

33. Журавлев, А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / А.Ф. Журавлев. – М. : Индрик, 2005. – 1003 с.

34. Зелинский, В.А. Корнеслов русского языка : Составленный по исследованиям авторитетных филологов / В.А. Зелинский. – М. : А.А. Гатцук, 1891. – 67 с.

35. Иванов, В.В. К истокам славянской социальной терминологии / В.В. Иванов, В.Н. Топоров // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. – М. : Наука, 1984. – С. 87–98.

36. Изюмов, М.М. Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими / М.М. Изюмов. – СПб. : А.Н. Шигин, 1880. – 599 с.

37. Иллич-Свитыч, В.М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм / В.М. Иллич-Свитыч. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 180 с.

38. Колесов, В.В. Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в. / В.В. Колесов // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX в. / под общ. ред. А.В. Десницкой. – Л. : Наука, 1984. – 303 с.

39. Корнилов, Г.Е. Этимология. Лингвистические исследования, критика и обобщения / Г.Е. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. – 232 с.
40. Круковер, В.И. Собаки. Самая полная энциклопедия / В.И. Круковер. – М. : Эксмо, 2013. – 464 с.
41. Куркина, Л.В. Еще раз к этимологии рус. *рамень* / Л.В. Куркина // Этимология. – М. : Наука, 2000. – 1997–1999. – С. 77–87.
42. Лавровский, П.А. О языке северных русских летописей / П.А. Лавровский. – СПб. : тип. Имп. Акад. наук, 1852. – 163 с.
43. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
44. Львов, А.С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности / А.С. Львов. – М. : Наука, 1966. – 321 с.
45. Маковский, М.М. Этимологический словарь современного немецкого языка / М.М. Маковский. – М. : Азбуковник, 2004. – 630 с.
46. Маркина, Л.Г. Культура Германии: лингвострановедческий словарь: свыше 5000 единиц / Л.Г. Маркина, Е.Н. Муравлёва, Н.В. Муравлёва. – М. : АСТ: Астрель: Хранитель, 2006. – 1181 с.
47. Марусенко, Т.А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье. М. : Наука, 1968. – С. 206–255.
48. Мейе, А. Общеславянский язык / А. Мейе. пер. с фр. П.С. Кузнецов. – М. : Прогресс, 2001. – 500с.
49. Михельсон, М.И. Меткие и ходячие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) – 2-е изд. / М.И. Михельсон. – СПб: тип. Императорской академии наук, 1896. – 598 с.
50. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских поговорок / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; под ред. В.М. Мокиенко. – М. : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

51. Невская, Т.В. История славянской этимологии в XIX в. (основные этапы развития): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Невская Татьяна Владимировна. – М., 1991. – 239 с.
52. Немецкие пословицы и поговорки / сост. В.К. Шалагина. – М. : Ин-т МО, 1962. – 88 с.
53. Немецко-русский биологический словарь / сост. И.И. Синягин, Н.Ф. Пасхин, О.И. Чибисова [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1971. – 832 с.
54. Немецко-русский словарь (основной) / К. Лейн, Д.Г. Мальцева, А.Н. Зуев [и др.]. – М. : Русский язык, 1992. – 1040 с.
55. Непокупний, А.П. Словник гідронімів України / А.П. Непокупний, О.С. Стрижак, К.К. Цілуйко // АН УССР. Ін-т мовознавства ім. А.А. Потебні. – Київ : Наукова Думка, 1979. – 780 с.
56. Никонов, В.А. Краткий топонимический словарь / В.А. Никонов. – М. : Мысль, 1966. – 509 с.
57. Никонов, В.А. Словарь русских фамилий / В.А. Никонов. – М. : Школа-Пресс, 1993. – 224 с.
58. О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков / О.Н. Трубачев // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 154–172.
59. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова // РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
60. Пизани, В. Этимология: история, проблемы, метод / В. Пизани. пер. с ит. Д.Э. Розенталя; под ред. В.И. Абаева. – 3-е. изд. – М. : URSS, 2009. – 186 с.
61. Пospelов, Е.М. Географические названия мира: Топонимический словарь: свыше 5000 единиц / Е.М. Пospelов. – М. : Русские словари, 1998. – 372 с.
62. Пospelов, Е.М. Историко-топонимический словарь России. Досоветский период / Е.М. Пospelов. – М. : Профиздат, 2000. – 224 с.

63. Похилевич, Л.И. Сказания о населенных местностях Киевской губернии или Статистические, исторические и церковные заметки о всех деревнях, селах, местечках и городах, в пределах Губернии находящихся / Л.И. Похилевич. – Киев: тип. Киево-Печерской Лавры, 1864. – 763 с.
64. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 3 т. / А.Г. Преображенский. – М.; Л. : тип. Г. Лисснера и Д. Собко, Изд-во АН СССР, 1910–1949.
65. Растительные ресурсы России: Дикорастущие цветковые растения, их компонентный состав и биологическая активность. В 7 т. Т. 6. Семейства Butomaceae-Турфасеae / отв. ред. А.Л. Буданцев. – СПб.; М. : КМК, 2014 – 391 с.
66. Рейф, К.Ф. Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или этимологический лексикон Русского языка: в 2 т. / К.Ф. Рейф. – СПб. : Типография Н. Греча, 1835–1836.
67. Решетников, Ю.С. Пятиязычный словарь названий животных. Рыбы. Латинский – русский – английский – немецкий – французский / Ю.С. Решетников, А.Н. Котляр, Т.С. Расс, М.И. Шатуновский. – М. : Русский язык, 1989. – 733 с.
68. Ромашко, С.А. Лингвистическая концепция романтизма (К истории европейского языкознания конца XVIII - начала XIX вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ромашко Сергей Александрович. – М., 1983. – 211 с.
69. Словарь Академии Российской: в 6 ч. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1789–1794.
70. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М. : Русский язык; Азбуковник, 1988–2013.
71. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–52 / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, С.А. Мызникова // АН СССР, Ин-т рус. яз.; Словарный сектор. – М.; Л.; СПб. : Наука, 1965.
72. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1–31 / АН СССР. Ин-т рус. яз. – М.; СПб. : Наука; Азбуковник; Нестор-История, 1975. – .
73. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1847.

74. Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: у 2 т. / Д.Г. Гринчишин, У.Я. Єдлінська, В.Л. Карпова, І.М. Керницький, Л.М. Полюга, Р.Й. Керста, М.Л. Худаш. – Київ : Наукова думка, 1977–1978.
75. Соколов, В.Е. Пятиязычный словарь названий животных. Млекопитающие. Латинский – русский – английский – немецкий – французский / В.Е. Соколов. – М. : Русский язык, 1984. – 352 с.
76. Срезневский, И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. / И.И. Срезневский. – СПб. : Тип. Императорской академии наук, 1893–1912.
77. Стриганова, Б.Р. Пятиязычный словарь названий животных. Насекомые. Латинский – русский – английский – немецкий – французский / Б.Р.Стриганова, А.А. Захаров. – М. : РУССО, 2000. – 560 с.
78. Суперанская, А.В. Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание / А.В. Суперанская. – М. : Айрис-пресс, 2005. – 384 с.
79. Ташкина, Е.В. Просодия и прагматика служебных слов в регистре лингвистической дискуссии // Вестник СамГУ. – 2006. – №5–1. – С. 156–161.
80. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935–1940.
81. Топоров, В.Н. Прусский язык. Словарь: в 5 т. / В.Н. Топоров. – М. : Наука, 1975–1990.
82. Трубачев, О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О.Н. Трубачев. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – 212 с.
83. Трубачев, О.Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура: в 4 т. / О.Н. Трубачев. – М. : Языки славянской культуры; Рукописные памятники Древней Руси, 2004–2009.
84. Трубачев, О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика / О.Н. Трубачев // Принципы и методы семантических исследований. – Москва: Наука, 1976. – 377 с.

85. Труды института русского языка. В 2 т. Т. 1. Этимологический словарь русского языка, составил А. Преображенский, выпуск последний / отв. ред. С.П. Обнорский. – М.-Л. : АН СССР, 1949. – 144 с.
86. Тупиков, Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н.М. Тупиков. – СПб. : тип. И.Н. Скороходова, 1903. – 857 с.
87. Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник / Р.А. Агеева, Ю.Н. Александров, Г.П. Бондарук, Е.М. Поспелов, Т.П. Соколова, А.Л. Шилов. – М. : Наука, техника, образование, 2003. – 337 с.
88. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. (с доп.) О.Н. Трубачев. – М. : Прогресс, 1964–1973.
89. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
90. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель: АСТ, 2001. – 510 с.
91. Цвиллинг, М.Я. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок: ок. 700 единиц / М.Я. Цвиллинг. – М. : Рус. яз., 1984. – 216 с.
92. Цой, А.С. Служебные слова как поверхностные субзнаки глубинных структур // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – С. 81–84.
93. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. / П.Я. Черных. – М. : Русский язык, 1993.
94. Шабаршов, И.А. Русское пчеловодство / И.А. Шабаршов. – М. : Агропромиздат, 1990. – 509 с.
95. Шимкевич, Ф.С. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками: в 2 ч. / Ф.С. Шимкевич. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1842.
96. Этимологический словарь русского языка: в 11 вып. / под ред. Н.М. Шанского, А.Ф. Журавлева. – М. : Изд-во МГУ, 1963–2014.

97. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд: в 41 вып. / под ред. О.Н. Трубачева, А.Ф. Журавлева, Ж.Ж. Варбот. – М. : Наука, 1974– .

98. Adelung, J.C. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hoch-deutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen: in 4 Bd. / J.C. Adelung – Leipzig : Breitkopf, 1793–1801.

99. Adelung, J.C. Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde mit dem «Vater Unser» als Sprachprobe in beinahe fünfhundert Sprachen und Mundarten: in 4 Bd. / J.Chr. Adelung. – Berlin : Vossische Buchhandlung, 1806–1817.

100. Bailey, N. An universal etymological English dictionary; comprehending the derivations of the generality of words in the English tongue, either ancient or modern and also a brief and clear explication of all difficult Words...: To which is added, a collection of our most common proverbs / N. Bailey. – London : Printed for H. Lintot, J. and R. Tonson, and S. Draper, 1735. – 954 p.

101. Berneker, E. Slavisches etymologisches Wörterbuch: in 2 Bd. / E. Berneker. – Heidelberg : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1908–1914.

102. Berneker, E. Slavisches etymologisches Wörterbuch: in 2 Bd. / E. Berneker. – 2. Aufl. – Heldorf : Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1924.

103. Bloomfield, M. On Assimilation and Adaptation in Congeneric Classes of Words / M. Bloomfield // The American Journal of Philology. – 1895. – Vol. 16. № 4. – P. 409–434.

104. Blount, T. Glossographia, or, a dictionary interpreting the hard words of whatsoever language, now used in our refined English tongue / T. Blount. – London : Tho. Newcomb, 1656. – 682 p.

105. Bopp, Fr. Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprachen / Fr. Bopp. – Frankfurt am Main : Andreäischen Buchhandlung, 1816. – 312 s.

106. Bopp, Fr. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gotischen und Deutschen: in 4 Bd. / Fr. Bopp. – Berlin : Ferd. Dummler's Verlagsbuchhandlung, 1833–1852.

107. Brückner, A. Słownik etymologiczny języka polskiego / A. Brückner. – Kraków : Nakł. i własność Krakowskiej spółki wydaw, 1927. – 805 s.
108. Derksen, R. Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon / R. Derksen. – Leiden; Boston: Brill, 2008. – 726 p.
109. Dobrovský, J. Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntnis für Böhmen / J. Dobrovský. – Prag : J. Herrel, 1809. – 399 s.
110. Dobrowský, J. Entwurf zu einem allgemeinen Etymologikon der slawischen Sprachen / J. Dobrowský. – Prag : Gottlieb Haase, 1813. – 86 s.
111. Dolobko, M. Der sekundäre v-Vorschlag im Russischen: Dem Andenken D.K. Petrov's gewidmet / M. Dolobko // Zeitschrift für Slavische Philologie. – Vol. 3. – No. 1/2. – Heidelberg : Universitätsverlag WINTER, 1926. – P. 87–144.
112. Duden Deutsches Universalwörterbuch / 8. Aufl. – Berlin : Dudenverlag, 2015.– 2128 s.
113. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen: in 3 Bd. / W. Pfeifer, G. Ginschel, G. Hagen [u.a.]. – Berlin : Akademie-Verlag, 1989.
114. Falk, H. Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog: i 2 b. / H. Falk, A. Torp. – Kristiania : Aschehoug, 1903–1906.
115. Franck, J. Etymologisch woordenboek der Nederlandsche taal / J. Franck. – 's Gravenhage : M. Nijhoff, 1892. – 1238 p.
116. Frisch, J.L. Teutsch-Lateinisches Wörter-Buch: darinnen nicht nur die ursprünglichen, nebst denen davon hergeleiteten und zusammengesetzten allgemein gebräuchlichen Wörter; Sondern auch die bey den meisten Künsten und Handwerken, bey Berg- und Saltzwerken, Fischereyen, Jagd-, Forst- und Hauß-Wesen, ua.m. gewöhnliche Teutsche Benennungen befindlich, Vor allen, Was noch in keinem Wörterbuch gesehen, denen Einheimischen und Ausländern, sowie in den mittlern Zeiten geschriebenen Historien, Chroniken, Übersetzungen, Reimen u. d. g. mit ihren veralteten Wörtern und Ausdrücken verstehen wollen, möglichst zu dienen, Mit überall beygesetzter nöthigen Anführung der Stellen, wo dergleichen in den Büchern zu finden: in 2 Bd. / J.L. Frisch. – Berlin : Verlegts Christoph Gottlieb Nicolai, 1741.

117. Gluhak, A. Hrvatski etimologijski rječnik / A. Gluhak. – Zagreb : August Cesarec, 1993. – 832 s.
118. Graf, A.E. 6000 Deutsche und Russische Sprichwörter / A.E. Graf. – Haale (Saale) : Veb Max Niemeyer Verlag, 1956. – 297 s.
119. Griesbach, H. 1000 deutsche Redensarten: mit Erklärungen und Anwendungsbeispielen / H. Griesbach, D. Schulz. – Berlin; München; Wien; Zürich; New York: Langenscheidt, 2000. – 248 s.
120. Grimm, J. Deutsche Grammatik: in 4 Bd. / J. Grimm. – Göttingen : Dieterichsche Buchhandlung, 1819–1837.
121. Grimm, J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. Bd. 1 / J. Grimm, W. Grimm. – Leipzig : S. Hirzel, 1854. – 1824 s.
122. Hellquist, E. Svensk etymologisk ordbok / E. Hellquist. – Lund : Gleerups, 1922. – 1283 s.
123. Holub, J. Etymologický slovník jazyka českého / J. Holub, F. Kopečný. – Praha : Statni nakladatelstvi ucebnic, 1952. – 575 s.
124. Johnson, S. A dictionary of the English language: in which the words are deduced from their originals, and illustrated in their different significations by examples from the best writers. To which are prefixed, a history of the language, and an English grammar: in 2 Vol. / S. Johnson. – London : Rivington [etc.], 1785.
125. Kerling, J. Chaucer in early English dictionaries / J. Kerling. – The Hague : Martinus Nijhoff Publishers bv, 1979. – 360 p.
126. Kiel, C. Etymologicum Teutonicae Linguae: Sive Dictionarium Teutonico-Latinum (1599). / C. Kiel. – Whitefish : Kessinger Publishing, 2009. – 786 p.
127. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. 25. Aufl., bearb. von E. Seebold. – Berlin, Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co, 2011. – 1021 s.
128. Kortlandt, F.H.H. Initial **u* in Baltic and Slavic / F.H.H. Kortlandt // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. – 1977. – Vol. 91. № 1. – P. 37–40.
129. Kroonen, G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic / G. Kroonen. – Leiden; Boston : Brill, 2013. – 794 p.

130. Linde, S.B. Słownik języka polskiego: 6 t. / S.B. Linde. – Warszawa : Drukarnia XX. Piłarow, 1807-1814.
131. Lochner, F.F. Zum Namengut des Frühmittelalters in der Steiermark / F.F. Lochner // Zeitschrift des Historischen Vereines für Steiermark. – Bd. 99. – Wien : Böhlau Verlag, 2008. – S. 51.
132. Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského / V. Machek. 2. vydání – Praha : Československé akademie věd, 1968. – 868 s.
133. Machek, V. Recherches dans le domaine du lexique baltoslave / V. Machek. – Brno : Filisofická fakulta s podporou Ministerstva školství a národní osvěty, 1934. – 95 p.
134. Magnússon, Á.B. Íslensk orðsifjabók / Á.B. Magnússon. – Reykjavík : Orðabók Háskólans, 1989. – 1231 s.
135. Miklosich, F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen / F. Miklosich. – Wien : Wilhelm Braumüller, 1886. – 547 s.
136. Младенов, С. Етимологически и правописенъ речникъ на българския книжовенъ езикъ / С. Младенов. – София : Христо Г. Данов, 1941. – 704 с.
137. Nielsen, N.A.A. Dansk etymologisk ordbog. Ordenes historie / N.A.A. Nielsen. – Kobenhavn : Gyldendal, 2008. – 500 s.
138. Paul, H. Deutsches Wörterbuch / H. Paul. – Halle (Saale) : Max Niemeyer, 1897. – 576 s.
139. Pauly, A.F. Beschreibung des Oberamts Leutkirch / A.F. Pauly. – Stuttgart und Tübingen : Verlag der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1843. – 299 s.
140. Phillips, E. The New World of English Words, or, a General Dictionary / E. Phillips. – London : E. Tyler for Nath. Brooke, 1658. – 374 p.
141. Pokorny, J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch: in 2 Bd. / J. Pokorny – Bern ; München : A. Francke Verlag, 1959-1965.
142. Rask, R.K. Undersøgelse om det gamle Nordiske eller Islandske Sprogs Oprindelse / R.K. Rask. – Kjobenhavn : H.F. Popp, 1818. – 312 s.

143. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten: Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bd. 11. / bearb. von Günther Drosdowski u. Werner Scholze-Stubenrecht. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich : Dudenverlag, 1992. – 864 s.
144. Richardson, C. A New Dictionary of the English Language: in 2 Vol. / C. Richardson. – London : W. Pickering, 1837.
145. Röhrich, L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten: in 2 Bd. / L. Röhrich. – Freiburg : Herder, 1973.
146. Schemann, H. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext / H. Schemann. – 2. Aufl. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011. – 1037 s.
147. Schlegel, F. von. Über die Sprache und Weisheit der Indier / F. von Schlegel. – Heidelberg : Mohr und Zimmer, 1808. – 324 s.
148. Schmitthenner, F. Kurzes deutsches Wörterbuch für Etymologie, Synonymik und Orthographie / F. Schmitthenner. – Darmstadt : Verlag von G. Jonghaus, 1837. – 574 s.
149. Skeat, W.W. An Etymological Dictionary of the English Language / W.W. Skeat. – Oxford : The Clarendon Press, 1888. – 844 p.
150. Skinner, S. Etymologicon Linguae Anglicanae, Seu Explicatio vocum Anglicarum Etymologica ex Propriis fontibus, scil. ex Linguis duodecim / S. Skinner. – London : T. Roycroft & prostant venales apud H. Brome ..., R. Clavel, B. Tooke ..., & T. Sawbridge..., 1671. – 708 p.
151. Skok, P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika: u 3 kn. / P. Skok. – Zagreb : Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1971–1974.
152. Sławski, F. Słownik etymologiczny języka polskiego: w 5 t. / F. Sławski. – Krakow : Towarzystwo miłośników języka polskiego, 1952–1982.
153. Szemerényi, O. The etymology of German Adel / O. Szemerényi // Word. – 1952. – Vol. 8. – P. 42–51.
154. Tamm, F.A. Etymologisk svensk ordbok: i 2 b. / F.A. Tamm, A.G. Noreen. – Uppsala : Akademiska boktryckeriet E. Berling, 1890–1905.

155. The Oxford English Dictionary: in 20 Vol. / 2. ed. by J. Simpson, E. Weiner. – Oxford : Clarendon Press, 1989.
156. Trautmann, R. Baltisch-Slavisches Wörterbuch / R. Trautmann. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1923. – 382 s.
157. Vasmer, M. Russisches etymologisches Wörterbuch: in 3 Bd. / M. Vasmer – Heidelberg : Carl Winter, 1953–1958.
158. Vries, J.de. Etymologisch Woordenboek: Waar komen onze woorden en plaatsnamen vandaan? / J. de Vries. – Utrecht-Antwerpen : Het Spectrum, 1959. – 300 s.
159. Walde, A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch: in 2 Bd. / A. Walde. – 3. Aufl. v. J.B. Hofmann. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1938–1954. – 2053 s.
160. Wander, K.F.W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon: Ein Hausschatz für das deutsche Volk: in 4 Bd. / K.F.W. Wander. – Leipzig : F.A. Brockhaus, 1867–1880.
161. Webster, N. An American Dictionary of the English Language: in 2 Vol. / N. Webster. – Springfield : G & C Merriam, 1865.
162. Wood, Francis A. Names of Stinging, Gnawing, and Rending Animals. Part II / F.A. Wood // The American Journal of Philology. – Vol. 41. – No. 4. – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1920. – P. 336–354.

Электронные ресурсы

163. Храм-музей Святителя Николая в Толмачах: официальный сайт. – Москва. – URL: <http://hramvtolmachah.ru/index.php/about/about> (дата обращения 20.03.2020)
164. Български етимологичен речник [Electronic resource]: Институт за Български Език – URL: <https://ibl.bas.bg/ber/> (дата обращения 09.10.2019).
165. Dortmund: official website. – URL: <https://www.dortmund.de/de/index.html> (дата обращения 15.04.2020)
166. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]: Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und

Gegenwart, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. – URL: <https://www.dwds.de/d/wb-etymwb> (дата обращения 08.10.2019).

167. Eibelstadt: official website. – URL: <https://www.eibelstadt.de/> (дата обращения 15.04.2020)

168. Marktgemeinde Mauthausen: official website. – URL: https://www.mauthausen.at/UNSER_MAUTHAUSEN/Chronik/Geschichte (дата обращения 12.01.2020).

169. Město Mýto: official website. – URL: <https://www.mestomyto.cz/mesto/historie-mesta/> (дата обращения 25.01.2020).

170. Mýto pod Ďumbierom: official website. – URL: <https://mytopoddumbierom.sk/obec/historia> (дата обращения 25.01.2020).

171. The Oxford English Dictionary [Electronic resource]: Oxford University Press – URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения 08.10.2019).